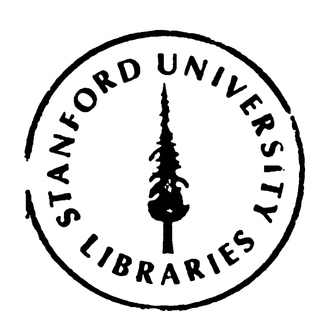

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

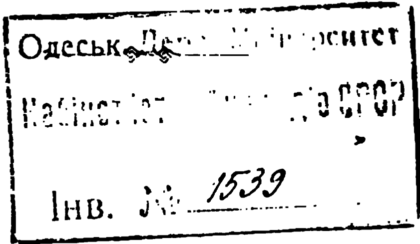
РУССКО-ПОЛЬСКІЯ ОТНОШЕНІЯ.

Нѣкоторыя замѣчательныя по этому предмету мысли, слова, рѣчи, узаконенія, размышленія и разсужденія.

Собралъ изъ газетъ, журналовъ и отдѣльныхъ изданій

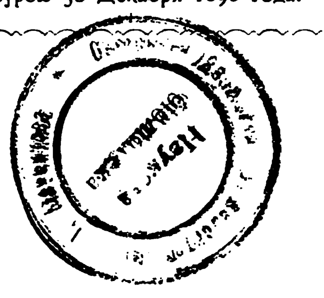
Библіофилъ.

Изданіе второе, значительно дополненное.

ВИЛЬНА.
Типографія **А. Г. Сыркина**, Большая ул., собств. д., № 88.
1897.

Дозволено цензурою 30 Декабря 1896 года. Вильна.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая брошюра вызвана появленіемъ книги гр. Леливы „о русско-польскихъ отношеніяхъ“. Эта книга составляетъ прискорбный, грубый памфлетъ на весь русскій народъ, не только съ его прошедшимъ и настоящимъ, но и будущимъ. Дѣяніе легкомысленное, непростительное, недостойное писателя! Въ самомъ дѣлѣ, какіе могутъ быть счеты у русскаго народа съ польскимъ? Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы русскіе и большая часть польскаго народа составляемъ одно государство, служимъ одному государю, дѣйствуемъ общими силами на одной общей территоріи, свободно живя на ней, поселяясь, разрабатывая землю, путешествуя и пользуясь ею всячески. Рѣшительно по всему обширному лицу русской земли мы встрѣчаемъ поляковъ, живущихъ свободно, какъ дома, и живутъ они подъ покровительствомъ законовъ, общихъ для всѣхъ. Изобиліе поляковъ на государственной службѣ, на всѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи доказываетъ мирныя, дружественныя отношенія къ нимъ русскихъ. На всемъ пространствѣ бывшихъ польскихъ областей народъ повинуется властямъ, трудится, исправно пла-

титъ всѣ подати и повинности и вездѣ доволенъ своимъ положеніемъ, вездѣ преданъ и благодаренъ русской власти и за надѣлъ землею, и за освобожденіе отъ худшаго изъ всѣхъ игъ—панскаго ига. Очевидно для всякаго, что тутъ никакого новаго политическаго вопроса объ отношеніяхъ между русскими и поляками нѣтъ и быть не можетъ. Отъ самаго уже польскаго народа зависитъ усовершенствоваться въ будущемъ подъ охраною общихъ нашихъ государственныхъ законовъ, до безконечности развиваться нравственно и матеріально. И мы должны сознаться, что этотъ народъ отлично понимаетъ свое положеніе: работаетъ, богатѣетъ, широко развиваетъ у себя искусство, литературу и не ищетъ какого нибудь новаго политическаго строя [1]).

---

[1]) Когда въ 1864 г. Высочайшимъ указомъ отъ 19 Февраля окончательно было утверждено устройство правительственныхъ учрежденій царства польскаго, въ томъ числѣ и сельской гмины, куда вводились и крестьяне, обнаружившіе, по словамъ указа, въ смутныхъ (1862—1863 гг.) обстоятельствахъ свой здравый смыслъ и свое уваженіе къ законной власти, то въ Апрѣлѣ того же года явилась въ Петербургъ депутація отъ польскаго народа повергнуть чувства благодарности къ подножію царскаго престола. 7-го Апрѣля въ Зимнемъ дворцѣ Государь принялъ депутатовъ, благодарилъ ихъ за вѣрность, оказанную законному правительству, напомнилъ имъ, что, слѣдуя собственному желанію и исполняя завѣтъ незабвеннаго Родителя своего, Онъ даровалъ имъ нынѣ важныя права и вполнѣ надѣется, что они навсегда останутся вѣрными ему, будутъ повиноваться властямъ, отъ него установленнымъ, и въ точности исполнятъ свои обязанности по утвержденнымъ Высочайшею властію постановленіямъ, что онъ поручаетъ депутатамъ передать его слова крестьянамъ тѣхъ мѣстностей, по избранію которыхъ они прибыли. Царскую рѣчь депутаты постоянно пре-

Это честный, вѣрноподданный народъ, къ которому мы присоединяемъ и всѣхъ другихъ поляковъ различныхъ сословій, честно и свято исполняющихъ свои обязанности относительно нашего общаго отечества —Россіи. Съ ними мы всегда идемъ рука объ руку; у насъ общіе интересы, общія задачи.

Но за плечами польскаго народа стоитъ цѣлая революціонная клерикально-шляхетская польская партія, „партія безпорядка". Съ нею у насъ нѣтъ и не можетъ быть никакого единенія и мира. Прикрываясь именемъ польскаго народа, *самозванно объявляя себя его представителемъ* [1]), эта партія безпорядка подъ высокимъ зна-

---

рывали восклицаніями: „будемъ вѣрны, не будемъ щадить ни жизни нашей, ни достоянія; будемъ послушны; будемъ въ точности исполнять наши обязанности; никогда не забудемъ великихъ благодѣяній Государя Императора и Царя польскаго"!... Русскій біографическій словарь - I, 617, 618.

[1]) Государь Александръ I остался недоволенъ рѣзкими замѣчаніями Варшавскаго сейма 1820 года на счетъ польскаго государственнаго совѣта. Свое неудовольствіе Государь приказалъ объявить по воеводствамъ людямъ благомыслящимъ и спокойнымъ. Тогда нѣкоторыя воеводства (Калишское, напр., Августовское и даже президентъ города Варшавы) подали заявленія, что они *не уполномочивали своихъ представителей на такой поступокъ*, (порицаніе правительственныхъ мѣропріятій), что такое поведеніе депутатовъ отъ воеводствъ наполнило сердца ихъ горечью, что гнѣвъ Монарха имѣетъ справедливыя основанія, но они обращаются къ его милосердію и *просятъ не дѣлать отвѣтственнымъ всего края за вины и проступки нѣсколькихъ лицъ*.... (Barzykowski—Historya powstania listopadowego. Poznań, 1883 r. I, 143, 144). Конечно, польская революціонная печать сдѣлавшихъ такія заявленія обозвала людьми слабыми, неспособными, малодушными прислужниками.... (Ibid.).

менемъ свободы и человѣчности, мятется по всей Европѣ и всюду разноситъ о русскомъ народѣ самую наглую ложь, различныя неимовѣрныя клеветы о преслѣдованіи якобы въ Россіи поляковъ за ихъ національность, за ихъ римско-католическую вѣру, за ихъ стремленіе ко всему культурному, высокопросвѣщенному. Въ Европѣ очень хорошо знаютъ этихъ скитальцевъ на странахъ далече и еще лучше понимаютъ всю сущность ихъ фальшивыхъ проповѣдей. Англія, Франція и Австрія, подъ предлогомъ симпатій къ Польшѣ, постоянно пользовались поляками исключительно для собственныхъ цѣлей и для поддержанія въ нихъ самой непримиримой ненависти къ Россіи. Обѣщая обыкновенно полякамъ всѣ блага, которыхъ они искали, въ секретныхъ переговорахъ между собою эти державы просто издѣвались надъ мечтаніями поляковъ, отзывались о нихъ съ обиднымъ, грубымъ презрѣніемъ. Наполеонъ I, которому революціонная польская партія довѣряла какъ Богу, на заявленія въ 1809 г. польскихъ депутатовъ возстановить независимость и самостоятельность Польши, какъ государства, съ провозглашеніемъ одного изъ членовъ своей семьи (указывали въ тихомолку Мюрата) польскимъ королемъ, съ презрѣніемъ отвѣтилъ полякамъ, порицая ихъ своекорыстіе и недовѣріе къ нему: „я не пришелъ къ вамъ просить, какъ милостыни, короны для членовъ моей фамиліи; и безъ вашей короны у меня достаточно царскихъ престоловъ для раздачи; я пришелъ установить равновѣсіе Европы; я предпринялъ одно изъ самыхъ трудныхъ дѣлъ, отъ котораго поляки болѣе всѣхъ другихъ народовъ могутъ извлечь для себя пользу, такъ какъ вопросъ касается ихъ независимости. ***Если они будутъ поддерживать меня съ полнымъ посвященіемъ себя, я возстановлю ихъ независимость;*** въ противномъ

случаѣ, ничего имъ не сдѣлаю и оставлю ихъ подъ управленіемъ давнихъ господъ“ [1]). И поляки, замѣчаетъ современный польскій историкъ, несли съ своей стороны всѣ жертвы на алтарь Наполеону I; но Польши онъ не возстановилъ [2]). Надъ княземъ Чарторыйскимъ, мечтавшимъ о возстановленіи Польши, иностранные дипломаты на Вѣнскомъ конгрессѣ насмѣхались въ секретной дипломатической перепискѣ, какъ надъ человѣкомъ, съ узкими слишкомъ политическими горизонтами, для котораго *весь міръ заключался только въ Польшѣ* [3]). Послѣ мятежа 1831 года польская эмиграція свила себѣ гнѣздо въ Парижѣ и Наполеонъ III не на шутку, повидимому, занимался польскою „справой“, оказывая ей видимое сочувствіе. Въ 1863 году со дня на день ожидали поляки появленія французскихъ войскъ съ цѣлію освобожденія ихъ отъ мнимаго рабскаго ига и съ тѣмъ вмѣстѣ съ каждымъ днемъ поведеніе поляковъ относительно Россіи становилось заносчивѣе и болѣе вызывающимъ. Они не вразумлялись тѣмъ, что даже съ княземъ Чарторыйскимъ (Владиславомъ Адамовичемъ), представителемъ въ Парижѣ польской эмиграціи, Наполеонъ III любилъ разсуждать болѣе о погодѣ, нежели о политикѣ [4]). Не знали бѣдные поляки, что Наполеонъ

---

[1]) Historya powstania listopadowego—Barzykowski—1, 32.

[2]) Ibid.

[3]) Mysl polityczna... I. Moszyńki—1, 360.

[4]) Когда Чарторыйскій возвратился изъ Австріи, куда ѣздилъ съ дипломатическими цѣлями, и, явившись къ Наполеону III для передачи ему своихъ впечатлѣній, между прочимъ замѣтилъ, что Австрія готова поддержать вопросъ о возстановленіи Польши, Наполеонъ воскликнулъ: „охъ, ужъ эта Австрія, всегда вы на нее расчитываете! Увидите,

думалъ окончательно присоединить даже Галицію къ Россіи, только бы послѣдняя помогла ему въ борьбѣ съ Австріею [1]).

Величайшее несчастіе Польши состоитъ въ томъ, писали въ 1864 году въ Revue des deux mondes (стр. 662), что она не можетъ ни воскреснуть, ни умереть совершенно. Такое тяжелое положеніе ея вѣчнаго издыханія особенно на руку Австріи и Англіи. И въ Вѣнѣ, и въ Лондонѣ одинаково были бы недовольны совершеннымъ уничтоженіемъ польскаго народнаго чувства. Это писалось въ виду усиливающагося вліянія Россіи въ Азіи, чѣмъ возмущалась Англія, а также въ виду возможности ссорить Россію съ Франціей, при возбужденіи польскаго вопроса. Безъ этого вопроса Россія, говорили тогда, очень легко можетъ сблизиться съ Франціей, а это было нежелательно европейской политикѣ. Польская справа потому у нея всегда была въ карманѣ

что она проведетъ всѣхъ насъ"; и обратясь въ другую сторону, внезапно прибавилъ: „какая прекрасная сегодня погода"... Совершенно вѣрно, отвѣчалъ князь и просилъ разрѣшенія Императора прогуляться по Тюльерійскому саду.... Mysl polityczna—Moszyński—t. 2, 156.

[1]) Наканунѣ италіанской войны Наполеонъ III пригласилъ къ себѣ адмирала La Roncière le Noury и, помимо всякихъ сношеній съ министромъ, вручилъ ему письмо къ Императору Александру II, въ которомъ заявлялъ, что вполнѣ соглашается на присоединеніе Галиціи къ Россіи, если только Россія объявитъ войну Австріи. Императоръ Александръ, удивленный такимъ страннымъ предложеніемъ, съ презрительнымъ порицаніемъ отвергъ сдѣланное предложеніе, заявивъ посланному, что вступить на предложенный путь Онъ не можетъ и не желаетъ. Rzecz o roku 1863 — t. 2, 77. Mysl polityczna—Moszyński—t. 2, 102.

„на всякій случай", и поляки являлись тутъ козломъ отпущенія.

Объ этомъ открыто заявляли представители дворовъ Англіи и Австріи. Лордъ Кларендонъ въ письмахъ къ лорду Пальмерстону во время засѣданій Парижскаго конгресса (1856 г.) замѣчаетъ между прочимъ: „дѣйствительно, старый Чарторыйскій (б. попечитель Виленскаго учебнаго округа) считаетъ невозможнымъ даже допустить, чтобы Россія могла сдѣлать что нибудь для поляковъ безъ принужденія со стороны; онъ сильно налегаетъ на меня, чтобы я работалъ на этомъ пути. Но, признаюсь, я слишкомъ уменъ для того, чтобы заниматься такою работой". И въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, „интересами истинныхъ поляковъ, т. е. живущихъ въ польскомъ королевствѣ, не слѣдуетъ жертвовать вымогательствамъ эмиграціи, которая нисколько не безпокоится положеніемъ первыхъ и занята исключительно тѣмъ, чтобы не упустить сроковъ давности правъ, которыя якобы гарантированы Польшѣ какими то трактатами, и это въ тѣхъ видахъ, чтобы въ случаѣ войны можно было на нихъ обосноваться" [1]).

Канцлеръ Австріи, князь Меттернихъ, откровенно сознавался прусскому уполномоченному при австрійскомъ дворѣ, что онъ считаетъ себя въ числѣ тѣхъ, которые съ уваженіемъ относятся къ чужой народности. Одного только онъ не можетъ понять, какъ это люди не пользуются для своего блага тѣмъ, что дѣйствительно попадаетъ имъ въ руки, и какъ иные на оборотъ заявляютъ такія требованія, которыя представляются ужъ очень „глупыми". „Такое обстоятельство, говоритъ князь,

---

[1]) Historya dwuch lat—1861—1862, t. I, 39.

имѣетъ мѣсто по отношенію къ вопросу о польскомъ народномъ духѣ. Большія государства падаютъ исключительно самоубійствомъ. Подобною смертью погибла и Польша. И вотъ теперь (1846 г.), когда государство (польское) болѣе не существуетъ, пробудился польскій патріотизмъ, а эмиграція употребляетъ, кажется, всѣ мѣры для того, чтобы заставить другія государства изъять изъ подъ покровительства законовъ даже самое имя Польши [1]). „Полонизмъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, это только формулка, слово, скрывающее подъ собою революцію въ самой дикой формѣ (sous sa forme la plus brutale). Полонизмъ—это уже сама въ себѣ революція, а не то, что ея отпрыскъ, побѣгъ; доказательствомъ тому служатъ извѣстныя вспышки польской эмиграціи. Полонизмъ не объявляетъ войны тремъ державамъ, которыя владѣютъ бывшимъ польскимъ краемъ; нѣтъ, онъ возстаетъ противъ всѣхъ существующихъ порядковъ и своею проповѣдію силится опрокинуть всѣ основанія, на которыхъ зиждутся общественныя отношенія: потому борьба противъ него должна входить въ обязанности не однѣхъ трехъ державъ: это настоятельный долгъ всѣхъ государствъ [2]). Еще въ въ 1830 году князь Меттернихъ заявилъ, что польское королевство, со времени его возстановленія (Императоромъ въ 1815 г.), онъ считалъ не болѣе какъ пороховымъ складомъ, горючій матеріалъ котораго увеличивался постоянно, при всякой новой уступкѣ

---

[1]) Memoires par le prince Metternich—t. VII. 197.

[2]) Ibid. 211. И еще: La Pologne n'est qu'un entrepôt, qu'une succursale de la grande société revolutionaire, dans laquelle les émigrés polonais ceux d'autres pays ne sont que les instruments du radicalisme français et fuissent même par equivaloir, entre les mains du Gouvernement, á des ateliers et á des armes. Ibid. 210.

въ пользу полонизма [1]). Что же удивительнаго, если по временамъ онъ долженъ вспыхивать, при нагроможденіи горючаго матеріала съ каждою новою уступкою?

Не смотря на такіе взгляды иностранныхъ державъ на польскій вопросъ, онѣ, хотя съ огнемъ играть и опасно, поддерживаютъ однако полонизмъ—этотъ пороховой складъ, по временамъ поджигаютъ его и, смотря по обстоятельствамъ, въ ту или другую сторону направляютъ его убійственныя вспышки. Такъ въ своихъ видахъ пользовались польскою революціонною партіею Англія, Франція, теперь Австрія, хотя она и устроила было у себя извѣстную галиційскую рѣзню. Даже Гарибальди и тотъ закидывалъ свой неводъ въ польское море; и у него плясало до издыханія немало польскихъ эмиграціонныхъ рыбъ. И въ немъ поляки думали видѣть новаго вождя, который введетъ ихъ въ землю обѣтованную [2]).

Весь вредъ, всю пагубную неестественность подобной антинаціональной политики чувствуютъ и сознаютъ лучшіе польскіе люди. Они видятъ, что вражда, поддерживаемая революціонною партіею между поляками и русскими, питаемая иностранными дворами, ведетъ поляковъ къ самоубійству, что въ разрывѣ съ Россіею для нихъ нѣтъ спасенія, что натянутыя мятежническія отношенія поляковъ къ русскимъ выгодны исключительно чуждому богу Молоху и особенно Австріи, хотя этотъ богъ и будетъ поѣдать собственныхъ дѣтей. „Съ той поры, говоритъ гр. Мошинскій, какъ Россія во времена Александра I стала работать въ духѣ объединенія всѣхъ

---

1) Ibid. t. 5, 77.

2) Historya dwuch lat 1861—1862 t. I, 317.

своихъ польскихъ подданныхъ, руководительною мыслью Австріи въ польскомъ вопросѣ было (конечно секретно) недопускать къ этому Россію; она съ замѣчательнымъ упорствомъ порола всѣ нити, которыми хотя сколько нибудь скрѣплялся взаимный миръ. Каждое движеніе поляковъ, направленное противъ Россіи, хотя бы оно вытекало изъ самого мутнаго источника, сейчасъ же объявлялось Австріей, какъ движеніе *всего польскаго народа*, такъ какъ это было для нея выгодно (въ видахъ политическихъ). Но, продолжаетъ Мошинскій, бѣда цѣлому народу (польскому), если бы какая нибудь горсть шальныхъ головъ и пройдохъ осмѣлилась начать противъ Австріи хотя бы самое слабое дѣйствіе... Тогда пускались въ ходъ всѣ средства, чтобы стѣснить и совершенно уничтожить въ Галиціи польскую народность" [1]). Авторъ брошюры: Obrachunki polityćzne (политическіе счеты), второй выпускъ которой изданъ въ текущемъ году въ Краковѣ, между прочимъ пишетъ: „Отъ русской державы не оторвемся ни сегодня, ни завтра. Это фактъ, составляющій исходную точку въ нашей жизни, въ нашей работѣ для будущаго. Добровольное ослѣпленіе—наша тяжкая политическая болѣзнь, причина нашихъ несчастій и безсилія. Терроризмъ общественнаго мнѣнія, недопускающій свободы мысли въ вопросахъ, связанныхъ съ народнымъ бытомъ, долженъ былъ привести къ самообману, ко лжи и ошибкамъ. Не слѣдуетъ вводить себя въ заблужденіе, думая, что примиреніе съ судьбою въ границахъ россійскаго государства, можетъ привести къ желаемымъ результатамъ даже и тогда, если оно не бу-

---

[1]) Moszynski—Mysl polityczna—t. 2, 43, 44. Авторъ живетъ и пишетъ въ Галиціи.

детъ искреннимъ. *Искренность необходимое условіе. Государство не приметъ подъ свое покровительство и не поддержитъ нашего труда надъ общественнымъ усовершенствованіемъ до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтетъ увѣренности, что мы не направили своихъ силъ противъ него, пока не получитъ возможности вполнѣ намъ довѣрить*" [1]).

Но въ томъ то и бѣда, что поляки, подъ терроромъ мнѣнія революціонной партіи, никакъ не хотятъ довѣриться русскому Государю, русскому народу, вполнѣ положиться на ихъ слова и обѣщанія, искренно объединиться въ служеніи нашему общему отечеству—Россіи. „Я единственный вашъ другъ", говорилъ полякамъ Императоръ Александръ I; „имѣйте немного терпѣнія... Не сомнѣвайтесь въ моемъ желаніи видѣть васъ счастливыми и довольными" [2]). Какъ бы въ отвѣтъ на это послѣдовала со стороны поляковъ генеральная конфедерація въ пользу Наполеона [3]). Хотя Императоръ Александръ I и писалъ Чарторыйскому (отъ 1-го апр. 1812 года), что онъ, какъ полякъ не долженъ закрывать глаза на тѣ бѣды, на которыя обрекаетъ себя его отечество, когда оно, слѣдуя подъ знаменами Франціи, дастъ право Россіи мстить Польшѣ за то зло, которое сыны ея могли бы причинить русскимъ [4]), но побѣдивши Наполеона, Императоръ великодушно простилъ поляковъ, все предалъ забвенію и сталъ серьезно думать о возстановленіи Польши [5]). Наконецъ, польское королевство было

---

[1]) Ср. Варшавскій Дневникъ 1896 г., № 273.
[2]) Русскій біографическій словарь, т. I. 312, 317.
[3]) Moszyński—Myśl polityczna—t I. 330—333.
[4]) Memoires du prince Adam Czartoryski—t. 2. 283.
[5]) Рускій біографическій словарь—т. I. 305, 312.

возстановлено; существовала Польша; былъ польскій король въ національномъ мундирѣ и цвѣтахъ; отъ умиленія поляки и особенно польки проливали слезы. . [1]).

Но не чувство благодарности и беззавѣтной преданности выказали поляки Императору Александру, какъ бы то слѣдовало, за такое его дѣло, сопряженное съ самопожертвованіемъ и величайшими препятствіями [2]). Они настоятельно требовали отъ Императора присоединенія къ возстановленному польскому королевству древнихъ западно-русскихъ областей. „Сдѣлаю все, какъ было обѣщано, говорилъ Государь, но это не можетъ быть исполнено разомъ. Необходимо довѣріе. Имѣю право на него послѣ всего, что мною сдѣлано". На новыя настаиванія, Императоръ отвѣчалъ: „не затрогивайте нѣжной струны, которая поставила бы меня въ затруднительное положеніе. Я не могу допустить, чтобы вы просили о присоединеніи къ Польшѣ сѣверо-западныхъ областей, такъ какъ не слѣдуетъ подавать повода къ мысли, что вы меня о томъ просите. Необходимо, чтобы всѣ были убѣждены въ томъ, что я сдѣлалъ это по собственному почину, что именно я этого желаю.. Никто не можетъ допустить предположеніе, чтобы я намѣренъ былъ отдѣлить эти области отъ Россіи. Напротивъ я хочу упрочить связь этихъ областей съ моею Имперіею, заботясь о томъ, чтобы мои польскіе подданные не имѣли причинъ жаловаться.. Когда

---

[1]) Рускій біографическій словарь—т. I. 346.

[2]) Въ разговорѣ съ депутатами отъ нынѣшнихъ Сѣверо-западныхъ губерній Императоръ Александръ сказалъ имъ между прочимъ: „Адамъ (князь Чарторыйскій) скажетъ вамъ, что мнѣ это (возстановленіе Польши) стоило и какія долженъ былъ я преодолѣть препятствія въ Вѣнѣ". Ibid.

я буду въ состояніи указать на польское правительство (въ Варшавѣ), какъ на образцовое, когда увидятъ, что существованіе его не сопровождается никакимъ вредомъ для Имперіи, тогда мнѣ будетъ легко выполнить и остальное. Еще разъ -довѣріе, и не ставьте меня въ затруднительное положеніе" [1]). Но сердечныя рѣчи Императора не находили доступа къ сердцамъ поляковъ. Повторяя слова Наполеона, они стали кричать, что онъ ихъ обманываетъ однѣми обѣщаніями. Поляки пошли дальше. Они объявили Императора Александра I нарушителемъ ихъ конституціи. На сеймѣ въ Варшавѣ въ 1820 году вызывающимъ образомъ было заявлено, что „конституція (польская) — это собственность народа; король не имѣетъ ни малѣйшаго права не только отнять ее (у поляковъ), но даже измѣнить: мы уже потеряли свободу печати, лишены свободы личной; попрано право собственности; теперь хотятъ уничтожить отвѣтственность министровъ. Что же, послѣ этого, останется намъ отъ всей конституціи? Одна тѣнь великаго имени! Поспѣшимъ же лучше отказаться отъ всѣхъ обманныхъ ручательствъ, чтобы лишить возможности улавливать въ сѣти довѣрчивыхъ патріотовъ" [2]).

Послѣ этого, въ результатѣ всѣхъ своихъ благороднѣйшихъ мечтаній и намѣреній, Императоръ Александръ долженъ былъ увидѣть, говоритъ Мошинскій, гидру революціи, которая одинаково ширилась какъ въ польскомъ, такъ и русскомъ обществѣ. Въ его душѣ должна была произойти и дѣйствительно произошла реакція, соединенная съ тѣмъ горькимъ убѣжденіемъ, что всѣ самыя лучшія его намѣренія, воспитанныя въ душѣ отъ

---

[1]) Русскій біографическій словарь т. I. 347.

[2]) Barzykowski—Historya powstania listopadowegó - t. I. 142.

лѣтъ юности, обращаютъ ни во что именно тѣ, для которыхъ онъ работалъ съ такою искренностію, не думая даже о накоплявшихся было трудностяхъ“ [1]).

Оставляя Варшавскій сеймъ 1820 года, Императоръ, оскорбленный, разочарованный, въ заключительной рѣчи сказалъ между прочимъ полякамъ: „спросите свою совѣсть, и она вамъ скажетъ: сдѣлали-ль вы, въ теченіи вашихъ засѣданій, для Польши все то, чего она вправѣ была ожидать отъ вашего благоразумія, или на оборотъ: поддаваясь различнымъ внушеніямъ, слишкомъ обыкновеннымъ въ настоящее время, и жертвуя надеждами, которыя въ предусмотрительномъ довѣріи получили бы осуществленіе, не запоздали ли вы тѣмъ самымъ съ дѣломъ возстановленія вашего отечества? *На васъ должна будетъ пасть за это отвѣтственность всею своею тяжестію*“. Въ первый разъ Императоръ Александръ оставлялъ Варшаву съ гнѣвомъ, замѣчаетъ одинъ изъ польскихъ историковъ [2]).

А Императоръ Александръ II—сколько разъ напоминалъ Онъ полякамъ не увлекаться, не препятствовать его благимъ намѣреніямъ къ устройству царства польскаго, оставить мечтанія! Все было напрасно! Тѣ же неразумныя требованія со стороны поляковъ какой то конституціи, присоединенія къ Польшѣ Западнорусскихъ областей, и потомъ крики о фиктивныхъ гоненіяхъ, преслѣдованіяхъ за вѣру, за народность! Графъ Лелива съ своими сочиненіями служитъ только новѣйшимъ запоздалымъ отголоскомъ этой фальшивой нотки, этой давней на насъ клеветы.

---

[1]) Moszynski—Mysl polityczna—t. I. 381.

[2]) Barzykowski. Historya powstania listopadowego t. I, 142.

Россія, какъ могущественное народное государство, не можетъ вести польскую политику: она должна и можетъ вести только русскую политику, т. е. такую, какая пригодна для ея русскихъ интересовъ. Безъ этого она потеряла бы всякое уваженіе къ себѣ, всякое международное значеніе. „Для насъ безспорно, говоритъ одинъ новѣйшій изслѣдователь по русской исторіи, что замѣтное усиленіе международнаго значенія Россіи всегда будетъ результатомъ политики истинно-національной, которая ставитъ себѣ цѣли, соотвѣтствующія *всему прошлому народа*, его существеннымъ потребностямъ и стремленіямъ, а пріемы свои и дѣйствія основываетъ на самомъ высокомъ уваженіи къ чести и достоинству *своего* народа" [1]). Графъ Лелива съ К° лучше бы сдѣлали, если бы стали издавать книги не для убѣжденія русскаго общества въ истинности завѣдомо выдумываемыхъ гоненій и преслѣдованій поляковъ со стороны Россіи, въ чемъ убѣдить насъ просто невозможно, а для того, чтобы показать полякамъ, что „фигурировать безъ нужды въ вѣчной позѣ страдальца—значитъ дѣлать ошибочный расчетъ". Они вызвали бы благодарность, если бы убѣдили поляковъ, что „упрекать постоянно всѣхъ въ неблагодарности, въ несправедливости, въ безсердечіи—это истинное дѣло неудачника. А потому было бы неизмѣримо лучше оставить скитаніе по сторонамъ далече, оставить роль пріемыша въ чужомъ домѣ, прекратить вѣковыя приспособленія къ чужому духовному міру (постоянное обезьяничанье, małpowanie) и вернуться въ свою семью, стать почтеннымъ ея членомъ, дать ходъ своимъ при-

---

[1]) Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. Чечулина. С.-Пб. 1896 г. V.

роднымъ дарованіямъ, говорить свое слово, вносить въ судьбы прогресса свой вкладъ, сливать свой голосъ въ общемъ единоплеменномъ хорѣ, которому наступитъ же время огласить міръ своимъ гимномъ своему жизненному идеалу" [1]).

Изъ противнаго лагеря намъ слышится возраженіе, что полякамъ не позволяютъ говорить, сдерживаютъ ихъ прогрессивные, либеральные порывы, не позволяютъ работать надъ общественнымъ усовершенствованіемъ..... Отвѣтъ данъ выше: побольше довѣрія къ Россіи и искренности; государство должно пріобрѣсть полную увѣренность, что поляки не направятъ своихъ силъ противъ него, должно получить возможность—вполнѣ имъ довѣрять. Это уже совершенно зависитъ отъ поляковъ, а русскіе, которые и во время борьбы съ поляками называютъ ихъ своими братьями [2]), всегда примутъ ихъ въ свою семью.

Издавая настоящую брошюру мы не имѣли въ виду рѣшать польскій вопросъ или установлять какія нибудь новыя русско-польскія отношенія. Мы хотимъ только напомнить нашимъ читателямъ о тѣхъ взглядахъ, которые уже установились на русско-польскія отношенія и которые такъ рельефно почти единогласно выразились въ послѣднее время въ нашей печати. Понятно, что наша задача совершенно объективнаго характера, и мы воскрешаемъ въ памяти уже сдѣланное. На одно просимъ обратить серьезное вниманіе. *Русскіе никогда не преслѣ-*

---

[1]) Ярошъ—Русскій Вѣстникъ 1896 г. Окт. 107, 108.

[2]) Императоръ Николай I, отправляя въ 1830 году въ Польшу гвардію, сказалъ: „вамъ придется сражаться съ непріятелями (поляками); но помните, что они братья".

дуютъ никого ни за вѣру, ни за принадлежность къ той или другой народности; но они и не примирятся ни съ однимъ политическимъ противъ Россіи преступленіемъ и всегда будутъ преслѣдовать измѣнниковъ и враговъ отечества, хотя бы это были поляки и хотя бы съ своими мятежническими замыслами они укрывались подъ сводами костеловъ.

Издаваемая брошюра раздѣляется на три части:

Въ первой части, которая служитъ основаніемъ для дальнѣйшихъ утвержденій, помѣщены: мнѣніе русскаго гражданина (о цѣлости Россійской Имперіи) стр. 1; слова Государя Императора Николая Павловича епископу Плоцкому Пражмовскому (стр. 7); записка Императора Николая I о польскомъ вопросѣ (стр. 8); рѣчь Государя Императора Александра II, произнесенная по французски въ Варшавѣ 11 Мая 1856 г. при пріемѣ дворянскихъ предводителей, сенаторовъ и высшаго римско-католическаго духовенства (стр. 14); рѣчь Государя Императора Александра II въ Варшавѣ 15 Мая 1856 г. (стр. 16); Высочайшій манифестъ Императора Александра II въ первый день Пасхи 1863 г. (о польскомъ мятежѣ). (стр. 18); всеподданнѣйшій адресъ С.-Петербургскаго дворянства и отвѣтъ Императора Александра II (стр. 20); всеподданнѣйшій адресъ Московскаго дворянства (стр. 21); рескриптъ Императора Александра II Великому Князю Константину Николаевичу съ увольненіемъ его отъ званія Намѣстника въ царствѣ польскомъ (стр. 23); изъ депеши кн. Горчакова къ послу при Тюильрійскомъ дворѣ по поводу польскаго мятежа 1863 года (стр. 26); изъ Высочайшаго указа отъ 26 Окт. 1864 года объ упраздненіи значительнаго числа римско-католическихъ монастырей въ Привислинскомъ краѣ (стр. 28); рескриптъ Императора Александра II гр. Муравьеву (стр. 31); слово Императора Александра II къ представителямъ дворянскихъ польскихъ родовъ, впервые допущенныхъ въ Петербургѣ къ Царскому пріему, послѣ мятежа 1863 года, явившимся ко дню погребенія б. Наслѣд-

ника Престола Николая Александровича (стр. 33); слова Императора Александра II 13 Іюня 1867 года къ крестьянамъ въ Вильнѣ (стр. 35); приложеніе къ циркулярной нотѣ вице-канцлера князя Горчакова къ русскимъ посольствамъ и миссіямъ за границею—отъ 7-го Янв. 1867 г. (стр. 36); записка попечителя Виленскаго учебнаго округа съ Высочайшею резолюціею о посѣщеніи учащимися р.-католическаго исповѣданія православныхъ храмовъ въ дни высокоторжественные (стр. 68); нѣкоторыя узаконенія Россійской Имперіи объ управленіи римско-католическаго духовенства въ Россіи (стр. 81).

Во второй части (стр. 85—142) указаны общепризнанные факты заботливости русскаго правительства въ отношеніи римско-католиковъ по обезпеченію духовенства, содержанію учебныхъ заведеній, постройкѣ и починкѣ костеловъ; далѣе говорится о характерѣ православія и русскихъ законоположеній по отношенію къ р.-католической вѣрѣ, совершенной необходимости сообразоваться съ этими законоположеніями, о нежеланіи р.-католическаго духовенства подчиняться законоположеніямъ Имперіи, о противодѣйствіи правительству путемъ клеветы на мнимыя гоненія р.-католической вѣры и ея представителей; разъясненія гр. Муравьева и Церковнаго Вѣстника о постановкѣ крестовъ, сообщенія о полонизаціи р.-католическимъ духовенствомъ русскихъ и литовцевъ, о преслѣдованіи антигосударственной дѣятельности ксендзовъ и клеветѣ за это на русское правительство и мѣстную администрацію; правильная постановка вопроса о русско-польскихъ отношеніяхъ.

Въ третьей части (стр. 143—178) указываются тѣ источники, которыми питается польская революціонно-клерикальная партія въ своей антирусской дѣятельности; распространеніе подпольныхъ брошюръ, возваній, политическія празднества, выставки, годовщины, юбилеи, образованіе политически-патріотическихъ обществъ и различныя манифестаціи; несостоятельность политики уступокъ.

I

Мнѣніе русскаго гражданина.

(Н. М. Карамзина).

Государь! въ волненіи души моей, любящей Отечество и Васъ, спѣшу, послѣ нашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.

Вы думаете возстановить Польшу *въ ея цѣлости*, дѣйствуя какъ Христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра Христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ; есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и міра; выше всѣхъ законовъ — физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ—но ихъ *не отмѣняетъ*. Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ текло до явленія Христа-Спасителя: такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ; все осталось, какъ было на землѣ, и какъ иначе быть не можетъ: только возвысилась душа въ ея сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ, истиннымъ Отечествомъ, которое внѣ матеріи, внѣ пространства и времени. Мы сблизились съ Небомъ *въ чувствахъ*, но *дѣйствуемъ* на землѣ, какъ и прежде дѣй-

ствовали. ***Нѣсмь отъ міра сего,*** сказалъ Христосъ, а граждане и Государства въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить враговъ: любовь есть *чувство*; но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ воинамъ оборонять Государства. Вы христіанинъ, но Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ Греки-язычники истребляли Персовъ на поляхъ Эллады; Вы исполняли законъ государственный, который не принадлежитъ къ Религіи, но также данъ Богомъ: законъ естественной обороны, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ. Какъ Христіанинъ любите своихъ личныхъ враговъ; но Богъ далъ Вамъ Царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. ***Какъ человѣкъ по чувствамъ*** души, озаренной свѣтомъ Христіанства, Вы можете быть выше Марка Аврелія, но ***какъ Царь*** Вы то же, что онъ. Евангеліе молчитъ о политикѣ; не дастъ новой: или мы, захотѣвъ быть Христіанами-политиками, впадемъ въ противорѣчія и несообразности. Меня ударятъ въ ланиту: я какъ Христіанинъ долженъ подставить другую. Непріятель сожжетъ нашъ городъ: впустимъ ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепелъ? Какъ могъ язычникъ Маркъ Аврелій, такъ можетъ и Христіанинъ Александръ благотворить врагамъ государственнымъ, уже ***побѣжденнымъ,*** слѣдуя закону человѣколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ, но единственно въ такомъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для Отечества. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди, и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца. И поляки теперь слушаются Александра: но Александръ ***взялъ*** ихъ Русскою силою, а Россіянъ ***далъ*** Ему Богъ и съ ними снискалъ Онъ благодѣтельную славу ***Освободителя Европы.***

Вы думаете возстановить *древнее* Королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости? Во-первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете ли Вы, творецъ *Священнаго Союза*, объявить ей войну, противную не только Христіанству, но и государственной справедливости? ибо Вы Сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ Австрійскимъ. Во-вторыхъ: можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся ли Государи блюсти цѣлость своихъ Державъ? Сіи земли уже были *Россіею*, когда Митрополитъ Платонъ вручалъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы Сами назвали *Великою*. Скажутъ ли, что Она беззаконно раздѣлила Польшу? Но Вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить Ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему всѣ Государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ Исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для Васъ уже свято: для Васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. *Старыхъ крѣпостей* нѣтъ въ политикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское Царство, Новогородскую Республику, Великое Княжество Рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же и *по старымъ крѣпостямъ* Бѣлорусія, Волынія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали

враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: *ни пяди ни врагу, ни другу!* Наполеонъ могъ завоевать Россію; но Вы, хотя и Самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины Русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого заблагоразсудите? Россія, Государь, безмолвна передъ Вами; но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда Историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго Отечества, доброй, сильной Россіи. Сей Историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говоритъ Вамъ Поляки: извиняемъ ихъ, но Васъ бы мы, Русскіе, не извинили, если бы Вы для ихъ рукоплесканія ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! отвѣтствую Вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ, и знаю ихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю; остыли бы душею и къ Отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола: ослабѣли бы не только уменьшеніемъ Государства, но и духомъ; унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы конечно дворецъ: Вы и тогда имѣли бы Министровъ, Генераловъ: но они служили бы не Отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ, и хотите дать намъ свободу!

Однимъ словомъ... и Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю Вамъ не

истину... однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю Польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу.

Нѣтъ, Государь, никогда поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ: когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи, конечно не въ Ваше царствованіе, но Вы, Государь, смотрите далѣе своего вѣка, и если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою! Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волынія желаютъ Королевства Польскаго, но мы желаемъ единой Имперіи Россійской. Чей голосъ долженъ быть слышнѣе для Вашего сердца? Онѣ, въ случаѣ войны, впрочемъ ни мало невѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію?), могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ: право всегда имѣетъ особенную силу, а бунтъ, какъ беззаконіе, отнимаетъ ее. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ. Государь! Богъ далъ Вамъ такую славу и такую Державу, что Вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха Христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый—безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ; второе—хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже пріобрѣли имя Великаго: пріобрѣтите имя Отца нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ Королевство Польское, какъ оно есть нынѣ; но да существуетъ, да

благоденствуетъ и Россія, какъ она есть, и какъ оставлена Вамъ Екатериною!... Екатерина любила Васъ нѣжно, любила и наше Отечество: Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ... умолкаю". (Царское Село, Октября 17, 1819 года.› Неизданныя сочиненія и переписка Николая Михайловича Карамзина, ч. I. С.-Пб. 1862., стр. 3—8).

Примѣчаніе. Краснорѣчивая записка Н. М. Карамзина нисколько не поколебала намѣреній Александра I относительно Польши: проектъ былъ только отложенъ, въ виду общаго несочувствія къ нему всѣхъ русскихъ людей самыхъ противоположныхъ убѣжденій и взглядовъ. По признанію самого Карамзина, „Россія удержала свои польскія области: но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои (Карамзина) слезныя убѣжденія, спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и несправедливаго".

(Русскій біографическій Словарь т. I, стр. 363).

На сколько сильно было русское общественное мнѣніе противъ поляковъ, видно изъ слѣдующихъ словъ Императора Александра I въ письмѣ къ князю Адаму Чарторыйскому. „Не забудьте, писалъ Государь, что Литва, Подолія и Волынь, считаютъ себя до сихъ поръ областями русскими, и что никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію, чтобы онѣ могли быть подъ владычествомъ иного Государя, кромѣ того, кто въ ней царствуетъ"...

(Русскій Архивъ 1871 г., стр. 848).

Слова Государя Императора Николая Павловича Плоцкому епископу Пражмовскому [1]).

„Такъ какъ ваше преосвященство являетесь здѣсь представителемъ римско-католическаго духовенства Нашего Царства Польскаго, то я долженъ вамъ замѣтить, что оное духовенство до сихъ поръ не только не съумѣло внушить чадамъ своимъ политической преданности Верховной власти, но и само уклонялось отъ этого священнаго долга. Такъ помните же, что я, какъ Государь, по стольку буду благосклоненъ къ вашему духовенству и къ вашей вѣрѣ, по скольку они будутъ вѣрными Престолу. Сообщите мои слова прочимъ епископамъ и всему духовенству, для того, чтобъ оно не ставило меня въ необходимость отказывать ему въ Царской милости и довѣріи“ [2]),

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1826 года въ Петербургъ прибыла изъ Варшавы торжественная депутація, чтобы поздравить Государя Николая I съ восшествіемъ на Престолъ. Между прочими, членомъ депутаціи былъ также Плоцкій епископъ и сенаторъ Пражмовскій. Новый Государь, милостиво принявъ и поблагодаривъ депутацію, обратился къ епископу Пражмовскому съ вышеприведенными словами.

[2]) Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ западной Россіи. — С. Шолковичъ. Вильна. 1887. Вып. 2, стр. 464.

Императоръ Николай I о польскомъ вопросѣ.

(Записка относится къ 1830 году).

Польша, говоритъ Царь-Рыцарь, постоянно была соперницей, самымъ неумолимымъ врагомъ Россіи; это наглядно вытекало изъ событій, приведшихъ къ нашествію 1812 года; и во время этой кампаніи опять таки поляки, болѣе ожесточенные, чѣмъ всѣ прочіе участники этой войны, совершили болѣе всего... [1]) изъ тѣхъ же побужденій ненависти и мести, которыя одушевляли ихъ во всѣхъ войнахъ съ Россіей. Богу было угодно благословить наше святое дѣло, и наши войска завоевали Польшу. Это неоспоримый фактъ.

Въ 1815 году Польша была отдана Россіи по праву завоеванія. Императоръ Александръ думалъ обезпечить интересы Россіи, возсоздавъ Польшу, какъ составную часть Имперіи, но съ титуломъ королевства, отдѣльными администраціею и арміею. Онъ даровалъ ей конституцію, которая, установивъ ея будущее устройство, платила добровольнымъ благодѣяніемъ за все зло, которое Польша не переставала причинять Россіи. Это было местью чудной души (*C'était la vengeance d'une belle âme*). Но эта цѣль была ли достигнута?

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта маленькая страна, разоренная, ослабленная безпрерывными войнами, напряженіемъ, вызывавшимся цѣлымъ рядомъ революцій, частымъ переходомъ изъ однихъ рукъ въ другія, въ пятнадцатилѣтній промежутокъ времени до-

---

[1]) Здѣсь слово не разобрано; вѣроятно *atrocités*. Прим. Шильдера.

стигла замѣчательнаго благосостоянія; ея финансовыя средства оказывались не только достаточными для удовлетворенія потребностей страны, но еще усиливали наличныя средства казначейства, въ теченіе почти года служащаго единственнымъ источникомъ для покрытія всѣхъ нуждъ происходящей борьбы Наконецъ, армія, созданная по образцу арміи Имперіи, снабженная всѣмъ и богато одѣленная запасами въ арсеналахъ, при этомъ, безъ какого бы то ни было обремененія страны, достигшая рѣдкаго совершенства, оказалась въ состояніи послужить кадрами для 100,000 человѣкъ. Что же хорошаго вышло изъ этого для Имперіи? Огромныя жертвы, хотя и не выдѣленныя особо изъ того, что было сдѣлано въ 1813 и 1814 годахъ, были принесены для осуществленія завоеванія ея; другія, столь же значительныя жертвы были принесены въ послѣдующія 15 лѣтъ частью для содержанія и снаряженія арміи, частью для вооруженія крѣпостей и обременительнаго содержанія ядра войскъ, служившихъ ей инструкторами.

Имперія, въ ущербъ своей собственной промышленности, была наводнена польскими произведеніями; однимъ словомъ, Имперія несла всѣ тягости своего новаго пріобрѣтенія, не извлекая изъ него никакихъ иныхъ преимуществъ, кромѣ нравственнаго удовлетворенія отъ прибавленія лишняго титула къ титуламъ своего Государя. Но вредъ былъ дѣйствительный. Прежнія польскія провинціи, видя какъ ихъ соотечественники пользуются вблизи ихъ всѣми правами самостоятельнаго народа, которыми они даже злоупотребляютъ, болѣе чѣмъ когда либо стали задумываться надъ тѣмъ, какъ ускользнуть отъ владычества Имперіи. Поэтому оказалось, что, при первой же искрѣ эти провинціи были готовы возстать и, какъ слѣдствіе

этого, самымъ пагубнымъ образомъ повлiять на дѣйствiя армiи. Другое еще болѣе существенное зло заключалось въ существованiи передъ глазами порядка вещей, согласнаго съ современными идеями, почти не осуществимаго въ королевствѣ, а слѣдовательно невозможнаго въ Имперiи. Зародившiяся надежды нанесли страшный ударъ уваженiю и общественному порядку и впервые привели къ несчастнымъ послѣдствiямъ, открытымъ въ концѣ 1825 года. Разъ ударъ былъ нанесенъ, примѣръ поданъ, трудно предположить, чтобы во время всеобщихъ волненiй и смуты эти идеи не продолжали развиваться, не смотря на ихъ доказанную призрачность и ихъ пагубныя послѣдствiя. Однимъ словомъ, это являлось разрушенiемъ того, что составляло силу Имперiи, т. е. убѣжденiя, что она можетъ быть велика и могущественна лишь при монархическомъ образѣ правленiя и самодержавномъ Государѣ. То, что было ложно въ основанiи, не могло продержаться долго. При первомъ же толчкѣ зданiе рухнуло, такъ какъ интересы были разно понимаемы въ обѣихъ странахъ; отсюда явилось различiе во взглядахъ на жизненный вопросъ, на то, какъ разсматривать и судить преступленiя противъ безопасности государства и особы Государя. Имперiя была оправдана и нашла защитниковъ даже въ королевствѣ. Слѣдствiемъ этого создались непреодолимыя препятствiя, настроенiе умовъ обострилось, поляки укрѣпились въ своемъ намѣренiи избавиться отъ русскаго владычества и наконецъ довели дѣло до катастрофы 1830 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ средства примиренiя, совмѣстимыя съ достоинствомъ Россiи, были снова испытаны, но напрасно. Присяга была повсюду нарушена, измѣна сдѣлалась всеобщей, и всякая возможность соглашенiя

исчезла. Тогда-то были двинуты русскія войска. Они шли, чтобы отомстить за свою народную честь, оскорбленную въ томъ, что она представляетъ для нихъ самаго священнаго, оскорбленную самою черною неблагодарностью. Всевозможныя неслыханныя жертвы приносятся ежедневно для достиженія этой цѣли. Но, когда она будетъ достигнута, и вопросъ будетъ рѣшенъ оружіемъ, въ чемъ будетъ заключаться результатъ, къ которому нужно будетъ стремиться? Или, лучше сказать, каковы будутъ при этихъ обстоятельствахъ истинные интересы Россіи?

Все, что дѣлается, и все, что еще происходитъ въ Польшѣ, наглядно доказываетъ, что время великодушія прошло; неблагодарность поляковъ сдѣлала его невозможнымъ, и отнынѣ во всѣхъ сдѣлкахъ, касающихся ея, все должно быть подчинено интересамъ Россіи. Установивши это положеніе, нельзя не согласиться, что русскіе интересы не совмѣстны съ существованіемъ польскаго королевства, такого, какимъ оно было создано въ 1815 году, и при условіи сохраненія имъ своей конституціи. Дѣло идетъ не только о томъ, чтобы лишить Польшу матеріальной возможности вредить Россіи, но слѣдуетъ еще разсмотрѣть, какое вознагражденіе можетъ получить Россія за свои тяжелыя жертвы, и какія выгоды она можетъ извлечь изъ обладанія Польшей? На первый вопросъ легко отвѣтить: ничто не можетъ вознаградить Россію за жертвы и потери, понесенныя ею лишь для отмщенія за свою народную честь. Что касается втораго вопроса, мнѣ кажется, что Россія не можетъ извлечь изъ Польши, такой, какова она есть, никакихъ *дѣйствительныхъ выгодъ*, и, что еще болѣе важно, что для Имперіи даже нѣтъ гарантій, которыя могли бы обез-

печивать ей въ будущемъ мирное обладаніе этою страной. Итакъ, вѣрный принципу, который я высказалъ въ началѣ, т. е. *принципу истинныхъ выгодъ Россіи*, я полагаю, что единственный способъ отдать себѣ отчетъ въ этомъ вопросѣ заключается въ слѣдующемъ.

Россія—государство сильное и счастливое само по себѣ, никогда не должна угрожать ни сосѣднимъ государствамъ, ни Европѣ. Но она должна занимать внушительное *оборонительное* положеніе, способное сдѣлать невозможнымъ всякое нападеніе на нее. Бросивъ взглядъ на карту, пугаешься, видя, что границы польской территоріи Имперіи доходятъ почти до Одера, тогда какъ фланги отходятъ за Нѣманъ и Бугъ, чтобы упереться въ Балтійское море близъ Полангена и въ Черное — близъ Дуная. Эта выступающая часть заключаетъ въ себѣ армію, чтобы держать ее въ покорности. Эта страна ничего не приноситъ Имперіи. Напротивъ того, она можетъ существовать лишь безпрерывнымъ рядомъ жертвъ, которыя Имперія должна приносить для доставленія ей возможности удовлетворять потребностямъ ея администраціи. Слѣдовательно, неоспоримо, что выгодъ отъ этого неудобнаго обладанія нѣтъ никакихъ, а неудобства серьезны, даже угрожающіе. Остается рѣшить, какъ можно помочь этому? Я вижу лишь одно средство для этого, и вотъ оно: объявить, что русская честь была вполнѣ удовлетворена завоеваніемъ королевства, но что не въ интересахъ Россіи владѣть провинціей, неблагодарность которой была столь наглядна, что ея истинные интересы предписываютъ ей установить ея границы по Вислѣ и Нареву; что она отказывается отъ остальнаго, какъ недостойнаго принадлежать ей, предоставляя своимъ союзникамъ заботу поступить съ нимъ,

какъ имъ будетъ угодно, что, тѣмъ не менѣе, вѣрная своимъ принципамъ, Россія предоставляетъ той части королевства, которая останется за нею, пользоваться ея законами и установленіями, насколько они будутъ совмѣстимы съ будущими истинными интересами; что титулъ королевства Польскаго останется присвоеннымъ этой части страны во избѣжаніе того, чтобы этотъ титулъ, носимый другою частью, не создалъ новаго государства, враждебнаго Россіи, чего Россія не потерпитъ ни въ какомъ случаѣ.

(*Варшавскій Дневникъ 1896 г. № 165*).

Рѣчь Государя Императора Александра II, произнесенная по французски въ Варшавѣ II Мая 1856 года, при пріемѣ дворянскихъ предводителей, сенаторовъ и высшаго римско-католическаго духовенства.

Господа, я прибылъ къ вамъ съ забвеніемъ прошлаго, одушевленный найлучшими намѣреніями для края. Отъ васъ зависитъ помочь мнѣ въ ихъ осуществленіи. Но прежде всего, я долженъ вамъ сказать, что взаимное наше положеніе необходимо выяснить. Я заключаю васъ въ сердцѣ своемъ, также какъ финляндцевъ и прочихъ моихъ русскихъ подданныхъ; но хочу, чтобы сохраненъ былъ порядокъ, установленный моимъ отцомъ. Итакъ, господа, прежде всего оставьте мечтанія („Point de rêveries!"—дважды). Тѣхъ, кто захотѣлъ бы оставаться при нихъ, я сумѣю сдержать, сумѣю воспрепятствовать ихъ мечтамъ выступить изъ предѣловъ воображенія. Счастье Польши зависитъ отъ полнаго сліянія ея съ народами моей Имперіи. То, что сдѣлано моимъ отцомъ, хорошо сдѣлано, и я поддержу его дѣло. Въ послѣднюю восточную войну, *ваши* сражались наравнѣ съ прочими и князь Михаилъ Горчаковъ, бывшій тому свидѣтелемъ, воздаетъ имъ справедливость, утверждая, что они мужественно пролили кровь свою въ защиту отечества. Финляндія и Польша одинаково мнѣ дороги, какъ и всѣ прочія части моей Имперіи. Но вамъ нужно знать, для блага самихъ поляковъ, что Польша должна пребывать навсегда въ соединеніи съ великою семьею русскихъ Императоровъ. Вѣрьте, господа, что меня одушевляютъ лучшія намѣренія. Но ваше дѣло—облегчить мнѣ мою задачу, и я снова повторяю: Господа, оставьте мечтанія!

оставьте мечтанія! Что же касается до васъ, господа сенаторы, то слѣдуйте указаніямъ находящагося здѣсь намѣстника моего, князя Горчакова; а вы, господа епископы, не теряйте никогда изъ виду, что основаніе доброй нравственности есть религія и что на вашей обязанности лежитъ внушить полякамъ, что счастіе ихъ зависитъ единственно отъ полнаго ихъ сліянія со святою Русью".

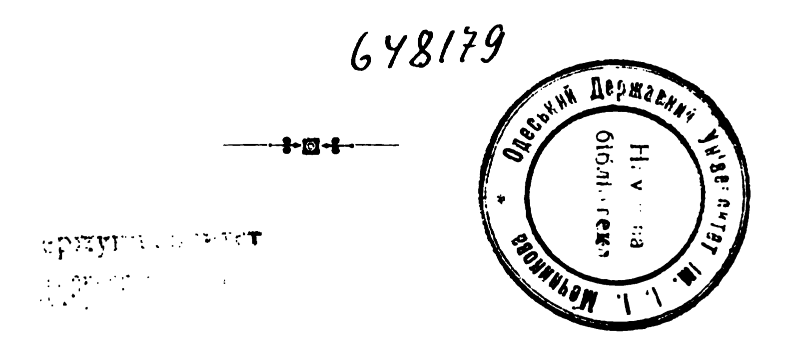
(Русскій Біографич. Словарь, т. I, стр. 487. С.-Пб. 1896 г.)

15-го Мая 1856 года Государь Императоръ Александръ II, выражая лично свое удовольствіе комитету, занимавшемуся устройствомъ въ Варшавѣ праздника по случаю пріема Государя Императора, сказалъ:

„Я очень радъ, господа, объявить вамъ, что мнѣ было весьма пріятно находиться въ вашей средѣ. Вчерашній балъ былъ прекресенъ. Благодарю васъ за него. Я увѣренъ, что вамъ повторили слова, съ которыми я обратился къ представителямъ дворянства, при ихъ пріемѣ, пять дней тому назадъ. Будьте же, господа, дѣйствительно соединены съ Россіей и оставьте всякія мечты о независимости, которыя нельзя ни осуществить, ни удержать. Сегодня повторяю вамъ опять: я убѣжденъ, что благо Польши, что спасеніе ея требуетъ, чтобы она соединилась навсегда, полнымъ сліяніемъ, съ славною семьею русскихъ Императоровъ, чтобы она обратилась въ неотъемлемую часть великой всероссійской семьи. Сохраняя Польшѣ ея права и учрежденія, въ томъ видѣ, въ какомъ даровалъ ихъ ей мой отецъ, я твердо рѣшился дѣлать добро и благопріятствовать процвѣтанію края. Я хочу обезпечить ему все, что можетъ быть ему полезно и что обѣщано или даровано моимъ отцомъ; я ничего не измѣню. Сдѣланное моимъ отцомъ—хорошо сдѣлано; царствованіе мое будетъ продолженіемъ его царствованія: но отъ васъ зависитъ, господа, сдѣлать эту мою задачу выполнимою; вы должны помочь мнѣ въ моемъ дѣлѣ, на васъ ляжетъ отвѣтственность, если мои намѣренія встрѣтятъ химерическое сопротивленіе. Чтобы доказать вамъ, что я помышляю объ облегченіяхъ, предупреждаю васъ, что я только что подписалъ актъ объ амнистіи; я дозволяю возвращеніе въ Польшу всѣмъ эмигрантамъ, которые будутъ о томъ просить. Они могутъ

быть увѣрены, что ихъ оставятъ въ покоѣ. Имъ возвратятъ ихъ прежнія права и не будутъ производить надъ ними слѣдствія. Я сдѣлалъ лишь одно исключеніе, изъявъ старыхъ, неисправимыхъ, и тѣхъ, которые, въ послѣдніе годы, не переставали составлять заговоры или сражаться противъ насъ. Всѣ возвратившіеся эмигранты могутъ даже, по истеченіи трехъ лѣтъ раскаянія и добраго поведенія, стать полезными, возвратясь на государственную службу. Но прежде всего, господа, поступайте такъ, чтобы предположенное добро было возможно и чтобы я не былъ вынужденъ обуздывать и наказывать. Ибо если, по несчастію, это станетъ необходимымъ, то на это хватитъ у меня рѣшимости и силы: не вынуждайте же меня къ тому никогда". Одинъ изъ предводителей дворянства, графъ Езерскій, хотѣлъ было возражать, но Государь прервалъ его: „Поняли ли вы меня? Лучше награждать, чѣмъ наказывать. Мнѣ пріятнѣе расточать похвалу, какъ я дѣлаю это сегодня, возбуждать надежды и вызывать благодарность Но знайте также, господа, и будьте въ томъ увѣрены, что если это окажется нужнымъ, то я сумѣю обуздать и наказать, и вы увидите, что я накажу строго. Прощайте, господа".

(Русскій Біографич. Словарь. С.-Пб. 1896 г. Т. I. стр. 488).

Высочайшій манифестъ Императора Александра II въ первый день Пасхи 1863 года (о польскомъ мятежѣ).

„При первомъ извѣстіи о вспыхнувшемъ въ Царствѣ Польскомъ мятежѣ, мы, по движенію нашего сердца, провозгласили, что не винимъ польскій народъ за волненія, для него самаго найболѣе пагубныя. Мы относили ихъ единственно къ возбужденіямъ, издавна подготовленнымъ, внѣ Царства, нѣсколькими лицами, въ которыхъ многолѣтняя скитальческая жизнь утвердила привычку къ безпорядкамъ, насилію, тайнымъ замысламъ и крамоламъ, погасила самыя возвышенныя чувства любви къ человѣчеству и возбудила даже рѣшимость запятнать народную честь преступленіемъ. Всѣ эти проявленія другого времени, надъ которымъ исторія уже давно произнесла свой приговоръ, не соотвѣтствуютъ болѣе духу нашей эпохи. Настоящее поколѣніе должно имѣть цѣлію, не потоками крови, но путемъ мирнаго развитія, доставить благоденствіе странѣ. Эту же цѣль и мы себѣ предначертали, когда, въ уповаціи на покровительство Божіе, дали обѣтъ предъ Всемогущимъ и передъ собственною совѣстію, посвятить нашу жизнь благу нашихъ народовъ. Но къ полному и всестороннему осуществленію сего обѣта, для насъ всегда священнаго, намъ нужна помощь всѣхъ людей благомыслящихъ, искренно преданныхъ своей родинѣ и понимающихъ эту преданность, не въ своекорыстныхъ и преступныхъ порывахъ, а въ охраненіи общественнаго спокойствія, законами утвержденнаго. Въ нашихъ заботахъ о будущности края, мы готовы всѣ предшедшія смуты покрыть забвеніемъ и вслѣдствіе того, въ горячемъ желаніи положить предѣлъ кровопролитію, столь же безцѣльному для однихъ, сколько тягостному для

другихъ, даруемъ полное и совершенное прощеніе тѣмъ изъ числа вовлеченныхъ въ мятежъ подданныхъ нашихъ въ Царствѣ Польскомъ, которые, не подлежа отвѣтственности за какія либо иныя уголовныя или по службѣ въ рядахъ нашихъ войскъ преступленія, сложатъ оружіе и возвратятся къ долгу повиновенія до 1-го будущаго Мая. На насъ лежитъ священная обязанность охранять край отъ возобновленія волненій и безпорядковъ и открыть новую эру въ политической его жизни, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы всего общественнаго зданія. Мы и положили эту основу въ дарованныхъ нами Царству установленіяхъ: но къ искреннему нашему прискорбію, успѣхъ ихъ еще не могъ быть извѣданъ на опытѣ, вслѣдствіе превратныхъ внушеній, поставившихъ мечтательныя увлеченія на мѣсто того порядка, безъ котораго немыслимо никакое преобразованіе. Сохраняя и нынѣ эти установленія во всей ихъ силѣ, мы предоставляемъ себѣ, когда они будутъ испытаны на самомъ дѣлѣ, приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію, соотвѣтственно нуждамъ времени и страны. Только довѣріемъ къ этимъ намѣреніямъ нашимъ можно будетъ Царству Польскому изгладить слѣды минувшихъ бѣдствій и надежно идти къ цѣли, предназначенной нашею о немъ попечительностію. Мы же, съ нашей стороны, испрашиваемъ помощь отъ Бога на довершеніе всего, что постоянно считали нашимъ въ семъ дѣлѣ призваніемъ".

(Русскій Біограф. Слов. С.-Пб. 1896 г. Т. I, стр. 593—594).

Примѣчаніе. Въ отвѣтъ на Высочайшій Манифестъ послѣдовали многочисленные адресы, съ выраженіемъ вѣрноподданнической преданности, отъ дворянствъ и другихъ сословій различныхъ губерній. Здѣсь прилагаются адресы губерній С.-Петербургскаго и Московскаго дворянства.

Всеподданнѣйшій адресъ С.-Петербургскаго Дворянства и отвѣтъ Государя Императора Александра II.

„Вызванныя польскими смутами притязанія на достояніе Россіи возбуждаютъ въ насъ и скорбь, и негодованіе. Завистники наши мнятъ, что время преобразованій, предпринятыхъ Вами для пользы и преуспѣянія государства, благопріятствуетъ ихъ замысламъ на всецѣлость русской державы. Но тщетны были бы ихъ покушенія! Испытанное въ преданности и самоотверженіи дворянство, не щадя силъ и жертвъ, въ тѣсномъ союзѣ со всѣми сословіями, станетъ на защиту предѣловъ Имперіи. Да узнаютъ враги Россіи, что живъ еще въ насъ тотъ могучій духъ предковъ, коимъ создано государственное единство любезнаго нашего отечества".

Государь Императоръ, милостиво принявъ это выраженіе вѣрноподданическихъ чувствъ, въ слѣдующихъ словахъ изъявилъ свою признательность поднесшей ему адресъ дворянской депутаціи:

„Благодарю васъ за адресъ. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, онъ доставилъ мнѣ одну изъ самыхъ пріятныхъ, утѣшительныхъ минутъ. Я вполнѣ раздѣляю ваши чувства, какъ дворянинъ, и увѣренъ, что все русское дворянство ихъ раздѣляетъ съ вами. Надѣюсь, что вы и дѣтямъ вашимъ передадите такія же чувства, какими теперь меня порадовали. Понимаю любовь къ отечеству такъ, какъ вы ее выразили: она составляла, въ теченіе вѣковъ, силу Россіи; она же, переходя изъ рода въ родъ, останется вѣрнѣйшею охраною ея могущества. Еще разъ благодарю васъ и прошу передать искреннюю мою благодарность дворянству."

(Русскій Біограф. Слов. С.-Пб. 1896 г. Т. I, стр. 594—595).

Всеподданнѣйшій адресъ Московскаго дворянства.

„Услышавъ голосъ Вашего Величества, обращенный къ мятежнымъ подданнымъ, дворянство Московской губерніи поспѣшило собраться необычнымъ порядкомъ. Оно хотѣло, Государь, чтобы русское дворянство немедленно отозвалось изъ самаго сердца Россіи, изъ первопрестольной Москвы, зиждительницы русскаго государства. Государь, мы всѣ передъ вами какъ одинъ человѣкъ. Всѣ заботы смолкаютъ и падаютъ предъ всесильнымъ призывомъ отечества. Враги, возмутившіе западный край вашихъ владѣній, ищутъ не блага Польши, а пагубы Россіи, призываемой вами къ новой исторической жизни. Государь, ваше право на Царство польское есть крѣпкое право; оно куплено русскою кровью, много разъ пролитою въ оборонѣ отъ польскаго властолюбія и польской измѣны. Судъ Божій рѣшилъ нашу тяжбу, и Польское Царство соединено неразрывно съ вашею державою. Вы произнесли, Августѣйшій Монархъ, слово милости и прощенія, чтобы исторгнуть оружіе у возмутившихся подданныхъ; да будетъ же это слово услышано съ благодарностью и покорностью! Вы пребываете тверды въ благихъ начинаніяхъ вашихъ. Вы сохраняете всѣ льготы, дарованныя вами Царству Польскому. Вы не дѣлаете различія между поляками и русскими и открываете для нихъ одну и ту же будущность благосостоянія и успѣховъ, которая должна тѣснѣе сблизить и сроднить ихъ между собою. Ваше милосердіе, Государь, есть твердость и сила. Такъ понимаетъ его ваше вѣрное дворянство; такъ понимаетъ его весь народъ вашъ; такъ должны понимать его и недруги Россіи. Мы молимъ Всевышняго, да отвратитъ онъ отъ нашего отечества

бѣдствія войны. Но война не страшитъ насъ. Все устремится на зовъ отечества, все поднимется, при малѣйшемъ покушеніи на всецѣлость вашей державы, при малѣйшемъ оскорбленіи нашей народной чести. Довѣрьтесь судьбамъ вашего народа, Государь. Положитесь на испытанную преданность вашего дворянства: какъ всегда, оно будетъ впереди, гдѣ грозитъ опасность. Во главѣ освобождаемой вами Россіи, вы могущественны, Государь, Вы могущественнѣе вашихъ предшественниковъ. Дерзайте, уповая на Бога на вашу правду и на любовь къ вамъ всей Россіи".

(Русскій Біограф. Слов. С.-Пб. 1896 г. т. I, стр. 595).

Рескриптъ Государя Императора Александра II Великому Князю Константину Николаевичу, съ увольненіемъ Его отъ званія Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ (19 Октября 1863 г.)

Призвавъ Ваше Императорское Высочество въ прошедшемъ году, (27 Мая 1862 г.) къ управленію Царствомъ Польскимъ въ качествѣ моего намѣстника, я желалъ выразить мою твердую волю дать постепенное развитіе новымъ учрежденіямъ, мною Царству дарованнымъ. Самое назначеніе любезнаго мнѣ брата было ручательствомъ моего искренняго желанія слѣдовать путемъ умиротворенія къ возстановленію нарушеннаго порядка въ Польшѣ и водворенію въ ней прочнаго управленія, на основаніяхъ, согласныхъ съ нуждами и пользою края. Вполнѣ постигнувъ мои благосклонныя къ народу польскому намѣренія, душевно имъ сочувствуя, и воодушевленные высокою мыслью примиренія, Ваше Императорское Высочество, съ достойнымъ самоотверженіемъ, пожертвовали всѣмъ положеніемъ вашимъ въ Имперіи, чтобы, на новомъ поприщѣ, неограниченнымъ моимъ довѣріемъ вамъ указанномъ, усугубить ваше рвеніе на пользу службы и отечества. Я имѣлъ право ожидать отъ подданныхъ моихъ Царства Польскаго, что какъ намѣренія мои, такъ и готовность ваша къ приведенію въ исполненіе моихъ предначертаній, будутъ постигнуты, что, минутно увлеченные насиліемъ противъ правительства, они поймутъ значеніе прибытія вашего въ Царство, и, видя въ немъ залогъ попеченій моихъ о благѣ Польши и доказательство моего расположенія простить заблужденіе, они возвратятся на путь долга и къ чувствамъ преданности своему Монарху. Къ крайнему моему прискорбію, надежды мои не осуществились. Встрѣченные на первомъ шагу вѣроломствомъ и покушеніемъ на дра-

гоцѣнную для меня жизнь вашу, Ваше Императорское Высочество кровію запечатлѣли преданность ко мнѣ и Россіи. Не взирая на всѣ усилія ваши, учрежденія, дарованныя мною Царству Польскому, доселѣ не дѣйствуютъ согласно ихъ назначенію, встрѣчая постоянныя препятствія, не въ доброй волѣ и стараніяхъ правительства, а въ самой странѣ, находящейся подъ гнетомъ крамолы и пагубнымъ вліяніемъ иноземныхъ возмутителей. Съ прибытіемъ вашимъ въ Польшу должна была, внушеніемъ необходимаго уваженія и довѣрія къ закону ознаменоваться новая эпоха для ея внутренняго развитія и благоденствія. Неусыпно, и не щадя своего здоровья, Ваше Императорское Высочество, твердою волею старались осуществить мои благія, для Царства Польскаго, намѣренія. Согласуя постоянно ваши дѣйствія съ цѣлію Вашего назначенія, имѣя постоянно въ виду пользы служ¿ы Россіи и ввѣреннаго управленію Вашему края, пренебрегая ежеминутною личною опасностію, вы не поколебались въ неусыпныхъ усиліяхъ вашихъ и тогда, когда открытый мятежъ противопоставилъ величайшія затрудненія дѣйствію закона. Но продолжающееся возмущеніе, тайные преступные замыслы и возрастающая со всѣхъ сторонъ измѣна, убѣдили Ваше Императорское Высочество въ несоотвѣтсвенности съ нынѣшнимъ состояніемъ края той мысли благосклоннаго и кроткаго умиротворенія, побудившей меня возложить на васъ исполненіе щедрыхъ льготъ, мною Царству Польскому дарованныхъ. Народъ Польскій не хотѣлъ понять и оцѣнить мысль назначенія Вашего Императорскаго Высочества моимъ намѣстникомъ и, вѣроломнымъ возстаніемъ и преступными заговорами, оказался недостойнымъ даннаго ему, въ лицѣ любезнаго мнѣ брата, залога благосклонныхъ намѣреній моихъ. Сознавая справедливость вашего

воззрѣнія на невозможность, при настоящихъ обстоятельствахъ, слѣдовать для усмиренія края тѣмъ путемъ, который вызвалъ въ прошедшемъ году назначеніе ваше, я соизволяю на испрашиваемое вами увольненіе отъ обязанностей намѣстника моего и главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ. Когда же, съ помощію Божіею, возстаніе въ Польшѣ будетъ подавлено, когда, внявъ, наконецъ, гласу закона и долга, подданные мои въ Царствѣ отвергнутъ насиліе отъявленныхъ поборниковъ измѣны и обратятся къ моему милосердію, когда водворенный порядокъ дозволитъ приступить вновь къ начатому вами дѣлу, когда обстоятельства дозволятъ введеніе тѣхъ учрежденій, которыя мною были дарованы Царству, и приведеніе въ дѣйствіе коихъ есть одно изъ моихъ живѣйшихъ и искреннѣйшихъ желаній, тогда я буду надѣяться, что вамъ снова можно будетъ принять участіе въ исполненіи моихъ предначертаній и посвятить себя на пользу службѣ, съ тою же ревностію и самоотверженіемъ, коихъ постоянныя и несомнѣнныя доказательства столь же были отрадны моему сердцу, сколь неограниченны мои къ вамъ довѣріе и братскія дружба и любовь. Молю Бога, дабы испрашиваемый вами отдыхъ, необходимый Вашему Императорскому Высочеству послѣ постоянныхъ и тяжкихъ трудовъ, понесенныхъ вами среди величайшихъ затрудненій и испытаній, глубоко поражавшихъ ваше сердце, столь горячо любящее дорогое отечество, сколь возможно скоро возстановилъ ваши силы. Да поможетъ намъ Богъ! Въ его безпредѣльное милосердіе уповаю твердо и непоколебимо. Искренно васъ любящій и благодарный братъ Александръ“,

(*Русскій Біографическій Словарь. С.-Пб. 1896 г. Т. I, стр. 600—601*).

Изъ депеши Князя Горчакова къ послу при Тюильрійскомъ Дворѣ по поводу польскаго мятежа 1863 г.

„Одинъ изъ главнѣйшихъ центровъ агитаціи находится въ самомъ Парижѣ. Польскіе выходцы, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, организовали тамъ обширный заговоръ, поставившій себѣ задачею, съ одной стороны, вводить въ заблужденіе общественное мнѣніе Франціи системою безпримѣрныхъ поношеній и клеветъ, а съ другой — питать безпорядокъ въ Царствѣ Польскомъ, то матеріальными пособіями, то терроромъ тайнаго комитета, то, главнымъ образомъ, распространяя убѣжденіе о дѣятельномъ вмѣшательствѣ въ пользу самыхъ безсмысленныхъ стремленій возстанія. Это вліяніе составляетъ нынѣ главный источникъ агитаціи, которая иначе исчезла бы предъ дѣйствіемъ закона, предъ равнодушіемъ или отвращеніемъ массъ. Въ этомъ надлежитъ, слѣдовательно, искать нравственную причину, содѣйствующую продолженію бѣдственнаго порядка вещей, скорое прекращеніе котораго французское правительство, подобно намъ, призываетъ своими желаніями, во имя человѣколюбія и мира. Намъ пріятно думать, что оно не дозволитъ злоупотреблять его именемъ, въ интересахъ революціи, въ Польшѣ и въ Европѣ".

(*Русскій Біографическій Словарь С.-Петерб. 1896 г. Т. I, стр. 610*).

Примѣчаніе. Подобныя депеши о польскихъ дѣлахъ, Высочайше утвержденныя, были подписаны и отправлены къ представителямъ Россіи въ Лондонѣ и Вѣнѣ. Въ нихъ категорически отклонялись предлагаемые этими державами пункты условій для замиренія польскихъ дѣлъ, отклонялись предложенія о перемиріи и о созывѣ обще - европейской конференціи. Русское

общественное мнѣніе съ патріотическою гордостью привѣтствовало обнародованіе депешъ кн. Горчакова. Катковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ писалъ:

„Теперь конецъ всѣмъ ожиданіямъ, конецъ всѣмъ тревогамъ: отвѣты нашего Правительства у всѣхъ передъ глазами, и всякій, прочтя ихъ, вздохнетъ легко и свободно; у всякаго окажется на душѣ удовлетворенное чувство народной чести, и вмѣстѣ чувство гражданской благодарности къ державной рукѣ, управляющей судьбами Россіи...“

(*Ibid. 610—611*).

Изъ Высочайшаго указа отъ 27 Октября 1864 г. объ упраздненіи значительнаго числа римско-католическихъ монастырей въ Привислинскомъ краѣ.

„Соблюдая завѣты Августѣйшихъ нашихъ предшественниковъ и слѣдуя искреннѣйшимъ побужденіямъ нашего сердца, мы всегда охраняли законныя права и неприкосновенность религій, исповѣдуемыхъ нашими вѣрными подданными. Въ семъ случаѣ, мы лишь руководствовались тѣми непреложными началами вѣротерпимости, которыя составляютъ одно изъ главныхъ основаній отечественнаго законодательства и неразрывно связуются съ коренными историческими преданіями православной церкви и русскаго народа. И въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ большинство жителей принадлежитъ къ церкви римско-католической, мы имѣли особливое попеченіе о благосостояніи сей церкви, сохраняя всѣ ея учрежденія въ томъ видѣ, какъ они сложились самостоятельно, въ прежнее время. Въ 1861 и 1862 годахъ, даруя жителямъ Царства разныя льготы и преимущества, мы распространили оныя и на римско-католическое духовенство, вѣривъ, въ тоже время, заботы о его нуждахъ особому высшему управленію изъ лицъ, несомнѣнно преданныхъ римско-католической церкви. Съ тѣмъ большею скорбію усмотрѣли мы, что во время возникшихъ, вслѣдъ затѣмъ, въ Царствѣ волненій, нѣкоторая часть духовенства римско-католическаго не оказалась вѣрною, ни долгу пастырей, ни долгу подданныхъ. Даже монахи, забывъ заповѣди Евангелія и презрѣвъ добровольно принесенные передъ алтаремъ обѣты иноческаго званія, возбуждали кровопролитіе, подстрекали къ убійствамъ, оскверняли стѣны обителей, принимая въ нихъ святотатственныя присяги на совершеніе злодѣяній, а нѣкоторые вступали

сами въ ряды мятежниковъ и обагряли руки свои кровію невинныхъ жертвъ. Сколь ни прискорбны для сердца нашего сіи горестныя явленія, потрясающія самыя основы религіознаго и нравственнаго быта ввѣреннаго намъ Всевышнимъ Промысломъ народа, они, тѣмъ не менѣе не охлаждаютъ заботливости нашей о благоустроеніи римско-католической церкви и духовенства въ Царствѣ Польскомъ. Въ сихъ видахъ, мы повелѣли учредительному комитету составить и представить намъ проекты штатовъ, которые обезпечили бы въ Польшѣ матеріальное положеніе приходскаго римско-католическаго духовенства, дабы не только уравнять, по возможности, выгоды, извлекаемыя членами онаго изъ бенефицій, но, въ особенности, улучшить бытъ тѣхъ изъ приходскихъ настоятелей, которые нынѣ, по крайней невѣрности или скудости дохода, наиболѣе стѣснены въ своихъ средствахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, тяжелый опытъ едва пройденныхъ дней вынуждаетъ насъ принять дѣйствительныя мѣры къ огражденію общества отъ повторенія явленій, подобныхъ тѣмъ, которыми монашествующее сословіе въ Царствѣ ознаменовало участіе свое въ послѣднемъ мятежѣ. Мы убѣдились въ невозможности оставить монастыри Царства въ томъ исключительномъ состояніи, которое предоставлялось имъ доселѣ, по особенному снисхожденію правительства, тогда какъ, въ большей части римско-католическихъ государствъ Европы, давно уже приняты мѣры къ подчиненію иноковъ общему епархіальному начальству, къ упраздненію монастырей, не имѣющихъ опредѣленнаго каноническими правилами числа монаховъ, или обнаружившихъ вредное направленіе, и къ передачѣ въ казенное завѣдываніе монастырскихъ имѣній, управленіе коими увлекаетъ духовенство отъ его прямого призванія. Находя, что и въ Царствѣ

Польскомъ подобныя мѣры необходимы для возстановленія въ римско-католическихъ монастыряхъ нарушеннаго благочинія, мы повелѣли учредить въ Варшавѣ общую о монастыряхъ комиссію изъ лицъ, частію нами самими, частію намѣстникомъ нашимъ назначенныхъ. Комиссія эта тщательно разсмотрѣла вопросъ о томъ, которыя именно изъ обителей подлежатъ упраздненію по малому въ нихъ числу иноковъ, а равно изслѣдовала участіе отдѣльныхъ монастырей въ дѣйствіяхъ послѣдняго мятежа“.

(Русскій Біографическій Словарь. С-Пб. 1896 г. Т. I, стр. 623—624.

Рескриптъ Императора Александра II графу Муравьеву.

„Я призвалъ васъ къ управленію сѣверо-западными губерніями въ то трудное время, когда вѣроломный мятежъ, вспыхнувшій въ Царствѣ польскомъ, распространялся въ сихъ губерніяхъ и уже успѣлъ поколебать въ нихъ основныя начала правительственнаго и гражданскаго порядка. Не смотря на разстройство вашего здоровья, вслѣдствіе котораго, незадолго передъ тѣмъ Я долженъ былъ снизойти на просьбу вашу объ увольненіи васъ отъ одновременнаго управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ, департаментомъ удѣловъ и межевымъ корпусомъ, вы съ примѣрнымъ самоотверженіемъ приняли на себя ввѣренныя Мною вамъ новыя обязанности и, при исполненіи ихъ, оправдали въ полной мѣрѣ мои ожиданія. Мятежъ подавленъ, сила правительственной власти возстановлена, общественное спокойствіе водворено и обезпечено рядомъ мѣръ, принятыхъ со свойственною вамъ неутомимою дѣятельностью, распорядительностью, знаніемъ мѣстныхъ условій и непоколебимою твердостью. Вы обратили вниманіе на всѣ отрасли управленія во ввѣренномъ вамъ краѣ. Вы осуществили и упрочили предначертанное мною преобразованіе быта крестьянскаго населенія, въ огромномъ большинствѣ вѣрнаго своему долгу и нынѣ снова ознаменовавшаго глубокое сознаніе древняго неразрывнаго единства Западнаго края съ Россіей. Вы озаботились улучшеніемъ быта православнаго духовенства, возстановили въ народной памяти вѣковыя святыни православія, содѣйствовали устройству и украшенію православныхъ храмовъ и вмѣстѣ съ умноженіемъ числа народныхъ училищъ, положили начало преобразованію

ихъ въ духѣ православія и русской народности. Подвиги ваши Мною вполнѣ оцѣнены и пріобрѣли вамъ то всеобщее сочувствіе, которое столько разъ и съ разныхъ сторонъ вамъ было засвидѣтельствовано".

(*Русскій біографич. Словарь ч. I 627. 628*).

Примѣчаніе Какъ видимъ, Государь Императоръ въ самыхъ признательныхъ выраженіяхъ отозвался о плодотворной дѣятельности Михаила Николаевича Муравьева въ Сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Высоко цѣня его заслуги по усмиренію мятежа и возстановленію въ краѣ русской народности, Государь возвелъ его въ графское достоинство. (ibid.).

Слова Государя Императора Александра II-го въ присутствіи Цесаревича Александра Александровича къ представителямъ дворянскихъ польскихъ родовъ, впервые допущенныхъ въ Петербургѣ къ Царскому пріему послѣ мятежа 1863 года, явившимся ко дню погребенія 6 Наслѣдника Престола Николая Александровича.

„Я желалъ видѣть васъ, господа, чтобы поблагодарить за чувства, которыя вы выразили мнѣ при послѣднихъ тяжкихъ обстоятельствахъ. Хочу вѣрить, что они искренни, и желаю, чтобы были раздѣляемы большинствомъ вашихъ соотечественниковъ, подданныхъ моихъ въ Царствѣ Польскомъ. Чувства эти будутъ лучшимъ ручательствомъ въ томъ, что мы не подвергнемся уже тѣмъ испытаніямъ, чрезъ которыя прошли въ недавнее время. Я желаю, чтобы слова мои вы передали вашимъ заблудшимъ соотечественникамъ. Надѣюсь, что вы будете содѣйствовать къ образумленію ихъ. При семъ случаѣ не могу не припомнить тѣ слова, поставляемыя мнѣ въ укоръ, какъ бы оскорбленіе для Польши, которыя я сказалъ въ 1856 году въ Варшавѣ, по прибытіи туда въ первый еще разъ Императоромъ. Я былъ встрѣченъ тогда съ увлеченіемъ и въ Лазенковскомъ дворцѣ говорилъ вашимъ соотечественникамъ: „Оставьте мечтанія!“ (Point de rêveries!). Если бы они послѣдовали этому совѣту, то избавили бы ваше отечество отъ многихъ бѣдствій. Потому то возвращаюсь къ тѣмъ же прежнимъ моимъ словамъ: Оставьте мечтанія! Я люблю одинаково всѣхъ моихъ вѣрныхъ подданныхъ: русскихъ, поляковъ, финляндцевъ, лифляндцевъ и другихъ; они мнѣ равно дороги; но никогда я не допущу, чтобы дозволена была самая мысль о разъединеніи Царства Польскаго отъ

Историческое изложеніе поступковъ римскаго двора, приведшихъ къ разрыву отношеній между римскимъ престоломъ и Императорскимъ и обусловившихъ уничтоженіе конкордата 1847 г. *).

Принципъ религіозной вѣротерпимости лежитъ въ основѣ всѣхъ правительственныхъ преданій, въ самыхъ нравахъ Россіи. Исповѣданіе чуждыхъ религій было законно допущено въ имперіи уже въ царствованіе Петра Великаго, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій болѣе оборонительныхъ, чѣмъ стѣснительныхъ, схожихъ съ условіями, принятыми въ большей части даже католическихъ державъ.

Условія эти, вошедшія въ сводъ основныхъ законовъ имперіи, не нарушали принципа самой широкой терпимости. Они имѣли единственною цѣлью поставить господствующую церковь въ безопасность отъ пропаганды и гарантировать правительственную власть отъ притязаній римскаго двора, запрещеніемъ русскимъ подданнымъ, исповѣдующимъ католическую религію, входить въ прямыя сношенія съ главою церкви, который въ то же время былъ и иностраннымъ государемъ.

Пропаганда эта и притязанія безнаказанно развивались въ областяхъ имперіи, подчиненныхъ въ теченіи двухъ вѣковъ польской республикѣ. Сотни тысячъ православныхъ были волею неволею обращены въ римско-католическую религію. Еще большее число вынуждено

---

*) Приложеніе къ циркулярной нотѣ вице-канцлера Его Сіятельства князя Горчакова къ русскимъ посольствамъ и миссіямъ за границею, адресованной изъ Петербурга отъ 7-го января 1867 г.

Слова Государя Императора Александра II-го 13 іюня 1867 г. къ крестьянамъ въ г. Вильнѣ.

Вышедши къ нимъ на дворцовый дворъ, Его Величество спросилъ: нѣтъ ли между ними принявшихъ православіе? По вызовѣ вновь обращенныхъ изъ толпы, Его Величество произнесъ, обращаясь къ нимъ: „Очень радъ васъ видѣть православными. Увѣренъ, что вы перешли въ древнюю вѣру края съ убѣжденіемъ и искренно; знайте, что разъ принявшимъ православіе, я ни подъ какимъ видомъ не позволю и не допущу возвратиться въ католичество. Слышите ли? повторяю: радъ васъ видѣть православными“.

(Русскій Біограф. Словарь, С.-Пб. 1896 г., т. I, стр. 642).

Примѣчаніе: Эти слова особенно хорошо слѣдовало бы запомнить тѣмъ изъ нашихъ мудрецовъ, которые вмѣстѣ съ заграничными врагами русскаго Государства требуютъ теперь *для упорствующихъ* какой то особой статистики, особой переписи, съ предоставленіемъ, конечно, имъ права добровольно избрать желанное исповѣданіе. Какъ будто *упорствующіе* въ самомъ дѣлѣ упорствуютъ въ своемъ нежеланіи быть православными потому, что понимаютъ не то что преимущества латинства или уніи предъ православіемъ, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ и быть не можетъ, а простое различіе между тѣмъ или другимъ вѣроисповѣданіемъ? Нисколько! Упорствующіе упорствуютъ потому, что къ этому ихъ побуждаютъ различныя злокозненныя махинаціи враговъ Россіи, неимѣющія ничего общаго съ дѣломъ вѣры.

Историческое изложеніе поступковъ римскаго двора, приведшихъ къ разрыву отношеній между римскимъ престоломъ и Императорскимъ и обусловившихъ уничтоженіе конкордата 1847 г. *).

Принципъ религіозной вѣротерпимости лежитъ въ основѣ всѣхъ правительственныхъ преданій, въ самыхъ нравахъ Россіи. Исповѣданіе чуждыхъ религій было законно допущено въ имперіи уже въ царствованіе Петра Великаго, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій болѣе оборонительныхъ, чѣмъ стѣснительныхъ, схожихъ съ условіями, принятыми въ большей части даже католическихъ державъ.

Условія эти, вошедшія въ сводъ основныхъ законовъ имперіи, не нарушали принципа самой широкой терпимости. Они имѣли единственною цѣлью поставить господствующую церковь въ безопасность отъ пропаганды и гарантировать правительственную власть отъ притязаній римскаго двора, запрещеніемъ русскимъ подданнымъ, исповѣдующимъ католическую религію, входить въ прямыя сношенія съ главою церкви, который въ то же время былъ и иностраннымъ государемъ.

Пропаганда эта и притязанія безнаказанно развивались въ областяхъ имперіи, подчиненныхъ въ теченіи двухъ вѣковъ польской республикѣ. Сотни тысячъ православныхъ были волею неволею обращены въ римско-католическую религію. Еще большее число вынуждено

---

*) Приложеніе къ циркулярной нотѣ вице-канцлера Его Сіятельства князя Горчакова къ русскимъ посольствамъ и миссіямъ за границею, адресованной изъ Петербурга отъ 7-го января 1867 г.

было мѣрами, насильственность которыхъ признаетъ сама исторія, признать верховную власть папы, присоединеніемъ къ союзу болѣе политическому, чѣмъ религіозному, извѣстному подъ именемъ Уніи. Когда области эти были освобождены отъ давившаго ихъ гнета, когда онѣ снова сдѣлались русскими, великая государыня, совершившая этотъ славный подвигъ, выказала свою терпимость устройствомъ римско-католическихъ епархій, соотвѣтствующихъ мѣстнымъ потребностямъ, назначеніемъ суммъ на удовлетвореніе духовныхъ нуждъ, основаніемъ семинарій, врученіемъ высшаго управленія интересами римско католической церкви духовной коллегіи, подъ предсѣдательствомъ добродѣтельнаго и просвѣщеннаго прелата. Но въ тоже время Императрица Екатерина писала съ полною откровенностью папѣ Пію VI: „Если по примѣру моихъ предковъ я допускаю въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ исповѣданіе всѣхъ религій безъ исключенія, въ томъ числѣ и римско-католическую, я не потерплю, чтобы лица, исповѣдующія эту религію, зависѣли отъ какой бы то ни было чуждой власти. Поэтому всѣ буллы и грамоты римскаго двора могутъ быть обнародованы въ Россіи не иначе, какъ съ разрѣшенія ея государя“. Преемники Императрицы Екатерины не отступали отъ этихъ началъ.

Императоръ Александръ I, котораго судьба сдѣлала властителемъ Польши, дѣйствовалъ относительно Римской церкви съ такимъ же великодушіемъ и довѣріемъ, какъ и относительно польскаго народа. Латинское духовенство сохранило всѣ права, всю недвижимую собственность, все вліяніе, которое присвоило себѣ; только развѣ самыя вопіющія злоупотребленія клерикальной власти и религіознаго фанатизма, способствовавшихъ паденію Польши, были пресѣкаемы.

Участіе латинскаго духовенства въ революціонномъ движеніи 1830 г., участіе, засвидѣтельствованное и осужденное самимъ римскимъ престоломъ, въ энцикликѣ отъ 15 августа 1832 г., доказало необходимость установить предѣлъ вліянію, которымъ духовенство злоупотребляло такимъ пагубнымъ образомъ. Поэтому Императоръ Николай увидѣлъ себя вынужденнымъ ограничить тѣ матеріальныя средства къ дѣятельности, которыми римская церковь располагала въ Россіи и Польшѣ. Съ этою цѣлью часть громадныхъ недвижимыхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ латинскимъ духовенствомъ, была отчуждена и обращена на дѣйствительныя потребности религіи; нѣкоторые изъ римско-католическихъ монастырей, не заключавшихъ въ себѣ установленнаго каноническимъ правомъ количества монаховъ или монахинь, были закрыты,—наконецъ всякое прямое сообщеніе съ римскимъ престоломъ и всякая латинская пропаганда были строго воспрещены. Римскій дворъ, признавшій существованіе зла, счелъ долгомъ поставить преграды примѣненію принятыхъ русскимъ правительствомъ, единственно дѣйствительныхъ противъ него мѣръ. Онъ протестовалъ противъ нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣръ. Онъ отказалъ въ своемъ содѣйствіи и безусловномъ согласіи на другія. Когда Императоръ Николай посѣтилъ въ 1845 г. Римъ, Григорій XVI изложилъ ему мнимыя жалобы римскаго правительства въ запискѣ, врученной Императору самимъ папою. Содержаніе ноты, переданной черезъ два дня папѣ, заключаетъ въ себѣ принципы, служившіе руководствомъ Императору Николаю, и чувства, одушевлявшія его относительно римской церкви. „Императоръ, сказано въ нотѣ, проситъ верховнаго главу римской церкви быть твердо убѣжденнымъ, что никто болѣе Императора не желаетъ поставить римскую церковь на

почетную, согласную съ ея достоинствомъ, степень, какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ".

„Мольбы, обращаемыя Е. И. В. къ небу обнимаютъ съ одинаковою заботливостью, безъ всякаго различія вѣроисповѣданій, духовные интересы народовъ, судьбы которыхъ вручены ему божественнымъ провидѣніемъ. Все, что можетъ быть сдѣлано во исполненіе желаній папы, безъ прямаго нарушенія органическихъ законовъ имперіи, правъ и церковныхъ установленій господствующей церкви, — будетъ сдѣлано. Императорское слово гарантируетъ это его святѣйшеству. Но, какъ замѣчено выше, есть обстоятельства и необходимости, отъ которыхъ Императоръ не во власти освободиться". Императорское слово было честно выполнено заключеніемъ конкордата 1847 г., уступавшаго римской церкви все, что только можно было уступить въ однажды начертанныхъ границахъ. Но римскій престолъ постоянно домогался выйти изъ этихъ границъ. „*Нетерпимость составляетъ сущность католической религіи*", писалъ въ іюнѣ 1804 г. государственный секретарь, кардиналъ Консальви къ кардинану Каприри",

Въ Польшѣ и Россіи римскій дворъ съ особенною послѣдовательностью проводилъ этотъ принципъ. Въ качествѣ охранителей законовъ имперіи и покровителей правъ православной церкви, русскіе государи не могли удовлетворить подобнымъ притязаніямъ. Въ этомъ заключается ключъ къ размолвкамъ, постоянно возникающимъ между Императорскимъ и римскимъ дворами,— размолвкамъ, доведшимъ, вслѣдствіе дѣйствій, починъ и отвѣтственность за которыя лежатъ на Піѣ IX, къ разрыву всѣхъ политическихъ отношеній и къ разрушенію конкордата 1847 г. Это ясно обнаруживается изъ подробнаго разбора отношеній обоихъ дворовъ въ настоя-

щее царствованіе. Личныя чувства Императора Александра II и отношенія его къ римской церкви лучше всего высказываются въ слѣдующемъ письмѣ, написанномъ по приказанію Е. В. къ его посланнику при римскомъ престолѣ, 13 мая 1863 года, „Принципъ свободы совѣсти, сказано въ немъ, глубоко запечатлѣнъ въ убѣжденіяхъ нашего Августѣйшаго Монарха, но какъ принципъ, понимаемый во всей его чистотѣ, а не въ томъ смыслѣ, который постоянно придавалъ ему римскій дворъ, требуя для католической религіи безграничной свободы, въ ущербъ прочимъ исповѣданіямъ. По существу своему православная церковь не отличается ни воинственнымъ, ни пропагандистическимъ духомъ; но она вправѣ требовать, чтобы ее не предавали, беззащитную, на жертву нападеніямъ религіи, отличающейся какъ тѣмъ, такъ и другимъ характеромъ. Мы не отнимаемъ и не намѣрены отнимать овецъ отъ чужихъ паствъ, но мы вправѣ и обязаны наблюдать, чтобы нашихъ собственныхъ овецъ не совращали съ ихъ вѣры. Однимъ словомъ, религія наша никогда не угнетала. Но странно требовать, чтобы въ странѣ, гдѣ большинство населенія исповѣдуетъ православную религію, — православная церковь занимала второстепенное положеніе“.

Чрезвычайный посолъ, присланный папою въ Россію для присутствованія на торжествѣ коронованія, имѣлъ случай увѣриться по пріему, оказанному ему Государемъ Императоромъ, въ искреннемъ доброжелательствѣ, которымъ былъ проникнутъ Е. В. въ отношеніи римскаго престола. Монсиньору Киджи поручено было въ тоже время предъявить Россійскому Императорскому двору различныя требованія, касавшіяся примѣненія и толкованія нѣкоторыхъ статей конкордата 1847 г. Онъ имѣлъ случай удостовѣриться, что Императоръ, по восшествіи

на престолъ, передалъ эти требованія на разсмотрѣніе особаго комитета, составленнаго изъ высшихъ сановниковъ Имперіи, приказавъ комитету удовлетворить требованія въ законныхъ предѣлахъ. Отчетъ этого комитета былъ сообщенъ римскому двору, который недавно обнародовалъ его вмѣстѣ съ другими документами, въ сборникѣ, изданномъ подъ заглавіемъ: *„Изложеніе, подкрѣпленное документами постоянныхъ усилій папы Пія IX, направленныхъ къ облегченію бѣдствій, претерпѣваемыхъ католическою церковью въ Россіи и Польшѣ“*. Изъ помянутаго отчета видно, что всѣ требованія римскаго престола были добросовѣстно разсмотрѣны, и немедленно и вполнѣ удовлетворены тѣ изъ нихъ, которыя были справедливы или которыя не были несовмѣстны съ основными законами имперіи и съ правами господствующей церкви. Не объявляя себя удовлетвореннымъ и отвѣчая на важныя уступки Императорскаго двора увеличеніемъ требованій, римскій престолъ до 1859 г. соблюдалъ въ отношеніи Россіи положеніе относительно умѣренное. Въ письмѣ къ Императору отъ 31 января 1859 г. папа съ почтеніемъ выражался о превосходныхъ качествахъ ума и сердца, которыми отличается Е. В., и высказалъ свою искреннюю благодарность за то, что Императору благоугодно было дать ему возможность замѣщать нѣкоторыя епископскія кафедры и мѣста суффрагановъ. Затѣмъ глава католической церкви, между прочимъ, просилъ о томъ, чтобы Римскій престолъ могъ имѣть въ Россіи постояннаго представителя. Императоръ въ своемъ отвѣтѣ на это письмо возобновилъ папѣ увѣреніе въ своей живѣйшей и постоянной заботливости о религіозныхъ интересахъ его подданныхъ римско-католическаго исповѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Е. В. извѣстилъ его святѣйшество, что онъ поручилъ своему министру

въ Римѣ объясниться съ кардиналомъ Антонелли о подробностяхъ, упоминаемыхъ въ папскомъ письмѣ, и съ той взаимною откровенностью и доброжелательствомъ, которыми проникнуты отношенія между обоими правительствами. Къ несчастью, римскій престолъ въ то время началъ уже уклоняться отъ этой откровенности и доброжелательства, и нашелъ нужнымъ совершенно уклоняться отъ нихъ въ періодъ печальныхъ событій, совершавшихся въ Польшѣ съ 1858 по 1864 г. Императоръ Александръ II началъ свое царствованіе дозволеніемъ возвратиться въ отечество 9000 поляковъ, находившимся въ изгнаніи. Въ Царствѣ Польскомъ введена была система правленія, отличавшаяся, на сколько было возможно, кротостью и терпимостью. Приняты были реформы, задуманныя въ очень либеральномъ духѣ и способныя къ послѣдующему развитію. Царству дарованы были провинціальныя учрежденія; личная свобода обставлена была многочисленными гарантіями; въ народномъ образованіи, финансахъ и судебныхъ учрежденіяхъ произведены были желаемыя улучшенія. Всѣ эти благодѣянія были принимаемы съ недовѣріемъ или съ упорнымъ недоброжелательствомъ, котораго не могла обезоружить самая терпѣливая снисходительность. Высшіе классы польскаго общества организовали и поддерживали агитацію, которая, благодаря поощренію и подстрекательству извнѣ, не замедлила превратиться въ возстаніе. Побудительныя причины, руководившія высшими классами польскаго общества, объясняются простымъ сопоставленіемъ чиселъ. Отмѣна крѣпостнаго права въ Россіи, сначала представлявшая, повидимому, непреодолимыя препятствія, была уже въ 1859 году на пути успѣха. Такая обширная соціальная реформа естественно должна была произвести свое дѣйствіе въ

Польшѣ и повести такъ или иначе къ освобожденію сельскаго населенія въ Царствѣ, находившагося въ состояніи дѣйствительной, если не признаваемой явно, крѣпостной зависимости. Аристократическая партія рѣшилась воспрепятствовать во что бы то ни стало реформѣ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ которой должно было быть уничтоженіе феодальной власти и привилегій, которыми пользовалась аристократія. Порвавъ связь съ прошлымъ и отказавшись отъ своихъ убѣжденій, аристократическая партія протянула руку космополитической революціи, которая, предвидя подобный поворотъ, держала себя на сторожѣ. 19 февраля 1861 года въ Петербургѣ обнародованъ былъ указъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. 24 февраля того же года земледѣльческое общество, собравшееся въ Варшавѣ, присвоивъ себѣ значеніе учредительнаго собранія, приняло различныя резолюціи, утвержденныя Мѣрославскимъ, который черезъ недѣлю послѣ того писалъ изъ Парижа, что „эти резолюціи должны служить исходною точкою для народнаго возстанія“. Съ самаго начала этихъ волненій значительная часть римско-католическаго духовенства содѣйствовала тайными интригами приготовленіямъ къ возстанію. Въ 1858 г. въ плоцкой епархіи болѣе 20 лицъ духовнаго званія были изобличены законнымъ порядкомъ въ томъ, что проповѣдывали неповиновеніе установленнымъ властямъ и возбуждали волненіе умовъ, подъ предлогомъ учрежденія обществъ трезвости. Другіе латинскіе священники въ Витебской губерніи были преданы суду за совершеніе, вопреки основнымъ законамъ имперіи, св. таинствъ надъ лицами православнаго исповѣданія. Эти интриги не были неизвѣстны римскому престолу. Онѣ описаны въ сборникѣ римскихъ документовъ, стр. 154

и 160. Но, вмѣсто того, чтобы заслужить порицаніе римскаго двора, онѣ упоминаются въ отчетѣ государственнаго секретаріата съ похвалами лицамъ, занимавшимся такими кознями, и съ обвиненіями русскихъ властей. Это положеніе римскаго двора и поощренія, посылавшіяся изъ Рима тайными и незаконными путями, какъ мы покажемъ это ниже, не замедлили побудить значительную часть латинскаго духовенства въ Царствѣ вступить на путь, на которомъ оно скомпрометировало достоинство христіанскаго священнаго сана и религіозные и матеріальные интересы ввѣренной ему паствы. Пользуясь своимъ вліяніемъ на низшіе классы общества и преимущественно на женщинъ, употребляя могущественное оружіе исповѣди, духовенство пополняло и пропагандировало революціонную организацію. Революціонный фанатизмъ, привычка постоянно вмѣшиваться въ мірскія дѣла, соединенныя съ распущенностью духовенства, скрѣпляли этотъ святотатственный союзъ между церковью и революціею. Историческій очеркъ участія католическаго духовенства въ послѣднемъ польскомъ возстаніи вѣрно изложенъ въ оффиціальномъ документѣ, обнародованномъ во всеобщее свѣдѣніе. Тѣмъ не менѣе необходимо привести здѣсь нѣкоторыя данныя, содержащіяся въ этомъ документѣ, чтобы можно было надлежащимъ образомъ оцѣнить роль, которую римскій дворъ счелъ нужнымъ принять на себя во время смутныхъ событій, театромъ которыхъ была Польша. Первая значительная демонстрація произошла 11 Іюня 1860 г., по случаю одного погребенія. Монахъ Сплешынскій произнесъ по этому случаю проповѣдь крайне революціоннаго содержанія. Вскорѣ послѣ того возмутительныя поученія стали раздаваться съ церковныхъ кафедръ, сначала въ Варшавѣ, а затѣмъ

и въ провинціи. Почти во всѣхъ церквахъ явно продавались печатные сборники революціонныхъ пѣсенъ, а также портреты корифеевъ возстанія. Въ столицѣ и многихъ другихъ городахъ монахи ставили передъ монастырями статуи Пресв. Дѣвы и святыхъ, передъ которыми были зажигаемы лампады и свѣчи, и сзывали праздную толпу для пѣнія возмутительныхъ гимновъ. Эти подстрекательства часто порождали печальныя сцены. Такъ, напримѣръ, у дверей церкви Св. Креста, въ окрестностяхъ Радома, послѣ проповѣди бернардинскаго монаха Казимира, одного изъ главныхъ устраивателей этихъ религіозныхъ сборищъ, толпа едва не умертвила одного мужчину и одну женщину, возбудившихъ почему-то подозрѣніе противъ себя. Въ 1861 г. начался цѣлый рядъ духовныхъ процессій, явно имѣвшихъ характеръ политическихъ демонстрацій. Въ то же время и какъ бы изъ желанія доказать, что это были не дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, а систематическое возмущеніе всего духовенства, по всему царству организовались многочисленныя собранія свѣтскихъ священниковъ и монаховъ. На одномъ изъ этихъ собраній, происходившемъ 2-го (14) ноября на Лысой-Горѣ, собралось болѣе трехъ сотъ священниковъ и монаховъ для произнесенія возмутительныхъ рѣчей и совершенія общественныхъ молитвъ за успѣхъ революціи. Самое многочисленное и самое важное изъ такихъ собраній было собраніе духовенства въ Подляхіи, въ ноябрѣ 1862 г. На этомъ собраніи единогласно была принята резолюція, заявляющая о „согласіи и тѣсной солидарности между духовенствомъ и революціонною партіею".

Депутаты другихъ епархій утвердили цѣлую программу революціонныхъ дѣйствій, содержавшую въ себѣ оговорки только въ пользу правъ римско-католической

церкви, и вмѣнявшую духовенству, въ числѣ прочихъ обязанностей — „приводить къ присягѣ лицъ, которымъ поручаются всѣ операціи центральнаго комитета". Извѣстно, что большая часть этихъ операцій имѣла цѣлью убійство и, грустно подтвердить, что многіе священники не только принимали присягу отъ исполнителей этихъ дѣлъ, но и сами присоединялись къ нимъ, или даже замѣняли ихъ.

Довольно сказать, въ дополненіе къ этимъ даннымъ, что болѣе пятисотъ римско-католическихъ священниковъ были законно уличены въ прямомъ и фактическомъ участіи въ кровавыхъ дѣлахъ польскаго возстанія.

При первыхъ же проявленіяхъ этихъ преступныхъ происковъ, Императорскій кабинетъ увѣдомилъ о нихъ римское правительство, требуя вмѣшательства верховной власти папы для возвращенія латинскаго духовенства къ мирнымъ обязанностямъ его святаго призванія. Первая попытка на этотъ счетъ осталась безуспѣшна, и когда варшавскій епархіальный капитулъ вздумалъ усилить народное волненіе закрытіемъ церквей, то вице-канцлеръ имперіи адресовалъ къ министру его святѣйшества слѣдующее письмо, отъ 9 октября 1861 года.

„Препровождаю къ вамъ копію съ доклада графа Ламберта (тогдашняго варшавскаго намѣстника) о послѣднихъ событіяхъ. Вы увидите изъ нея, какую роль играетъ въ Польшѣ римско-католическое духовенство,— роль не измѣняющуюся съ самой той минуты, какъ вспыхнули безпорядки".

„Я нахожу, что это духовенство отдало себѣ справедливость, предписавъ закрыть костелы подъ тѣмъ предлогомъ, что они осквернены — оскверненіе ихъ началось съ того дня, какъ въ ихъ священныя стѣны проникли

людскія страсти, и мятежные гимны заступили мѣсто христіанской молитвы“.

„Въ этомъ отношеніи, конечно, совершено оскверненіе и, если, по очищеніи своихъ храмовъ, духовенство отворитъ ихъ съ намѣреніемъ недопускать въ нихъ ничего, кромѣ того, что предписывается въ заповѣдяхъ Христа, то оно исполнитъ свою обязанность. Но, сомнѣваюсь, чтобы таковы были его намѣренія. Напротивъ, мнѣ сдается, что оно намѣрено распространить мѣру закрытія церквей на все Царство и предать всю страну нѣкотораго рода отлученію отъ церкви, лишивъ вѣрующихъ божественнаго слова съ тѣмъ, чтобы послужить чисто мірскимъ страстямъ. Пока, я еще сомнѣваюсь, чтобы оно осмѣлилось рѣшиться на такую мѣру. Но, если не взирая на данное ему предостереженіе, духовенство пойдетъ далѣе, то я исполню свою обязанность и донесу этотъ фактъ до свѣдѣнія и справедливаго суда папы“.

„Въ настоящую минуту, я не поручаю вамъ никакихъ формальныхъ мѣръ относительно римскаго правительства, не желая повторять воззванія, которое уже осталось разъ безъ отвѣта. Но уполномочиваю васъ прочесть кардиналу Антонелли, какъ мое письмо къ вамъ, такъ и прилагаемое письмо графа Ламберта“.

„Я слишкомъ безусловно вѣрую въ высокую мудрость его святѣйшества, чтобы сомнѣваться въ томъ, что онъ не усмотритъ, въ интересахъ самой религіи, значенія того положенія, которое приняло въ Польшѣ римско-католическое духовенство и, предупрежденный о происходящемъ, не признаетъ необходимости принять противъ него мѣры“.

Это сообщеніе, подтвержденное такими убѣдительными документами, не вызвало ничего, кромѣ уклончиваго отвѣта. Его высокопреосвященство кардиналъ Анто-

нелли объявилъ г. Киселеву, по предписанію папы, что: святой отецъ *порицаетъ конфиденціальнымъ образомъ* поведеніе польскаго духовенства, но, когда его превосходительство потребовалъ, чтобы святой отецъ заявилъ гласно это порицаніе, то кардиналъ-министръ отвѣтилъ: что „святому отцу тѣмъ невозможнѣе *ясно высказаться* въ этомъ вопросѣ, что польское духовенство жалуется на стѣсненія въ его духовныхъ обязанностяхъ; что святой отецъ не имѣетъ съ нимъ никакихъ прямыхъ и свободныхъ сообщеній, и что, не имѣя въ Россіи представителя, онъ лишенъ всякаго источника оффиціальныхъ свѣдѣній и всякихъ средствъ къ прямому дѣйствію на духовенство".

Понимая важность обстоятельствъ и желая отнять всякій предлогъ у недоброжелательства, Императорскій кабинетъ рѣшился сдѣлать римскому двору важную уступку, допустивъ прибытіе въ Россію римскаго прелата.

Вслѣдствіе этого, князь Горчаковъ адресовалъ къ г. Киселеву, по предписанію Его Величества депешу, въ которой говорилось слѣдующее:

„Передавая вамъ августѣйшія слова святаго отца, е. выс. кардиналъ—министръ сообщилъ вамъ о жалобахъ польскаго духовенства на стѣсненія, которыя оно встрѣчаетъ, будто бы, при исполненіи своихъ духовныхъ обязанностей и, въ особенности, на недостатокъ свободныхъ и прямыхъ сношеній между папою и духовенствомъ, которыя лишаютъ римскій дворъ всякаго источника свѣдѣній и всякаго средства къ дѣйствію. Е. выс. кардиналъ Антонелли далъ вамъ понять, въ заключеніе, что святой отецъ желалъ бы послать въ Варшаву прелата для передачи его предписаній и увѣщаній римско-католическому духовенству. Если въ Русской имперіи,

какъ и во многихъ другихъ странахъ, даже въ тѣхъ, гдѣ господствуетъ римско-католическая церковь, сношенія духовенства съ властью, стоящею внѣ государства, опредѣлены извѣстными формальностями, то это въ силу политическаго принципа, признаннаго всею Европою, и въ силу свободно заключеннаго конкордата съ римскою церковью. Слѣдовательно, нельзя нарушать этого правила, ни мало не стѣсняющаго къ тому же сношеній римско-католическаго духовенства съ главою своей церкви, а только опредѣляющаго форму и способъ этихъ сношеній. Нашъ Августѣйшій Государь считаетъ одною изъ своихъ священнѣйшихъ обязанностей упрочить за всѣми своими подданными полнѣйшую свободу вѣроисповѣданія, и за всѣми пастырями церкви, къ какому бы ученію они ни принадлежали, самое неограниченное покровительство въ исполненіи ихъ духовнаго призванія. Ограничивая это законами, предписываемыми общими интересами имперіи, Е. В. только сообразуется съ необходимостью, равно существующею для всѣхъ государей. Императоръ не думаетъ, впрочемъ, чтобы эти законы, воспрещая служителямъ церкви вызывать безпорядки, взаимную вражду и соблазнъ, вмѣняли имъ условія, несогласимыя съ ихъ назначеніемъ быть проповѣдниками мира и милосердія, или не давали имъ достаточнаго простора для выполненія этого назначенія. Но внѣ этихъ необходимыхъ условій, Императоръ руководится съ самаго своего вступленія на тронъ, только принципомъ терпимости въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, и вы можете, милостивый государь, повторить с. выс. кардиналу министру увѣреніе въ постоянной заботѣ Е. В. о духовныхъ потребностяхъ его римско - католическихъ подданныхъ. Желая дать этому новое доказательство, нашъ Августѣйшій Государь принялъ ко вниманію же-

ланіе, выраженное папою, на счетъ отправленія въ Россію прелата, которому онъ могъ бы поручить передать римско-католическому духовенству въ Польшѣ совѣты и увѣщанія главы католической церкви. Императоръ готовъ согласиться на это; въ знакъ своего почтительнаго расположенія къ его святѣйшеству, Е. В. желаетъ, чтобы его дѣйствія были всѣмъ извѣстны, во избѣжаніе клеветы, уничтожающей довѣріе. Уполномоченный святаго отца можетъ судить о положеніи дѣлъ собственными глазами и въ точности донести обо всемъ его святѣйшеству. Онъ убѣдится, что въ настоящихъ событіяхъ въ Царствѣ Польскомъ ни мало не замѣшаны интересы религіи и что, напротивъ того, ее оскверняютъ, заставляя служить орудіемъ страстей".

Исполняя это порученіе графъ Киселевъ далъ понять кардиналу—министру, что Императорскій кабинетъ не прочь даже отъ обращенія временной миссіи папскаго уполномоченнаго въ постоянную. Но въ то время, какъ римскій дворъ *конфиденціально* порицалъ поведеніе польскаго духовенства и пользовался положеніемъ для пріобрѣтенія столь важныхъ уступокъ, папа тайно отправлялъ къ варшавскому архіепископу, монсиньору Фіалковскому, грамоту, съ поощреніями духовенства и съ выраженіемъ папскаго сочувствія обѣтамъ въ пользу польской націи, обѣтамъ, названнымъ въ этой нотѣ *законными*, не смотря на ихъ насильственныя и мятежныя выраженія. Существованіе этой грамоты открылось послѣ смерти Фіалковскаго въ документахъ, обнародованныхъ двумя органами, преданными римскому двору. Въ подлинности ея не было возможности сомнѣваться: тѣмъ не менѣе Императорскій кабинетъ только тономъ сомнѣнія протестовалъ противъ содержанія этой грамоты и противъ ея передачи помимо пути, установленнаго закономъ. Карди-

налъ—министръ, не отрицая положительно существованія грамоты, далъ графу Киселеву слѣдующее объясненіе:—„святой отецъ, сказалъ онъ, обязанъ защищаться отъ обвиненія въ томъ, что онъ недостаточно печется объ интересахъ церкви. Что, впрочемъ, собственно это была не грамота, а письмо папы, написанное, правда, по латынѣ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, но не на *періаментѣ*, и что оно вышло изъ секретаріата латинскихъ писемъ, а не изъ канцеляріи папскихъ грамотъ“. Всѣ эти тонкости ни мало не уменьшали значенія документа, изшедшаго отъ верховнаго главы церкви и подлинность котораго признана теперь римскимъ дворомъ, включившимъ этотъ документъ въ изданный имъ оффиціальный сборникъ (стр. 168, док. LV). Между тѣмъ, варшавскій архіепископъ скончался и римскій дворъ настаивалъ на необходимости немедленно назначить ему преемника. Императорскій кабинетъ тотъ часъ исполнилъ это желаніе и утвердилъ въ должность варшавскаго архіепископа аббата Фелинскаго. Святой отецъ благоволилъ лично сказать г. Киселеву на аудіенціи, дарованной ему 15 (27) декабря 1861 года, какъ пріятенъ ему этотъ выборъ и что „онъ благодаритъ отъ души Императора за это доказательство желанія довершить хорошія отношенія между двумя дворами“. Сверхъ того, его святѣйшество выразилъ желаніе, чтобы прелатъ, котораго онъ намѣревался послать въ Россію, остался тамъ въ качествѣ постояннаго представителя римскаго двора. Не долго спустя (въ мартѣ 1861), кардиналъ Антонелли увѣдомилъ конфиденціально г. Кисилева, что папскимъ нунціемъ въ Петербургѣ назначенъ монсиньоръ Берарди. Но въ то же время кардиналъ-министръ предложилъ русскому посланнику одинъ вопросъ, явно показавшій намѣреніе римскаго двора смотрѣть на сдѣ-

ланную ему уступку, какъ на поощреніе къ удвоеннымъ требованіямъ: „Будетъ ли примѣненъ къ папскому нунцію законъ, воспрещающій всякія прямыя сношенія между римскимъ дворомъ и католическимъ духовенствомъ?“ спросилъ кардиналъ. Г. Киселевъ попросилъ кардинала изложить письменно этотъ вопросъ, съ тѣмъ, чтобы передать его своему двору и получить точный отвѣтъ, и кардиналъ-министръ исчислилъ въ нотѣ всѣ законы Имперіи, которыхъ отмѣны онъ желалъ-бы,—законы, на счетъ существованія которыхъ римскій дворъ не разъ высказывалъ прежде полное невѣдѣніе. Отвѣтъ Императорскаго кабинета не заставилъ себя ждать. Поручая г. Киселеву „выразить удовольствіе Императора по поводу назначенія монсиньора Берарди, и надежду, что присутствіе въ Россіи этого прелата просвѣтитъ римскій дворъ на счетъ духа и стремленій Императорской администраціи и разсѣетъ предубѣжденія, посѣянныя недоброжелательствомъ между двумя правительствами“, вице-канцлеръ имперіи увѣдомляетъ г. Киселева, исполняя волю Императора отъ 27 марта 1862 г., „что законъ о которомъ идетъ рѣчь, распространяетъ и на папскихъ нунціевъ принципъ посредничества Императорскаго правительства во всѣхъ оффиціальныхъ сношеніяхъ римскаго правительства съ римско-католическимъ духовенствомъ въ имперіи и Царствѣ Польскомъ; что принимая это правило, которое должно быть соблюдаемо, правительство руководилось высшими политическими соображеніями, а не какимъ либо чувствомъ недовѣрія или недоброжелательства; что Государь, единственный судья общихъ интересовъ государства, въ числѣ которыхъ интересы религіозные требуютъ всей его заботливости; что онъ одинъ способенъ оцѣнить въ цѣломъ эти интерессы и направить ихъ къ вмѣненной ему конечной цѣли,—къ благу страны; что

если эти принципы примѣняются къ оффиціальнымъ сношеніямъ папскаго двора съ духовенствомъ, то тѣмъ болѣе причинъ примѣнять ихъ къ сношеніямъ съ апостолическимъ нунціемъ, который не болѣе какъ уполномоченный и представитель римской куріи; и что наконецъ, эти принципы, принятые повсемѣстно и даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствуетъ католическая церковь, не оказались несогласными съ постояннымъ пребываніемъ папскихъ нунціевъ". Римскій дворъ не имѣлъ основанія требовать отъ Государя, въ странѣ котораго господствуетъ православная церковь, дарованія папскимъ нунціямъ большихъ привиллегій чѣмъ тѣ, какими они пользуются, напримѣръ во Франціи, гдѣ господствуетъ римско-католическая церковь. Французское законодательство ясно опредѣляетъ положеніе нунціевъ. Въ статьѣ I органическихъ установленій въ силу конкордата 1801 г., строго соблюдаемыхъ до сихъ поръ, строго воспрещены всякія сношенія съ римскимъ дворомъ внѣ правительственнаго контроля. Въ статьѣ II тѣхъ же установленій сказано: „никакое лицо, называющее себя апостолическимъ нунціемъ, легатомъ, викаріемъ или коммисаромъ, не можетъ занимать, на французской землѣ или въ другомъ мѣстѣ, никакой должности, относящейся до церковныхъ дѣлъ, безъ разрѣшенія правительства". Въ статьяхъ 207 и 208 французскаго уголовнаго кодекса, полагаются строгія наказанія (до 500 франковъ штрафа, заключеніе отъ одного до двухъ лѣтъ и изгнаніе) за всякое нарушеніе этихъ законовъ. Недавній случай доказалъ, что папа признаетъ эти постановленія французскаго законодательства, предписываетъ своимъ представителямъ подчиняться имъ, и что тезисъ о *non possumus*, развиваемый по отношенію къ Россіи въ оффиціальномъ отчетѣ римскаго двора, не выдерживаетъ ученія права и логики. Апостолическій нунцій, въ

Парижѣ, монсиньоръ Киджи адресовалъ въ 1865 г., помимо законныхъ путей письма къ епископамъ Орлеана и Пуатье; эти письма были обнародованы и французскій посланникъ въ Римѣ пожаловался на такое нарушеніе дѣйствующихъ законовъ. Римскій дворъ колебался дать требуемое удовлетвореніе и французское правительство повторило свои жалобы. Тогда папскій дворъ объявилъ, что онъ осуждаетъ поступки г. Киджи и Moniteur Universel подтвердилъ, 7 (19) февраля 1865 г., что „нунцій выразилъ на частной аудіенціи императору Наполеону свои сожалѣнія и увѣренія, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія нарушать уваженіе къ законамъ международнаго права". Для того, чтобы объяснить себѣ настойчивость римскаго двора въ требованіяхъ, какъ ему было хорошо извѣстно, невыполнимыхъ; для того, чтобы объяснить себѣ умышленныя проволочки съ его стороны, въ рѣшеніи дѣла, котораго незадолго онъ казалось такъ желалъ, стоитъ только вспомнить, что около самаго этого времени, волненія, возбужденныя въ Польшѣ, послужили исходною точкою и предлогомъ къ дипломатическому дѣйствію, направленному противъ Россіи, и плоды котораго не замедлили проявиться въ попыткахъ вмѣшательства, со стороны многихъ европейскихъ кабинетовъ, во внутреннія дѣла имперіи. Римскій дворъ участвовалъ въ этомъ дѣйствіи болѣе всякаго другаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, остается объяснить себѣ причину поступковъ, которые достаточно исчислить, чтобы доказать самымъ очевиднымъ образомъ, что иниціатива и отвѣтственность въ настоящемъ разрывѣ между двумя дворами и въ отмѣнѣ конкордата 1847 г. принадлежатъ папскому правительству. Въ то самое время, когда завязывались переговоры о назначеніи нунція, и когда Императорскій кабинетъ давалъ столько доказательствъ своего

искренняго желанія, чтобы они привели къ успѣшному результату, Пій IX адресовалъ, тайно и вопреки органическимъ законамъ имперіи, письмо къ новому варшавскому архіепископу, письмо, въ которомъ его святѣйшество присвоивалъ себѣ, нѣкоторымъ образомъ, права другого государя, приглашая архіепископа Фелинскаго отлучиться изъ своей епархіи и пріѣхать въ Римъ, въ такую минуту, когда даже присутствія архіепископа было едва достаточно для того, чтобы сдерживать польское духовенство въ границахъ его обязанностей, которыя оно все чаще и чаще преступало.

Указывая г. Киселеву на это новое нарушеніе международныхъ условій, вице-канцлеръ еще разъ замѣчаетъ: „Мы искренно желаемъ быть въ наилучшихъ отношеніяхъ съ папскимъ дворомъ. Мы доказали ему это; однако, къ прискорбію моему, я долженъ сказать, съ глубокимъ убѣжденіемъ, что путь, на который намѣревается, повидимому, вступить папское правительство, не есть путь къ соглашенію... Если римскій дворъ исходитъ изъ того правила, что одна уступка влечетъ за собою другую, и такъ безъ конца, то онъ предается самозаблужденію, которое я обязанъ разсѣять при самомъ началѣ, въ виду нашего желанія оставаться съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ". Слѣдуетъ замѣтить, что эти тайныя сообщенія римскаго двора имѣли немедленнымъ результатомъ усиленіе безпорядковъ и поощреніе демонстрацій польскаго духовенства. Едва архіепископъ Фелинскій получилъ папское письмо, какъ счелъ своею обязанностію отказаться отъ всякаго повиновенія, даже отъ всякаго наружнаго признанія мѣстной власти. Узнавъ, что процессія, обыкновенно празднуемая въ Варшавѣ въ день св. Марка, должна послужить поводомъ къ безпорядкамъ, правительство просило варшавскаго архіепископа ограничить,

на этотъ разъ, церемонію церковью и не дѣлать выхода на улицу. Но архіепископъ укрылся за вопросами о принципѣ и, несмотря на убѣдительныя представленія мѣстныхъ властей, не смотря даже на запрещеніе, обнародованное въ газетахъ и сообщенное каждому изъ приходскихъ священниковъ, предписалъ духовенству исполнить процессію съ небывалою торжественностію. Предвидѣнные безпорядки вспыхнули. Варшавскія улицы едва не обагрились кровью, и когда императорскій намѣстникъ потребовалъ у архіепископа Фелинскаго объясненій, тотъ отвѣчалъ: что „духовенство дѣйствовало по его предписанію; что въ будущихъ процессіяхъ онъ лично станетъ во главѣ ихъ, вопреки всѣмъ запрещеніямъ правительства; что онъ не признаетъ за нимъ положительно никакого права воспрещать свободу богослуженій; что въ случаѣ надобности, онъ не остановится и передъ закрытіемъ церквей и что, наконецъ, онъ скорѣе *предпочтетъ видѣть десять тысячъ человѣкъ распростертыми на землѣ*, чѣмъ уступить малѣйшую частицу правъ, данныхъ ему каноническими законами". Эти слова были переданы въ Римъ, но не вызвали никакого каноническаго осужденія. Впрочемъ въ эту пору (въ апрѣлѣ 1863 г.) папскій дворъ уже открыто примкнулъ къ дипломатической коалиціи противъ Россіи. 22 апрѣля 1863 г. Пій IX адресовалъ къ Императору письмо, вызванное, какъ онъ писалъ „живѣйшимъ участіемъ въ Польшѣ, проявляющемся во всѣхъ націяхъ и правительствахъ", письмо, въ которомъ онъ, пространно исчисливъ мнимыя стѣсненія римско-католическаго богослуженія, не только требуетъ, въ пользу римско-католическаго духовенства, преимуществъ, несогласимыхъ съ независимостью и безопасностью государства, и съ правами верховной власти, но и право *руководить народомъ* и *обществен-*

нымъ образованіемъ. Въ тайной консисторіи, собиравшейся въ Римѣ 29 октября 1866 г., Пій IX объявилъ слѣдующее: „Ни требованія, заявленныя русскому правительству нашимъ кардиналомъ-министромъ, ни письма, адресованныя нами къ Императору, не привели ни къ какому результату. Наше письмо отъ 23 апрѣля 1863 г. осталось безъ отвѣта“.

Съ глубокимъ прискорбіемъ должны мы заявить невѣрность этого показанія. Императоръ получилъ 29-го апрѣля 1863 г. выше названное письмо. 11-го мая того же года Е. В. отправилъ папѣ отвѣтъ съ экстреннымъ курьеромъ; отвѣтъ этотъ былъ врученъ е. выс. кардиналу Антонелли г. Киселевымъ 20 мая (1 іюня) 1863 г.

Вотъ этотъ отвѣтъ Императора:

Святѣйшій отецъ!

„Мой посланникъ въ Римѣ передалъ мнѣ письмо вашего святѣйшества. Я прочелъ его съ тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ постоянно буду принимать всѣ сообщенія, исходящія отъ в. с. и имѣющія предметомъ тѣ существенные интересы, охрана которыхъ возложена на в. с. и на меня. Но я сожалѣю, что в. с. говорите мнѣ только о фактахъ прошлаго. В. с. видитъ въ неудовлетвореніи нѣкоторыхъ требованій римско-католической церкви въ царствѣ Польскомъ исключительную причину безпорядковъ, вспыхнувшихъ въ этой странѣ. Но самые жестокіе удары революціи почти постоянно разражались надъ странами, гдѣ римско-католическая церковь пользуется безграничною властью. Слѣдовательно корень зла таится въ другихъ причинахъ. Я заявлялъ ихъ отчасти в. с., привлекая ваше вниманіе на предосудительное поведеніе и даже на преступленія большинства членовъ римско-католическаго духовенства въ царствѣ

Польскомъ. Поступая такимъ образомъ, я вовсе не имѣлъ въ виду жаловаться, но я былъ твердо убѣжденъ, что стоитъ ознакомить в. с. съ такимъ предосудительнымъ образомъ дѣйствій, и вы найдете въ своей совѣсти звуки негодованія, а въ духовной власти вліяніе, необходимое для того, чтобы вернуть къ чувству долга членовъ духовенства, уклонившихся отъ него. Этотъ союзъ пастырей религіи съ коноводами безпорядковъ, грозящихъ обществу, служитъ однимъ изъ самыхъ возмутительныхъ явленій нашего времени. В. с. должны желать также искренно, какъ и я, его пресѣченія. Съ цѣлью предупредить такое прискорбное положеніе дѣлъ и въ исполненіе постояннаго желанія в. с. и августѣйшихъ вашихъ предшественниковъ, я въ прошломъ году изъявилъ согласіе на присылку сюда апостолическаго нунція. Мнѣ очень прискорбно, что обстоятельства, независящія отъ моей воли, препятствовали до сихъ поръ осуществленію этой мѣры. Я готовъ во всякую минуту принять посла в. с. и встрѣтить его съ тѣмъ искреннимъ дружелюбіемъ, которое мнѣ было бы пріятно постоянно видѣть въ нашихъ отношеніяхъ. Я убѣжденъ, что прямое соглашеніе на основаніяхъ конкордата, заключеннаго между моимъ правительствомъ и правительствомъ в. с., разъяснитъ дѣло, какъ я этого желаю, устранитъ недоразумѣнія, вызванныя ложными и злонамѣренными донесеніями, и принесетъ истинную пользу дѣлу политическаго порядка и религіозныхъ интересовъ, нераздѣльныхъ въ эпоху, когда обоимъ приходится бороться противъ нападеній революціи. Всѣ дѣйствія моего царствованія и моя попечительность о духовныхъ нуждахъ моихъ подданныхъ всѣхъ вѣроисповѣданій служатъ залогомъ чувствъ, съ которыми я приступлю къ подобному соглашенію".

Въ то же время Императорскій вице-канцлеръ поручилъ посланнику Е. В. въ Римѣ сообщить римскому престолу, что „относительно положенія нунція при Императорскомъ дворѣ Императоръ согласенъ принять за руководство дѣйствующее законодательство во Франціи, гдѣ римско-католическая религія—религія господствующая“. Кромѣ того, г. Киселевъ получилъ подробный меморандумъ, въ которомъ жалобы, изложенныя папою въ его письмѣ, были опровергнуты на основаніи фактовъ и цифръ неудобоопровержимыхъ. Наконецъ въ конфиденціальномъ письмѣ къ г. Киселеву князь Горчаковъ, предвидя, что всѣ эти уступки будутъ найдены недостаточными, дѣлалъ слѣдующія замѣчанія: „Мнѣ кажется, что римскій дворъ имѣетъ болѣе широкія притязанія, но едва ли онъ въ нихъ сознается, потому что это значило бы сбросить маску передъ лицомъ Европы. Если папское правительство не удовольствуется тѣмъ, что его посолъ будетъ принятъ здѣсь на той же ногѣ, какъ посолъ, проживающій въ существенно-католической странѣ,—отвѣтственность за отказъ падетъ не на насъ, и тогда вы потрудитесь заявить гласно объ уступкахъ, дѣлаемыхъ Императорскимъ кабинетомъ“.

Замѣчательно, что въ римскомъ сборникѣ тщательно избѣгали всякой ссылки на эти важные документы и на завязавшіеся вслѣдствіе ихъ переговоры. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что г. Киселевъ имѣлъ съ кардиналомъ-министромъ длинныя объясненія по поводу переписки папы съ Его Императорскимъ Величествомъ. По поводу отправленія нунція е. выс. спросилъ даже русскаго посла, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ положеніемъ, предоставленнымъ представителю римскаго престола въ Парижѣ; онъ пытался провести различіе между теоріею французскаго законодательства и практикою, въ силу которой

ограниченія органическихъ законовъ не примѣнимы во Франціи. Это настоятельное желаніе подчинить отправленіе нунція дарованію правъ, въ которыхъ сама Франція, несмотря на то, что она держава католическая, постоянно отказывала римскому престолу, какъ видно изъ разсказаннаго выше происшествія въ 1865 г., обличало заднія мысли, которымъ Императорскій кабинетъ вправѣ былъ недовѣрять, и которыя имѣли естественнымъ послѣдствіемъ устраненіе присылки нунція, какъ въ настоящее время, такъ и въ будущемъ. Впрочемъ, папа очень ясно высказался на этотъ счетъ. 6 (18) іюня 1863 г., въ частной аудіенціи, данной Киселеву, распространившись о письмѣ Императора, письмѣ, которое отрицается въ настоящую минуту, папа прибавилъ: „что по его мнѣнію, въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ присутствіе нунція въ Петербургѣ едва ли бы могло принести дѣйствительную пользу, и что при настоящемъ положеніи дѣлъ отправленіе его было бы *стѣснительно*". Непріязненность и враждебность римскаго двора проявлялись въ это время согласно степени внутреннихъ и внѣшнихъ трудностей, съ которыми приходилось бороться Императорскому правительству. 31 августа 1863 г. кардиналъ-намѣстникъ въ Римѣ пригласилъ пастырскимъ посланіемъ всѣхъ жителей столицы принять участіе въ процессіи, съ цѣлію умилостивленія гнѣва Господа Бога, возбужденнаго оскудѣніемъ и нечестіемъ, отличающимъ печальное время, въ которое мы живемъ. Приведя въ доказательство этого божественнаго гнѣва скотскій падежъ, свирѣпствовавшій въ папскихъ владѣніяхъ, кардиналъ-намѣстникъ заканчивалъ посланіе слѣдующими словами: „Святѣйшій отецъ желаетъ также, чтобы при этомъ случаѣ были произнесены особыя молитвы за несчастную Польшу,

сдѣлавшуюся въ настоящее время, къ душевному его прискорбію, ареною убійствъ и кровопролитія. Польскій народъ никогда не измѣнявшій католической религіи, служилъ оплотомъ противъ вторженія заблужденій; онъ стоитъ, чтобы мы помолились объ освобожденіи его отъ тяготящихъ надъ нимъ бѣдствій, помолились о томъ, чтобы онъ не утратилъ своей энергіи и остался вѣренъ предположенному ему назначенію".

Между тѣмъ русскій народъ собирался вокругъ престола съ увлеченіемъ, которому исторія представляетъ мало примѣровъ. Онъ объявлялъ передъ лицемъ всего міра, что готовъ пролить послѣднюю каплю крови для защиты достоинства своего Государя и цѣлости народной почвы. Вооруженная сила подавляла возстаніе. Иностранное вмѣшательство слабѣло и истощалось по недостатку соглашенія и элементовъ дѣйствія. Совершивъ тягостный, но необходимый подвигъ подавленія возстанія, Императоръ долженъ былъ, какъ ради самаго себя, такъ и въ силу разумно понимаемыхъ интересовъ всѣхъ своихъ подданныхъ, предупредить на будущее время возвращеніе такихъ пагубныхъ смутъ, постепеннымъ уничтоженіемъ органическихъ пороковъ, разъѣдающихъ польское общество. Рядъ реформъ, внушенныхъ указаніями опыта и политической мудрости, былъ подвергнутъ тщательному разсмотрѣнію, изслѣдованію и обсужденію и, съ Божіею помощью, постепенное, но неуклонное примѣненіе этихъ мѣръ повело къ истинному, столь желаемому и столь полезному возрожденію народа одного происхожденія, одного племени, подчиненнаго одному скипетру съ народомъ русскимъ, — народа, судьбы котораго вслѣдствіе этого неразрывно связаны съ судьбами Россіи. Самыми настоятельными изъ всѣхъ этихъ реформъ были, конечно, мѣры, принятыя от-

носительно римско-католическаго духовенства Царства Польскаго.

Количество монастырей въ Польшѣ увеличилось до невѣроятности, а изъ вышеизложенныхъ фактовъ видно, какое дѣятельное участіе монахи принимали въ возстаніи. Не смотря на католическіе уставы и на буллу Бенедикта XIV отъ 2 мая 1744 г., въ Царствѣ Польскомъ находилось до 75 монастырей, существовавшихъ въ противность предписаніямъ буллы. Они были закрыты. Недвижимая собственность монастырей была отчуждена и доходы съ нея пошли на содержаніе оставшихся монастырей, на благотворительныя учрежденія и общественное образованіе. Точно такія же мѣры были приняты и относительно бѣлаго духовенства. Доходы этого духовенства распредѣлялись неразумно и несправедливо. Большинство приходскихъ священниковъ жило въ нищетѣ, а высшее духовенство и нѣкоторыя привилегированныя личности пользовались громадными суммами. Это печальное положеніе дѣлъ было пресѣчено рядомъ мѣръ, согласныхъ съ мѣрами, принимаемыми во многихъ католическихъ государствахъ. Невозможно было оставить управленіе епархіями духовнымъ сановникамъ, заявившимъ себя беззаконностью и непріязненностью своего образа дѣйствія. Въ особенности архіепископъ Фелинскій, о дѣйствіяхъ котораго мы сообщали выше. не могъ оставаться въ Варшавѣ. Его отправили въ Ярославль, оставивъ ему архіепископскія права и содержаніе. Но когда онъ упорствовалъ въ прежнемъ образѣ дѣйствій, когда въ противорѣчіе торжественному и письменному обѣщанію, онъ послалъ тайныя инструкціи своему викарію Ржевускому, съ предписаніемъ не снимать церковнаго траура въ царствѣ, тогда его лишили права священства въ его епархіи. Еще

мягче поступило Императорское правительство относительно Калинскаго, греко-уніатскаго епископа въ Холмѣ, не смотря на его дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи и фанатизмъ, съ которымъ онъ старался навязать своей паствѣ обряды и церемоніи римской церкви; власти Царства Польскаго получили предписаніе не соглашаться на посвященіе этого епископа. 24 апрѣля 1864 г. въ день празднованія въ Римѣ памяти угодника зигмарингенскаго, папа произнесъ въ городской пропагандистской коллегіи рѣчь, которую въ послѣдствіи старались смягчить и перетолковать, но въ которой, несомнѣнно, Пій IX обвинялъ лично Его Величество Императора въ томъ, что онъ „мучитъ и угнетаетъ церковь, налагаетъ руку на католическую религію и преслѣдуетъ несчастныхъ за то, что они остаются до смерти вѣрными религіи Христа“. Тѣ же самыя обвиненія высказаны съ неменьшею рѣзкостью въ посланіи папы отъ 30 іюня 1864 г., къ польскимъ епископамъ, въ которомъ онъ ихъ увѣщеваетъ къ терпѣнію и постоянству. Достоинство Государя Императора воспрещало ему оставлять своего представителя при дворѣ Государя, поступившаго такимъ образомъ относительно Его Величества: г. Киселевъ былъ отозванъ изъ Рима. Управленіе дѣлами посольства было возложено на перваго секретаря, барона Мейендорфа, получившаго предписаніе держать себя въ совершенномъ отдаленіи и не принимать по собственному побужденію никакихъ дипломатическихъ мѣръ. Императорскій кабинетъ, видя въ то же время безполезность поддерживать постояныя сношенія съ правительствомъ, систематическая непріязненность котораго обнаруживалась такими дѣйствіями, ограничился отказомъ принимать какія бы то ни было сообщенія отъ римскаго двора, воздерживаясь отъ всякихъ объясненій,

отъ всякаго обмѣна мыслей. Мейендорфъ около года не являлся въ Ватиканъ. Ему дано было понять полуоффиціальнымъ путемъ, что такой образъ дѣйствій съ его стороны производитъ тяжелое впечатлѣніе, и что пріятно было бы, если бы онъ измѣнилъ его. Обратившись за инструкціями къ Императорскому кабинету, баронъ Мейендорфъ уполномоченъ былъ принести поздравленія папѣ въ день пріема дипломатическаго корпуса. На Рождество 15 (27) декабря 1865 года, баронъ Мейендорфъ имѣлъ честь представиться папѣ. Прискорбныя подробности этой аудіенціи преданы гласности и истолкованы самымъ произвольнымъ, самымъ ложнымъ образомъ. Такъ какъ никто не присутствовалъ при этой аудіенціи, то надобно было противопоставить слова простаго дипломатическаго агента словамъ верховнаго главы римской церкви. Изъ понятнаго чувства уваженія и приличія Императорскій кабинетъ воздержался отъ этого и не противорѣчилъ ложнымъ толкованіямъ, умышленно распускаемымъ. Римскій дворъ счелъ нужнымъ поднять такой щекотливый вопросъ. Онъ помѣстилъ въ своемъ сборникѣ оффиціальныхъ документовъ показанія, которыя невозможно оставить безъ опроверженія. Исчисливъ всѣ вопросы, затронутые папою въ этой аудіенціи, оффиціальный повѣствователь римскаго престола выражается слѣдующимъ образомъ: „Однако г. повѣренный въ дѣлахъ не поколебался отрицать дѣйствительность такихъ очевидныхъ фактовъ; послѣ нѣсколькихъ неприличныхъ намековъ относительно св. отца, онъ позволилъ себѣ сказать, что ничего бы этого не случилось, если бы католики держали себя такъ какъ протестанты; что протестанты приняли сторону правительства во время возстанія и получили льготы, въ которыхъ отказано католикамъ за непріязненность ихъ образа дѣйствій; онъ довелъ наконецъ свою дерзость до

того, что объявилъ, что не находитъ ничего удивительнаго въ поступкахъ католиковъ, такъ какъ католичество тожественно съ революціею. При этомъ замѣчаніи папа вспылилъ справедливымъ негодованіемъ, чувствуя, что оскорблена вся масса вѣрующихъ, которыхъ онъ служитъ верховной главою и отвѣтилъ ему, отпуская его: „Я почитаю и уважаю Е. В. Императора, но не могу того же сказать о его повѣренномъ въ дѣлахъ, который вѣроятно противъ воли своего Государя является оскорблять меня въ самомъ моемъ кабинетѣ“.

Желая все еще избавить сторонниковъ римской церкви отъ слишкомъ прискорбныхъ для нихъ подробностей, мы считаемъ однако необходимымъ опровергнуть нѣкоторыя изъ этихъ показаній. Русскій повѣренный въ дѣлахъ не дозволилъ себѣ сказать, что католичество и революція одно и тоже. Онъ сказалъ, что въ Польшѣ католичество заключило союзъ съ революціею. Этотъ прискорбный фактъ засвидѣтельствованъ исторіею. Онъ былъ нѣсколько разъ заявленъ римскому престолу и отъ него зависѣло предупредить его. Когда папа приписалъ Императору стремленіе къ религіознымъ преслѣдованіямъ, то повѣренный въ дѣлахъ Е. В. могъ и долженъ былъ противопоставить этому, ни на чемъ не основанному предположенію, истину правую, горестную, но неопровержимую. Послѣ того, какъ папа пресѣкъ такимъ образомъ аудіенцію, дипломатическія сношенія съ римскимъ дворомъ сдѣлались невозможны, и Императорскій кабинетъ предписалъ барону Мейендорфу предупредить кардинала Антонелли, что вслѣдствіе пріема, сдѣланнаго ему е. с., его политическая миссія окончена, такъ какъ Императоръ не можетъ держать при римскомъ престолѣ представителя интересовъ Россіи, достоинство котораго не поставлено внѣ всякой прикосновенности. 25 января

(6 февраля) 1866 г. баронъ Мейендорфъ исполнилъ возложенное на него порученіе. Кардиналъ Антонелли, выразивъ ему свое сожалѣніе, спросилъ его: слѣдуетъ ли видѣть въ этой мѣрѣ отозваніе Императорскаго посольства. Баронъ Мейендорфъ отвѣтилъ ему, что онъ остается въ Римѣ до полученія дальнѣйшихъ инструкцій простымъ исполнителемъ текущихъ дѣлъ, и что механизмъ посольства будетъ продолжать свои отправленія. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до 1-го (13) марта. 1-го марта кардиналъ Антонелли сообщилъ оффиціально барону Мейендорфу, что со дня объявленія имъ о прекращеніи его политической миссіи, римскій дворъ считаетъ русское посольство не существующимъ болѣе, что папа не выдалъ ему до сихъ поръ его паспортовъ потому, что зналъ, что онъ уѣдетъ черезъ нѣсколько недѣль, а такъ какъ онъ объявилъ, что до новыхъ инструкцій останется въ Римѣ заправлять текущими дѣлами, то е. с. согласился дозволить посольству отправленіе его обязанностей для того, чтобы баронъ могъ покончить всѣ дѣла до своего отъѣзда, что наконецъ св. отецъ не приметъ, послѣ барона Мейендорфа, никакого акредитованнаго уполномоченнаго Императора, что его святѣйшество не желаетъ возстановленія русскаго посольства въ Римѣ; а что касается до интересовъ русскихъ подданныхъ, то баронъ Мейендорфъ можетъ препоручить ихъ посольству какой либо другой державы. Вслѣдствіе этого заявленія, второму секретарю посольства, оставшемуся въ Римѣ для наблюденія за архивами, предписано тотчасъ снять гербъ русскаго посольства и объявить кардиналу Антонелли, что: „такъ какъ папа взялъ на себя починъ разрыва, то Е. В. отклоняетъ отъ себя отвѣтственность за всѣ могущія произойти отъ этого послѣдствія“.

Въ одномъ изъ оффиціальныхъ сообщеній римскаго двора кардиналъ-министръ писалъ въ 1865 г. „что святѣйшій отецъ надѣется, что Императоръ не поставитъ его совѣсти въ безвыходную необходимость раскрыть передъ цѣлымъ міромъ картину угнетеній, которыя постоянно терпитъ римско-католическая церковь въ Императорскихъ и Царскихъ владѣніяхъ“. На эту угрозу данъ былъ слѣдующій отвѣтъ: „Совѣсть нашего Августѣйшаго Монарха снимаетъ съ него всякую отвѣтственность въ преднамѣренномъ желаніи угнетать католическую религію. Мы совершенно спокойно встрѣтимъ исполненіе угрозы, заканчивающей меморандумъ кардинала Антонелли“.

Записка Попечителя Виленскаго Учебнаго округа [1]) (о посѣщеніи учащимися р.-католическаго исповѣданія православныхъ храмовъ въ дни высокоторжественные).

„Всеподданнѣйшее письмо изъ города Шавлей, отъ 5 іюля 1880 года, по вопросу о посѣщеніи учащимися римско-католическаго исповѣданія православныхъ храмовъ въ высокоторжественные дни, оканчивается слѣдующими словами: „да будетъ позволено каждому молиться за Царя въ своемъ родномъ храмѣ, и сотни молодыхъ сердецъ вознесутъ искреннія молитвы за Ваше Императорское Величество передъ своими алтарями къ Единому Богу всѣхъ".

Эти заключительныя слова даютъ какъ будто понять, что учащимся римско-католическаго исповѣданія

---

[1]) Въ числѣ обличеній въ „русско-польскихъ отношеніяхъ" гр. Леливы не послѣднее мѣсто, говоритъ „Русскій Вѣстникъ", изъ котораго заимствуемъ приводимую „Записку" (Сентябрь 1896 г.,) занимаютъ школьные порядки въ Западномъ краѣ. „Явно преступные факты, говоритъ гр. Лелива, подтверждаются необычайными и совершенно неожиданными нововведеніями учебнаго начальства, требующаго, чтобы въ высокоторжественные дни ученики р.-католики посѣщали православныя церкви". Въ доказательство имъ приводится письмо къ Государю Императору Александру III попечительницы женскаго пансіона въ Шавляхъ. По поводу этого письма съ написанными на немъ покойнымъ Государемъ словами: „*Я думаю, никто не мѣшаетъ имъ* (р.-католикамъ учащимся) *послѣ службы православной отправляться въ костелы*" было затребовано мнѣніе попечителя Виленскаго учебнаго округа. Печатаемая записка, представленная министру народнаго просвѣщенія въ 1889 году, и служитъ отвѣтомъ на затребованное объясненіе.

въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа запрещается посѣщать костелы въ Царскіе дни и что, для уничтоженія силы этого запрещенія, католикамъ остается только одно—молить Его Императорское Величество о дозволеніи ихъ учащимся дѣтямъ молиться за Царя въ ихъ костелахъ. Но никто никогда не слыхалъ и никто никогда не можетъ доказать, чтобы въ Виленскомъ учебномъ округѣ когда-нибудь существовало распоряженіе, воспрещающее ученикамъ римско-католическаго исповѣданія молиться за Царя въ ихъ костелахъ. Римско-католическое духовенство всегда имѣло и имѣетъ полнѣйшую возможность совершать для учащихся, до или послѣ православной службы, молебны и мессы о здравіи и благоденствіи Государя Императора. И если оно не совершаетъ для учениковъ этихъ мессъ и молебновъ, то это уже его дѣло, а никакъ не результатъ какого-нибудь запрета со стороны учебнаго начальства. Не напрасно ли было послѣ этого утруждать Его Императорское Величество подобной просьбой? Учебное начальство Виленскаго округа требуетъ лишь, чтобы учащіеся римско-католическаго исповѣданія присутствовали въ высокоторжественные дни въ православныхъ храмахъ подобно тому, какъ обязательно должны присутствовать въ такіе дни всѣ состоящіе на государственной и общественной службѣ, и требуетъ оно этого въ исполненіе воли высшаго правительства. Не желательна ли отмѣна этого распоряженія? Судя по содержанію всего письма, надобно полагать, что цѣль его прямо и заключается именно въ томъ, чтобы добиться отмѣны правила, по которому учащіеся римско-католическаго исповѣданія обязуются присутствовать при православномъ богослуженіи въ высокоторжественные дни. Въ письмѣ говорится, что это распоряженіе ставитъ учащихся римско-католическаго исповѣданія въ

печальное положеніе, что дѣти не знаютъ, кого имъ слушаться, начальства ли учебнаго заведенія, или своихъ духовныхъ наставниковъ, которые обязываютъ ихъ идти въ высокоторжественные дни въ костелы. Въ письмѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы рѣчь шла объ учащихся лишь въ извѣстной мѣстности, напр. въ городѣ Шавляхъ; въ немъ идетъ рѣчь объ учащихся римско-католическаго исповѣданія вообще. Но такого рода изображеніе положенія дѣла въ Виленскомъ учебномъ округѣ совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ предѣлахъ Виленскаго учебнаго округа находится 6 губерній, и въ 5-ти изъ нихъ посѣщеніе учащимися римско-католическаго исповѣданія православныхъ храмовъ въ высокоторжественные дни, практиковавшееся и прежде постоянно, вошло въ обычай и не возбуждаетъ ни соблазна, ни сомнѣній. Никто, ни міряне, ни духовенство съ митрополитомъ во главѣ не видятъ въ этомъ нарушенія требованій римско-католической вѣры, а ученики, не смущаемые никѣмъ, исполняютъ эту свою обязанность безъ малѣйшаго неудовольствія. Скажу болѣе: въ числѣ ксендзовъ-законоучителей я могъ бы назвать и такихъ, которые сами не стѣсняются присутствовать при православномъ богослуженіи и при томъ не только въ царскіе, но и въ другіе дни.

И ходятъ въ этихъ губерніяхъ въ православные храмы не только учащіеся мальчики, но и учащіяся дѣвочки. Въ Вильнѣ, на глазахъ у всѣхъ, существуетъ огромное женское училище (высшее Маріинское женское училище), въ которомъ католички составляютъ болѣе 20% всего состава учащихся.

Онѣ исповѣдуютъ, конечно, ту же самую вѣру, какъ и воспитанницы Шавельскаго пансіона, но для нихъ вовсе не существуетъ того тяжелаго положенія, какое,

судя по письму, испытываютъ дѣвочки, учащіяся въ Шавляхъ: онѣ ходятъ въ православный храмъ въ высокоторжественные дни безъ всякаго принужденія. Въ дополненіе къ сказанному остается прибавить, что когда за предѣлами Ковенской губерніи начали распространяться извѣстія о томъ отношеніи, въ какое сталъ епископъ Паллюліонъ къ вопросу о посѣщеніи учащимися православныхъ храмовъ въ высокорторжественные дни, то образъ дѣйствій епископа вызвалъ изумленіе и удивленіе даже въ нѣкоторыхъ слояхъ римско-католическаго общества. Вопросъ о посѣщеніи учащимися римско-католическаго исповѣданія православныхъ храмовъ въ высокоторжественные дни волнуетъ лишь наиболѣе проникнутую ультрамонтанскими воззрѣніями часть католическаго общества въ Ковенской губерніи. Но и здѣсь этотъ вопросъ возбужденъ недавно и искусственно.

До 1884 года вопросъ этотъ вовсе не существовалъ здѣсь. Предшественникъ нынѣшняго тельшевскаго епископа не возбуждалъ его; молчало и духовенство. И такъ какъ сверхъ того катехизисъ римско-католической церкви, употребляемый въ учебныхъ заведеніяхъ, оставляетъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, а посѣщеніе состоящими на государственной службѣ православныхъ храмовъ въ высокоторжественные дни составляло фактъ, совершавшійся у всѣхъ на глазахъ, то понятно, что у учащихся не могло явиться убѣжденія, что они совершаютъ тяжкій грѣхъ, посѣщая православный храмъ въ высокоторжественные дни. И то несомнѣнный фактъ, что нѣкоторые изъ нихъ на глазахъ у ксендзовъ посѣщали православные храмы и даже принимали участіе, по желанію, въ пѣніи на клиросѣ.

Иниціатива возбужденія вопроса всецѣло принадлежитъ нынѣшнему тельшевскому епископу Паллюліону.

Спустя годъ по занятіи Тельшевской епископской каѳедры, онъ обратился ко мнѣ съ отношеніемъ, въ которомъ просилъ сдѣлать распоряженіе объ освобожденіи учащихся отъ обязанности присутствовать при православномъ богослуженіи въ высокоторжественные дни. Отношеніе это въ особенности поразило рѣзкостью тона, достаточно ясно характеризующаго воззрѣнія епископа на дорогое намъ православіе. Посѣщеніе православныхъ храмовъ въ высокоторжественные дни лишаетъ, по словамъ епископа, вѣры, составляющей главное сокровище человѣка. Исполненіе требованій начальства по этому поводу поселяетъ въ сердцахъ учащагося юношества равнодушіе въ вѣрѣ и стало быть приготовляетъ почву для обмановъ, клятвопреступленія, крамолы и т. д. А требованія школьнаго начальства онъ прямо назвалъ противозаконнымъ и крайне вреднымъ злоупотребленіемъ.

Заявленіе это оставлено было мною безъ удовлетворенія, а вскорѣ затѣмъ епископу было сообщено, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ нужнымъ поддержать существующее правило, и что ксендзы, которые окажутся виновными въ возбужденіи учащихся къ нарушенію его, будутъ подвергаемы строгому взысканію. Послѣ такого категорическаго заявленія со стороны правительства, епископу, казалось, было бы необходимо успокоиться и не смущать юношества, если только онъ хотѣлъ служить русскому Государю. Епископъ поступилъ иначе. Продолжая повторять въ оффиціальныхъ бумагахъ уже высказанныя мысли, онъ въ то же время далъ ксендзамъ-законоучителямъ и духовникамъ учениковъ прямое приказаніе — внушать учащимся не ходить въ православные храмы въ высокоторжественные дни. И вотъ въ средѣ учащихся раздалась страстная проповѣдь о томъ, что посѣщающіе православную службу въ высоко-

торжественные дни совершаютъ тяжкій грѣхъ, а въ конфессіоналахъ послышались угрозы, что исполнившій распоряженія начальства и дерзнувшій идти въ церковь въ высокоторжественные дни не будетъ въ слѣдующій разъ разрѣшенъ отъ грѣховъ и будетъ лишенъ св. Причастія, какъ тяжкій грѣшникъ.

Епископъ совершенно сознательно вступилъ такимъ образомъ на путь открытаго возбужденія учащихся противъ распоряженій начальства. И цѣль его вскорѣ оказалась достигнутой. Ксендзамъ не трудно было сбить учащихся съ пути долга. Въ этомъ случаѣ оказалось полезнымъ и пользованіе духовными средствами и распространеніе между учащимися завѣдомо ложнаго слуха, что г. министръ предоставилъ ученикамъ на волю ходить или не ходить въ высокоторжественные дни въ православный храмъ, что только мѣстныя начальства требуютъ посѣщенія въ такіе дни православной церкви. И смущаемые ксендзами отдѣльные учащіеся то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ начинаютъ отказываться отъ исполненія требованій начальства.

Наконецъ 2-го марта текущаго года (1889) въ Поневѣжскомъ реальномъ училищѣ оказала такое ослушаніе значительная часть учениковъ, а въ Ковенской гимназіи не пошелъ на богослуженіе ни одинъ изъ учениковъ старшихъ классовъ. И это ослушаніе они совершили по предварительному уговору, подъ прямымъ вліяніемъ образа дѣйствій ксендза.

Въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ учебное начальство должно было дѣйствовать съ величайшею осторожностью. И Богъ далъ ему за то утѣшеніе видѣть, что ученики-ослушники раскаялись въ своемъ проступкѣ, и мѣру взысканія, состоящую въ увольненіи изъ учебныхъ заведеній, пришлось примѣнить лишь къ весьма

немногимъ, наиболѣе поддавшимся ксендзовскимъ внушеніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для предупрежденія подобныхъ явленій на будущее время, сочтено было нужнымъ объявить родителямъ учащихся, что и сами они должны слѣдить за исполненіемъ учащимися требованій начальства; что учебное заведеніе, предоставляющее учащимся немало льготъ и широкія права, не можетъ допустить безнаказаннаго нарушенія учащимися правилъ заведенія, и что, слѣдовательно, если эти послѣдніе рѣшаются на открытое ослушаніе распоряженіямъ начальства, то имъ не можетъ быть мѣста въ учебномъ заведеніи.

Какъ и слѣдовало ожидать, громадное большинство приняло къ сердцу это заявленіе, и конечно этимъ обстоятельствомъ надобно объяснить тотъ фактъ, что 6-го и 15-го мая были на православномъ богослуженіи всѣ ученики католики. Что это такъ, подтвержденіе этому находится и во всеподданнѣйшемъ письмѣ изъ города Шавлей. Тамъ прямо говорится о существованіи родителей, которые требуютъ отъ дѣтей, чтобы они шли въ высокоторжественные дни въ православную церковь.

Само собою понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ, между требованіями учебнаго начальства и значительнаго количества родителей съ одной стороны и между требованіями ксендзовъ съ другой должна была необходимо образоваться рознь. Существованію такой розни невозможно радоваться, точно такъ же, какъ нельзя не скорбѣть и о положеніи дѣтей, поставленныхъ дѣйствительно въ тяжелое положеніе и не знающихъ, кого же, наконецъ, имъ слушаться. Но не учебное начальство повинно въ созданіи такой розни. Ее создало въ предѣлахъ Ковенской губерніи римско-католическое духовенство съ епископомъ во главѣ.

Во всеподданнѣйшемъ письмѣ изъ г. Шавлей проводится мысль, что духовенство и не можетъ дѣйствовать иначе; что, запрещая учащимся посѣщать православные храмы въ высокоторжественные дни, оно остается лишь вѣрнымъ требованіямъ своей религіи.

Такъ ли это? Я уже сказалъ выше, что духовенство остальныхъ 5-ти губерній округа не видитъ нарушенія предписаній римско-католической церкви въ томъ, что учащіеся посѣщаютъ въ царскіе дни православное богослуженіе. Но католическая вѣра въ Ковенской губерніи та же самая, какъ и въ этихъ 5-ти губерніяхъ. Или свѣтъ римско-католической вѣры угасъ вездѣ, кромѣ Тельшевской епархіи?

Само духовенство Тельшевской епархіи, такъ любящее выставлять себя борцомъ за вѣру, ни разу не высказалось подробно и обстоятельно по вопросу, о которомъ идетъ рѣчь. Оно ни разу даже не пыталось серьезно и научно доказать, что римско-католическая вѣра запрещаетъ исповѣдникамъ ея присутствовать въ иновѣрческихъ храмахъ при богослуженіи безъ всякихъ ограниченій и исключеній, что такое присутствіе въ иновѣрческомъ храмѣ не можетъ быть оправдано никакимъ соображеніемъ. Оно лишь твердитъ при всякомъ случаѣ, что вѣра запрещаетъ католикамъ присутствовать при богослуженіи въ иновѣрческомъ храмѣ.

Это уклоненіе отъ серьезной, въ данномъ случаѣ однакоже рѣшительно необходимой, постановки вопроса легко объясняется тѣмъ, что такая постановка вовсе не выгодна для епископа Паллюліона и римско-католическаго духовенства. Правда, въ каноническомъ правѣ римской церкви существуетъ положеніе, по которому участіе католиковъ въ богослуженіи другой церкви воспрещается, но это правило допускаетъ и исключенія и ограниченія.

Эти ограниченія и исключенія излагаются вообще въ учебникахъ римско-католической церкви по церковному праву, излагаются чрезвычайно кратко, но основная мысль ихъ вполнѣ понятна. Какъ ни велика нетерпимость римско-католической церкви къ иновѣрцамъ, но не можетъ она не видѣть и не знать, что католиковъ могутъ связывать съ некатоликами и тѣсныя узы личной пріязни, и общность интересовъ общественно-политическаго характера. И вотъ эти-то узы могутъ влечь католика въ извѣстныхъ случаяхъ въ иновѣрческій храмъ—влечь не во имя неуваженія къ своей вѣрѣ, а для того, чтобы именно присутствіемъ въ храмѣ чуждаго исповѣданія выразить свое сочувствіе и любовь къ лицамъ, исповѣдующимъ иную вѣру, но дорогимъ для него по личнымъ отношеніямъ, или по общественному положенію, занимаемому ими, чтобы вмѣстѣ съ ними вознести къ Единому Господу всѣхъ сердечный вздохъ о благоденствіи ихъ. И порвать эти узы, запретить католикамъ выразить такимъ именно образомъ свою любовь и уваженіе къ извѣстнымъ лицамъ, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, не можетъ даже и католическая церковь. Вотъ почему церковью католическою разрѣшается католику присутствіе въ иновѣрческихъ церквахъ при совершеніи напр. брака ихъ друзей и знакомыхъ некатолическаго исповѣданія и при похоронахъ такихъ лицъ и т. п., вотъ почему и состоящимъ на службѣ государственной и общественной римская церковь разрѣшаетъ присутствовать въ извѣстные дни при иновѣрческомъ богослуженіи.

Въ виду изложенныхъ здѣсь положеній, заимствованныхъ изъ употребляющагося въ римско-католическихъ духовныхъ семинаріяхъ учебника каноническаго права римской церкви,—легко уже рѣшить вопросъ и о дозво-

лительности съ точки зрѣнія римской церкви для учащихся римско-католическаго исповѣданія присутствовать при православномъ богослуженіи въ высокоторжественные дни.

На учащихся римско-католическаго исповѣданія потокъ царскихъ милостей льется не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ на православныхъ. Имъ царская милость открыла доступъ къ источнику знанія и правды, имъ предоставляются и широкія льготы и большія права. Нужно же быть и благодарнымъ за это, нужно и выразить эту благодарность. Конечно, молитвой въ костелахъ за Государя они отчасти выразятъ свои чувства, но это не исключаетъ для нихъ обязанности присутствовать и въ храмѣ православномъ. Своимъ присутствіемъ въ храмѣ того исповѣданія, котораго держится русскій Государь, пусть покажутъ они наглядно, что различіе вѣръ не мѣшаетъ имъ быть преданными дѣтьми Государя наравнѣ съ единовѣрными ему его подданными, что они готовы слиться съ своими братьями, единовѣрными Царя, въ единой теплой молитвѣ Господу о благѣ Государя и отечества. Какой можетъ быть соблазнъ для католика, какая опасность для его вѣры отъ посѣщенія православнаго храма, когда это посѣщеніе имѣетъ указанный смыслъ? Не явно ли, что оно именно принадлежитъ къ числу тѣхъ исключеній и ограниченій, о которыхъ идетъ рѣчь, и что епископъ Паллюліонъ, всѣми силами возставая противъ посѣщенія учениками православнаго богослуженія въ высокоторжественные дни, хочетъ быть болѣе строгимъ католикомъ, чѣмъ требуетъ того каноническое право римской церкви.

Грустно, что римско-католическое духовенство Тельшевской епархіи не хочетъ проникнуться изложенными воззрѣніями и вмѣсто того, чтобы вопіять о религіоз-

ныхъ преслѣдованіяхъ учащихся и возбуждать противъ начальства, не хочетъ разъяснить имъ смысла посѣщенія православныхъ храмовъ въ высокоторжественные дни. А какое глубоко-нравственное и даже политически-доброе вліяніе въ здѣшнемъ краѣ могли бы имѣть на дѣтей подобныя разъясненія, умиряющія ихъ совѣсть, ослабляющія религіозный фанатизмъ и выдвигающія на первый планъ идею о необходимости искренняго и добросовѣстнаго служенія Государю и отечеству, несмотря на различіе вѣръ!

Интересы учащихся и въ особенности устраненіе отъ нихъ всего, что можетъ смущать ихъ миръ и разстроивать правильный ходъ ихъ занятій, слишкомъ близки моему сердцу. Но не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что отмѣна существующаго правила, еслибы она состоялась, не внесетъ мира въ учебныя заведенія и, несомнѣнно, будетъ имѣть свои въ высшей степени нежелательныя послѣдствія. Отмѣна существующаго правила въ угоду епископа Паллюліона поощрила бы только его еще энергичнѣе вести дѣло разобщенія католиковъ отъ православныхъ и рѣшительно смутила бы русскихъ людей, живущихъ въ Ковенской губерніи и естественно склонныхъ видѣть въ торжествѣ римско-католическаго епископа ударъ для значенія русскаго дѣла въ краѣ. Можно, по моему мнѣнію, сдѣлать только одно: въ народныхъ училищахъ Ковенской губерніи, далеко отстоящихъ отъ православныхъ храмовъ, не требовать хожденія учениковъ-католиковъ въ эти послѣдніе для присутствованія въ высокоторжественные дни на православное молебствіе, ограничиваясь посѣщеніемъ одного костела.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра народнаго просвѣщенія о содержаніи означенной записки Го-

сударь Императоръ собственноручно начертать соизволилъ: **„Совершенно раздѣляю мнѣніе попечителя.“** [1])

---

[1]) Изъ напечатанной записки вполнѣ ясно, что поднятый шумъ о сопротивленіи учащихся начальству былъ устроенъ посредствомъ ксендзовъ, вліяніемъ епископа, которое распространилось не только на учащихся р.-католиковъ, но, къ сожалѣнію, и на православную попечительницу.

Такой выводъ подтверждается и новѣйшимъ донесеніемъ директора Ковенской гимназіи по поводу разслѣдованія дѣла о непосѣщеніи нѣкоторыми учениками гимназіи р.-католическаго исповѣданія православнаго храма 14 ноября (1896 года). Одинъ изъ родителей отказавшагося итти въ храмъ гимназиста заявилъ: „я наказалъ своего сына и добился у него признанія, что ксендзъ на исповѣди заставилъ его дать клятву, что онъ не станетъ посѣщать Церковь; въ противномъ случаѣ, грозилъ лишить его св. причастія. И зачѣмъ намъ этотъ ксендзъ, съ отчаяніемъ взывалъ сердобольный родитель! Безъ него все шло благополучно, а онъ приноситъ только несчастіе родителямъ. Что я буду дѣлать, если моего сына уволятъ изъ гимназіи?“... Другой родитель заявилъ: „мой сынъ наказанъ напрасно. Виною всему ксендзъ. Это все іезуитскія продѣлки ксендзовъ—слѣпыхъ фанатиковъ. Другой мой сынъ воспитывался въ гимназіи въ одной изъ внутреннихъ губерній Россіи, слушалъ уроки закона Божія у православнаго священника и оказывается католикомъ не хуже кого либо изъ насъ“ и т. д.

Съ другой стороны Высочайшая резолюція свидѣтельствуетъ о мудрой, глубоко-народной, истинно-русской миролюбивой политикѣ великаго Государя. И напрасно, скажемъ словами „Русскаго Слова“, силятся доказать теперь, что постановка дѣла относительно окраинъ при Александрѣ III имѣла случайный, переходящій характеръ, что она зависѣла лишь, отъ личныхъ убѣжденій и характера почившаго Благодѣтеля русской земли, съ кончиною котораго все должно де измѣниться, разумѣется, въ смыслѣ подъема и господства нерусскихъ началъ и нерусскихъ элементовъ. Наив-

ные люди! Они и въ самомъ дѣлѣ вообразили, что русское дѣло на окраинахъ было не болѣе, какъ личное дѣло почившаго Государя, а не дѣло исторіи, котораго Онъ былъ лишь мудрымъ истолкователемъ и руководителемъ. Имъ представляется, что все, что дѣлалъ на благо Россіи Александръ III, происходило изъ его личныхъ склонностей и характера, а не изъ государственной идеи, которую Онъ лишь вѣрно понималъ и стремился осуществить. Для нихъ еще не ясно, что дѣло Александра III—это то культурное историческое русское дѣло, которое ведетъ Россію къ ея міровому значенію и назначенію, что объединеніе и обрусеніе окраинъ,—это дѣло величія и могущества Россіи,—хотя, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій и обстоятельствъ можетъ остановиться временно въ своемъ развитіи, но не можетъ пойти назадъ, пока Россія—Россія, т. е. пока она не превратилась въ пустой звукъ и не потеряла своего государственнаго смысла... Теченіе русской мысли, русской исторіи, теченіе, столь рельефно обозначившееся въ благословенное прошлое царствованіе, не можетъ принять обратнаго и вообще инаго направленія... (Русское Слово—1896 г. № 291).

Нѣкоторыя узаконенія Россійской Имперіи объ управленіи римско-католическаго духовенства въ Россіи.

„Духовныя дѣла христіанскихъ иностранныхъ исповѣданій и иновѣрцевъ вѣдаются особенными ихъ духовными управленіями, Верховною Самодержавною Властію къ тому предназначенными. Сіи управленія въ исполненіи своихъ дѣлъ и должностей поступаютъ по правиламъ и уставамъ своей вѣры, но съ тѣмъ вмѣстѣ неупустительно наблюдаютъ и государственныя узаконенія какъ въ сей, такъ и въ другихъ частяхъ Св. Зак. Имперіи изложенныя и по долгу вѣрноподданнической присяги сохраняютъ всѣ священныя права и преимущества Его Императорскаго Величества и Законы Государства“.

Св. Зак. Россійск. Имперіи (изд. 1857 г.) т. II, ч. 1, ст. 3.

„Въ предѣлахъ Государства одна господствующая Православная Церковь имѣетъ право убѣждать послѣдователей иныхъ христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцевъ къ принятію ихъ ученія о вѣрѣ. Духовныя же и свѣтскія лица прочихъ христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцы строжайше обязаны не прикасаться къ убѣжденію совѣсти непринадлежащихъ къ ихъ религіи, въ противномъ случаѣ они подвергаются наказаніямъ, въ уголовныхъ законахъ опредѣленнымъ“.

Тамъ же. Ст. 4.

„Никто изъ принадлежащихъ къ римско-католическому духовенству не можетъ отлучаться изъ мѣста пребыванія своего или службы безъ вида отъ надлежащаго своего начальства; паспорты для дальнихъ отлучекъ выдаются Начальникомъ губерніи, по требованію Епархіальныхъ Начальниковъ, во всѣ губерніи“.

Тамъ же. Ст. 90.

„Духовный судъ и управленіе церковными дѣлами въ каждой епархіи принадлежитъ ея епископу, который въ точности соблюдаетъ все, что Монаршими законами запрещено и повелѣно, и охраняетъ по долгу вѣрноподданнической присяги права Самодержавной Власти, Государственныя узаконенія и Высочайшій интересъ“.

Тамъ же. Прилож. къ ст. 11, по Продолж. 1893 года. Ст. 34.

„При исполненіи духовныхъ требъ по уставамъ церковнымъ священники наблюдаютъ и всѣ относящіяся къ нѣкоторымъ изъ сихъ требъ постановленія гражданскія, напр.: о совершеніи браковъ сообразно съ законами гражданскими, о совершеніи крещенія надъ иновѣрцами, сообразно съ общими правилами устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и особенными о евреяхъ, изложенными въ прилож. къ ст. 159 сего устава (по сему продолж.), о погребеніи умершихъ, о веденіи метрическихъ книгъ (сверхъ книгъ исповѣдныхъ) и о причащающихся св. Таинъ и тому подобныя правила, содержащіяся по принадлежности въ другихъ статьяхъ Свода Законовъ“.

Тамъ же. Ст. 66.

„Верховная власть, дарованная Самодержцу отъ Бога и отеческое попеченіе о благоденствіи ввѣренныхъ свыше Ему народовъ, распространяется равно и на духовенство, почему оно и повинно хранить къ своему Государю, яко самимъ Богомъ избранному Начальнику, всеподданическую вѣрность и оказывать достодолжное послушаніе, по словамъ св. Апостола Павла: ***повинуйтеся Господіемъ своимъ, яко Богу***, и повинуйтесь, какъ тотъ же Апостолъ говоритъ, за совѣсть; слѣдовательно, должно быть послушно начальству во всѣхъ духовныхъ и мірскихъ

дѣлахъ и исполнять волю, предписывающую также соблюдать права и догматы своей вѣры“.

Полное Собр. Законовъ. Изд. 1-е № 19684, п. 1.

„Запрещается духовенству говорить на каѳедрѣ или издавать сочиненія о дѣлахъ политическихъ, найпаче же относительныхъ до государственнаго управленія, а упражняться имъ по обѣтамъ и долгу своему въ христіанскихъ добродѣтеляхъ и Богомысліи“.

Тамъ же, п. 19.

При разсмотрѣніи дѣла о злоупотребленіяхъ латинскихъ монаховъ и властей въ 1804 году 1-го Марта, Сенатъ выразилъ, между прочимъ, общее Высочайше утвержденное положеніе, что „примѣненіе правилъ латинской церкви допускается въ такой только мѣрѣ, въ какой они не противорѣчатъ общимъ государственнымъ и гражданскимъ законамъ, для блага и пользы Россійскаго Государства изданнымъ“.

Тамъ же, № 21193.

II.

Около года тому назадъ въ русскомъ обществѣ стало циркулировать сочиненіе гр. Леливы: „Русско-польскія отношенія“. И по своему заглавію, и по тому, что сочиненіе появилось въ печати за границею, оно сразу приковало къ себѣ вниманіе русскаго читающаго люда. Сначала шопотомъ, мимоходомъ, вскользь, а потомъ все громче и громче, основательнѣе и даже въ извѣстной системѣ стали раздаваться голоса по поводу „Русско-польскихъ отношеній“. Дѣйствительно, былъ затронутъ вопросъ очень важный для русскаго государственнаго и соціальнаго строя и не удивительно, если въ газетахъ и журналахъ онъ вызвалъ отвѣты различныхъ литературныхъ лагерей и направленій. И замѣчательно, что особенно сильную полемику въ печати возбудило не рѣшеніе самаго вопроса, который, какъ оказывается, въ сознаніи русскаго общества рѣшенъ давно и безповоротно, а неправильная его постановка, умышленная или неумышленная, сознательная, или безсознательная, слишкомъ неумѣлое, субъективное, партійное къ нему отношеніе. Сказавшіяся въ этой полемикѣ многія принципіально-прекрасныя мысли, многія замѣчательныя государственныя соображенія должны послужить и на будущее время руководительною нитью при обсужденіи „русско-польскихъ отношеній“. По возможности постараемся подвести имъ итоги.

Главное обвиненіе гр. Леливы противъ Россіи заключается въ томъ, что здѣсь тѣснятъ и угнетаютъ р.-католическую церковь, что отношенія между правительственными органами и р.-католическою церковію представляютъ въ Россіи нѣчто совершенно мало вѣроятное и не имѣющее себѣ подобнаго въ западной Европѣ. Такъ ли это?... Будемъ

говорить фактами и разсуждать на нихъ основаніи; выводы дадутся сами собою.

Вотъ корреспонденція, помѣщенная въ заграничной газетѣ Пчелка, редактируемой при томъ ксендзомъ Стояловскимъ. Въ „Воспоминаніяхъ изъ пилигримства въ Кальварію“ авторъ пишетъ, что во время праздника Пасхи, онъ вмѣстѣ съ другими силезцами былъ въ Кальваріи Зебржидовской и тамъ встрѣчался съ польскими крестьянами „изъ подъ москаля“. Все, что они говорили, было для меня, продолжаетъ ксендзъ, такъ неожиданно, что считаю долгомъ освѣтить это дѣло. Въ польскихъ газетахъ всегда приходится читать о преслѣдованіяхъ москалемъ святой вѣры. Нѣсколько лѣтъ назадъ, будучи въ Ченстоховѣ, я разговаривалъ съ тамошними подданными, но не слышалъ отъ нихъ никакихъ жалобъ, да и самъ не могъ замѣтить ничего, напоминающаго преслѣдованіе, ибо всѣ богослуженія на Ясной горѣ отправлялись по польски прекрасно—лучше, чѣмъ въ нашей Силезіи, гдѣ намъ поютъ на хорахъ нѣмецкія пѣсни. Я уже тогда началъ относиться съ недовѣріемъ къ тому, что пишутъ въ газетахъ (о притѣсненіяхъ), и наконецъ, побывавъ въ Кальваріи и поговоривъ съ людьми, пришедшими изъ Литвы и другихъ мѣстъ, принадлежащихъ москалю, очень обрадовался, что тамъ въ этихъ мѣстахъ, о которыхъ такъ много кричали, живетъ добрый народъ, а духовенство близко къ нему стоитъ. Долго бесѣдуя съ этими людьми, авторъ прежде всего обратилъ вниманіе на то уваженіе, съ которымъ они отзывались о своемъ духовенствѣ. На вопросъ что у васъ дѣлается съ костелами, какъ дается св. причастіе, какъ обучаютъ закону Божію?—всѣ единогласно отвѣчали, что все хорошо, никто отъ принятія св. причастія не отлучается за чтеніе газетъ, (какъ это дѣлается въ Галичинѣ, если мужики читаютъ народныя противошляхетскія изданія), въ костелѣ богослуженія идутъ въ порядкѣ, а катихизисъ и поученія преподаются (въ костелахъ) по польски. „Удивляюсь, замѣчаетъ по этому поводу кс. Стояловскій; сколько жалобъ на москаля, а тамошній бѣдный, трудящійся людъ говоритъ, что все хорошо. А у насъ кричатъ: свобода, независимость!. На самомъ же дѣлѣ притѣсненія на каждомъ шагу“.

Не изъ уваженія къ Россіи, продолжаетъ кс. редакторъ, была помѣщена эта корреспонденція, но изъ чувства справедливости и для убѣжденія тѣхъ, къ кому это относится, что германизація при помощи костеловъ и духовенства, серьезно угрожающая польской народности въ австрійской Силезіи, а еще болѣе въ прусскихъ владѣніяхъ, а также политическій разладъ, существующій въ Галичинѣ, представляются такими опасностями, пренебрегать которыми умный человѣкъ не долженъ. „Наученный опытомъ, я покинулъ вызывающую по отношенію къ Россіи политику, заключаетъ кс. Стояловскій, и слѣдуя указаніямъ энциклики папы Льва XIII къ польскимъ епископамъ (Мартъ 1894 г.), сталъ искать modus vivendi. Я этого не скрываю. И если бы въ Галичинѣ возможно было безпристрастное обсужденіе вопроса, безъ эпитетовъ: „безстыдный соблазнитель народа“ и т. под., (такъ обзываетъ ксендза Стояловскаго „Новая Реформа“) [1], то я безъ боязни и даже съ извѣстною увѣренностію въ побѣдѣ предпринялъ бы всякую въ этомъ вопросѣ полемику“. *(Варш. Дневн. 1896 г., № 142).*

Въ 1893 году іезуитъ аббатъ Бранди печатно высказалъ, что положеніе р.-католичества въ Россіи, не исключая и

---

[1]) И корреспонденціи „Kraja“ называютъ кс. Стояловскаго „измѣнникомъ“, „предателемъ“, „полупомѣшаннымъ“. 1896 г. № 27. Въ послѣднее время по интригамъ противной партіи кс. Стояловскій былъ арестованъ въ Санокѣ, у своего родственника Зелинскаго. Поздно вечеромъ явились къ Зелинскому два жандарма и объявили, что должны арестовать кс. Стояловскаго, по требованію прокурорскаго надзора. Кс. Стояловскій въ свою очередь потребовалъ письменнаго распоряженія, а такъ какъ жандармы его не имѣли, то объявилъ, что требованія ихъ не исполнитъ. Однако, при помощи двухъ вновь прибывшихъ полицейскихъ, кс. Стояловскій былъ закованъ въ цѣпи и отведенъ въ судебную тюрьму. По справкамъ, наведеннымъ адвокатомъ Искрицкимъ, оказалось, что судебныя власти не дѣлали никакихъ распоряженій о заключеніи кс. Стояловскаго. (Варшавскій Дневникъ—1896 г. № 267). Этотъ *незаконный* арестъ находился въ связи съ дипломатическими выборами въ Саноцкомъ округѣ, на которые и кс. Стояловскій являлся однимъ изъ преимущественныхъ кандидатовъ. Чтобы устранить нежелательное избраніе кс. Стояловскаго, его по *ошибкѣ* арестовали на время выборовъ. Такія *ошибки* нерѣдки, когда хотятъ устранить нежелательный выборъ. Теперь кс. Стояловскій освобожденъ...

привислинскаго края, не только удовлетворительно, но и успѣшно, и страшныя картины религіознаго преслѣдованія, рисуемыя мнимыми защитниками поляковъ, составляютъ плодъ необузданной фантазіи воинствующихъ и политикующихъ клерикаловъ (*Свѣтъ—1896 г, № 163*).

„Дзенникъ Познанскій", безспорно одинъ изъ самыхъ „патріотическихъ", или что тоже, къ сожалѣнію, одинъ изъ самыхъ руссофобскихъ органовъ теперешней польской печати, невольно, по обмолвкѣ, свидѣтельствуетъ о такомъ же положеніи р.-католицизма на Жмуди.

„Въ западномъ нашемъ краѣ православнаго и вообще русскаго населенія меньше всего на Жмуди, въ Ковенской губерніи, отчего поляки именно и зовутъ ее „святою". На обшее число жителей - 1,641,296—православныхъ приходится тамъ 41,696 человѣкъ, старообрядцевъ 26,622 и единовѣрцевъ—831. „Оттого, объясняетъ польскій авторъ, сравнительно съ другими окраинными областями, она (Жмудь) пользовалась *большею внимательностью* (въ церковно-религіозномъ отношеніи). „Это не значитъ, спѣшитъ онъ оговориться тутъ же конечно, будто она не испытавала угнетенія и будто правительство не заботилось объ обращеніи ея въ православіе, но пропаганда производилась не такъ явно и громко, угнетеніе не было такъ замѣтно. *Народъ по большей части объ немъ не вѣдалъ*, потому что предъ нимъ *Правительство являло терпимость, даже почтеніе къ католической религіи*, старалось не раздражать самыхъ горячихъ его чувствъ, не потрясало передъ нимъ постоянно знаменемъ православія. Сѣмена государственной религіи бросали незамѣтно и медленно школы, въ которыя здѣсь, какъ и въ другихъ западныхъ губерніяхъ, были назначены учителя православные. Но такого образа дѣйствій, какъ притворнаго и не отвѣчающаго истинному его характеру, правительство не могло долго придерживаться. Его раздражало то, что хлопоты его не увѣнчиваются успѣхомъ; *процентъ православнаго населенія не увеличивается вовсе*. Потому оно ведетъ на Жмуди, послѣдніе годы, усиленную пропаганду" и т. д.

„Просимъ читателя, приглашаетъ „Свѣтъ", взвѣсить мысленно еще разъ это польское свидѣтельство и рѣшить без-

пристрастно, по совѣсти, сообразно ли со справедливостію и здравымъ смысломъ поднимать вопль въ печати на всю Россію, какъ это дѣлаетъ, напр., князь Ухтомскій и другіе наши недальновидные полонофилы, о какихъ то человѣкахъ, казенною обрядностію тѣснящихъ на культурныхъ рубежахъ себѣ подобныхъ во имя узкаго націонализма," о „явно преступныхъ достовѣрныхъ фактахъ, жгущихъ огнемъ стыда душу", о „каменныхъ сердцахъ" и т. под.,—по поводу порядковъ, хотя и не совершенныхъ, конечно, даже безсильныхъ, пожалуй, въ иныхъ случаяхъ предотвратить дѣйствительно грустные факты, но такихъ порядковъ, все таки, въ описаніи коихъ, какъ въ приведенной, напр., цитатѣ изъ польской заграничной газеты, даже завѣдомые враги наши свидѣтельствуютъ „о терпимости" этихъ самыхъ будто бы „гонителей", „каменныхъ сердецъ", объ ихъ „внимательности" къ иновѣрному племени, даже „почтеніи къ католической религіи". Народъ на Жмуди не чувствовалъ религіознаго гнета со стороны православныхъ, говоритъ „Дзенникъ Познанскій", ему подвергалось де духовенство; но въ подтвержденіе обвиненія никакихъ фактическихъ доказательствъ не приводитъ"..

„Свою „усиленную пропаганду" въ послѣдніе годы „Дзенникъ Познанскій" силится подтвердить какъ будто фактически, но чѣмъ? Тѣмъ, что будтобы церкви на Жмуди, говоря его словами, ростутъ какъ грибы послѣ дождя, что при поѣздкахъ по губерніи, для посѣщенія православныхъ приходовъ, преосвященнаго Христофора, епископа ковенскаго, русскаго архіерея встрѣчаютъ де хлѣбомъ-солью, не одни только православные, но также иногда, по мѣстамъ, волостные старшины изъ католиковъ, даже „по нѣскольку человѣкъ" католиковъ изъ жителей попутныхъ деревень, что дороги при его проѣздѣ повсюду убираются вѣнками, гирляндами цвѣтовъ, елками... А дѣлается де все это не добровольно, но по полицейскому принужденію"...

„Но сколько же, въ самомъ дѣлѣ, „выросло" этихъ церквей по его счету? Въ теченіи „только" послѣднихъ трехъ лѣтъ (1893—1895) „свыше десяти", а именно одиннадцать, да двѣнадцатая еще строится - на всю губернію! Особенно не нравится полякамъ православная церковь въ м. Ворняхъ

или Мѣдникахъ, гдѣ въ прежнее время находилась резиденція жмудскихъ бискуповъ—центрѣ Жмуди и жесточайшаго р.-католическаго фанатизма, а потомъ еще въ Ковнатовѣ и Можейкахъ—Тельшевскаго уѣзда. На постройку двухъ послѣднихъ церквей настоятель тельшевскаго православнаго прихода, къ которому онѣ приписаны, о. Гавріилъ Зосимовичъ, выхлопоталъ пожертвованіе въ 10,000 руб. отъ двухъ купцовъ въ Петербургѣ и Кронштадтѣ... Позволительно, однако, спросить: какая же это, по ихъ мнѣнію, была бы справедливость по отношенію къ проживающимъ на Жмуди русскимъ людямъ, если бы русскія власти, во избѣжаніе подобныхъ жалобъ „на пропаганду православія", стали препятствовать имъ въ постройкѣ православныхъ храмовъ, гдѣ таковые, по ихъ мнѣнію, оказываются нужными, хотя бы и не для большаго числа прихожанъ, даже на доброхотныя приношенія, какъ ихъ самихъ, такъ и далекихъ ревнителей православія въ широкой Россіи? Но въ томъ то и бѣда, что нашъ рьяный латино-полонизмъ никакой несообразности въ подобныхъ своихъ притязаніяхъ не видитъ и не признаетъ. Оттого очевидно, что онъ все еще не хочетъ свыкнуться съ мыслью о мирномъ своемъ сожительствѣ, хотя бы и на равныхъ правахъ, съ православіемъ, ибо въ глубинѣ души своей лелѣетъ мечту, чѣмъ болѣе несобыточную, тѣмъ болѣе, можетъ быть страстную и сладкую, о побѣдѣ надъ нимъ и господствѣ, какъ встарь, не только на „святой Жмуди" своей, но (въ Литвѣ) и въ самой Бѣлоруссіи". *(Свѣтъ 1896 г. № 155)*.

Даже глава р.-католическаго міра, папа Левъ XIII, призналъ положеніе р.-католиковъ въ Россіи хорошимъ и особою энцикликою, какъ свидѣтельствуетъ выше и кс. Стояловскій, убѣждаетъ латинскихъ епископовъ въ Россіи довольствоваться этимъ положеніемъ и не вмѣшиваться въ гражданскія дѣла. Понятно, что такого приглашенія не послѣдовало бы, если бы, р.-католики въ Россіи не пользовались заботливостью правительства, если бы на римскій католицизмъ воздвигались гоненія и преслѣдованія, если бы католики у насъ испытывали религіозное давленіе со стороны правительства. *(Свѣтъ 1896 г., № 163)*. И если, по мнѣнію поляковъ, кс. Стояловскаго могли ввести въ заблуж-

деніе фальшивыя сообщенія, то ужъ никакъ нельзя сказать тогоже о папѣ, который всюду имѣетъ столько рьяныхъ агентовъ, сообщающихъ ему, какъ живется его духовнымъ чадамъ въ той или другой странѣ, гнетутъ у насъ католиковъ, или предоставляютъ имъ полную свободу вѣроисповѣданія, благоденствуютъ они въ Россіи или переживаютъ тяжелые дни. И, очевидно, хорошо—привольно живется у насъ латинянамъ, если и противная намъ партія нашлась вынужденною сдѣлать папѣ благопріятные въ этомъ смыслѣ донесенія. Фактическія данныя вполнѣ подтверждаютъ нашу мысль. Онѣ рисуютъ яркую картину прекраснаго положенія латинства въ русскомъ государствѣ и освѣщаютъ это дѣло путемъ сравненія съ положеніемъ православія. Общій выводъ, что не только въ Привислиньѣ, но и въ западно-русскихъ губерніяхъ, р.-католицизмъ въ матеріальномъ отношеніи поставленъ въ лучшее положеніе, чѣмъ православіе и религіозныя нужды латинскаго населенія удовлетворены здѣсь лучше, чѣмъ православнаго. При девятимилліонномъ р.-католическомъ населеніи, у насъ 12 р.-католическихъ епархій, и, такимъ образомъ, въ то время, когда на каждую православную епархію во всей Россіи и на западныхъ ея окраинахъ приходится отъ 1,5 до 3 милліоновъ православнаго населенія,—на каждую р.-католическую епархію приходится отъ 500 тысячъ и не болѣе милліона человѣкъ р.-католическаго населенія. Латинскихъ приходовъ во всѣхъ епархіяхъ свыше 2,700; въ каждомъ приходѣ имѣется настоятель и во многихъ, кромѣ того, еще одинъ или нѣсколько викарныхъ ксендзовъ. Число костеловъ, въ соотвѣтствіи съ приходами, каждогодно увеличивается, особенно въ Привислиньѣ, гдѣ постепенно строятся новые костелы и расширяются старые. Всѣ почти костелы каменные, величественные и обширные, а стоящія рядомъ съ ними православныя церкви—въ большинствѣ деревянныя, маленькія, убогія. Картина печальная, обидная, но до того обычная въ западно-русскихъ окраинахъ, что мѣстный глазъ совсѣмъ уже свыкся съ нею, находитъ какъ бы въ порядкѣ вещей и называетъ костелъ панской (господской) церковью, а православный храмъ—хлопскою (мужицкой). Все р.-католическое духовенство

въ Россіи имѣетъ обширные земельные надѣлы и получаетъ опредѣленное штатное содержаніе изъ русской казны (къ чему относительно православнаго духовенства только недавно стали дѣлаться лишь первые шаги). На содержаніе р.-католической церкви въ Россіи ежегодно отпускается изъ суммъ государственнаго казначейства 1,600 тысячъ рублей. Для образованія р.-к. духовенства имѣется въ Петербургѣ духовная академія и въ каждой епархіи — духовная семинарія, стоющія правительству не малыхъ денегъ—академія 7 тысячъ рублей, семинаріи—около 40 тысячъ. Штатные р.-католическіе монастыри ежегодно получаютъ отъ правительства на свое содержаніе 60,000 руб. и кромѣ того на постоянныя и дополнительныя пособія для нештатныхъ монашествующихъ 15 тысячъ р. Довольно значительная сумма (болѣе 30 т. р.) отпускается каждый годъ правительствомъ на прибавочное содержаніе (въ 100 руб.) престарѣлымъ настоятелямъ и администраторамъ р.-католическихъ приходовъ, достигшимъ 60 лѣтняго возраста (привиллегія, которой не пользуется и о которой даже не мечтаетъ православное духовенство). Не забыты правительствомъ и тѣ р.-католическіе монахи, которые, по упраздненіи нѣкоторыхъ монастырей, послѣ мятежа 1863 года, не пожелали остаться въ Россіи и поступили въ иностранные монастыри; всѣмъ имъ назначено русскимъ правительствомъ пожизненное пособіе въ общей суммѣ 4500 руб., которые высылаются ежегодно заграницу по мѣсту нахожденія монаховъ. Но и это не все: на постройку и починку костеловъ и причтовыхъ зданій въ казенныхъ имѣніяхъ Привислинскаго края ежегодно отпускается около 15 т. р.; на постройку и починку костеловъ въ бывшемъ княжествѣ Познанскомъ—около 6000 руб.; на экстраординарные расходы по удовлетворенію различныхъ нуждъ р.-католическаго духовенства — 50,000 руб.; на вознагражденіе р. католическихъ аріерейскихъ домовъ и монастырей за прекращеніе назначенія къ нимъ служителей изъ государственныхъ крестьянъ, вслѣдствіе уничтоженія крѣпостнаго права — 12,000 рублей ежегодно. [1])

---

[1]) Липранди — „Наблюдатель“ Май 1896 г. „Свѣтъ“ 1896 г. № 163. „Церковный Вѣстникъ“ 1896 г. № 20.

Вотъ доказательства заботливости русскаго правительства о своихъ подданныхъ р.-католическаго исповѣданія и ихъ церкви. Р.-католицизмъ болѣе, чѣмъ всякое другое иновѣрное исповѣданіе пользуется у насъ и полною свободою, и правительственною опекою. Потому очень странно, когда встрѣчаешь въ печати, особенно русской, въ единичныхъ впрочемъ, случаяхъ—мнѣнія о гоненіяхъ, о какомъ то религіозномъ давленіи на р.-католиковъ, о преслѣдованіи ихъ вѣры, неотложности оставить, позабыть „варварство" и признать равенство въ исповѣданіи. Невольно напрашивается вопросъ: зачѣмъ распространять необоснованныя мнѣнія? Съ какой стати говорить противъ дѣйствительности, противъ очевидныхъ фактовъ? Къ чему проповѣдывать о свободѣ въ дѣлѣ вѣры, когда мы и не знаемъ за собою притѣсненій. Россія притѣсняетъ католицизмъ... Но вѣдь это неправда, вѣдь это противорѣчитъ исторіи и современному положенію вещей! Мы всегда были вѣротерпимы, у насъ полная свобода религіи. Россія - государство, въ которомъ на ряду съ господствующею апостольскою вѣрой уживаются религіозные культы всѣхъ народностей. Россія, которая за свой 900-лѣтній христіанскій періодъ чуждалась и чуждается насилія въ дѣлѣ вѣры, въ дѣлѣ совѣсти, которая не съ огнемъ и мечемъ, а съ крестомъ въ рукахъ, съ любовію въ сердцѣ, съ молитвою на устахъ — шла въ дебри сѣвера и востока возвѣщать чуди, лопи, мордвѣ, зырянамъ, вогуламъ, вотякамъ, монголамъ и другимъ инородцамъ Евангельское ученіе, призывать ихъ въ члены единой, истинной церкви. Не грубая сила (да и какая могла быть сила, когда проповѣдникъ шелъ въ лѣса одинъ, съ надеждою только на высшую помощь), а незлобіе, безкорыстіе, любовь ко всѣмъ, твердость въ вѣрѣ,— привлекала всегда почитателей „истукановъ" къ проповѣднику новаго ученія. Они приходили къ нему, научались истинамъ вѣры и пріобщались къ Церкви Христа. Такова исторія распространенія христіанства въ Россіи, таковы средства, которыми мы всегда руководились въ дѣлѣ распространенія вѣры, и, конечно, измѣненій быть не можетъ въ наши дни. Не можемъ же мы считать насиліе, религіозное стѣсненіе средствомъ, могущимъ

привлечь людей въ церковь, высшая заповѣдь которой есть любовь. Напротивъ, русское правительство, признавая полную религіозную свободу, проявляетъ заботливость ко всѣмъ подданнымъ безъ различія вѣроисповѣданій. И заботливостью со стороны правительства — повторяемъ, говоритъ „Свѣтъ",—болѣе, чѣмъ всѣ другіе иновѣрцы, пользуются р.-католики. (*„Свѣтъ" 1896 г. № 163*).

И законоположенія Россійской имперіи неизмѣнно требуютъ для всѣхъ той же свободы вѣры. „Первенствующая и господствующая въ Россійскомъ государствѣ есть христіанская, православная, восточнаго исповѣданія церковь. Но и всѣ, не принадлежащіе къ сей церкви подданные государства и иностранцы, какъ въ Имперіи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ и великомъ княжествѣ Финляндскомъ, пользуются каждый, повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ своей вѣры и богослуженія".

И еще: „Въ россійскомъ государствѣ свобода вѣры присвояется не только Христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, и магометанамъ, и язычникамъ... да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога всемогущаго разными языки, по закону и исповѣданію праотцовъ своихъ, *благословляя царствованіе россійскихъ монарховъ и моля Творца объ умноженіи благоденствія и укрѣпленіи Имперіи*".

Ясно, однако, говоритъ кн. Д. Цертелевъ, что свобода всѣхъ этихъ вѣроисповѣданій возможна лишь при огражденіи каждаго изъ нихъ отъ вторженія въ его сферу со стороны другаго, иными словами, свобода эта есть не безусловная, *а обусловленная законами государства*". Стало быть, если въ одномъ и томъ же мѣстѣ и въ одно и то же время по вѣроисповѣднымъ требованіямъ восточной и западной церкви должны быть совершены два взаимно-исключающіе другъ друга обряда, то предпочтеніе должно быть отдано церкви восточной, такъ какъ она есть господствующая.

Понятіе вѣротерпимости, которымъ сторонники безусловной свободы и равноправности всѣхъ вѣроисповѣданій стараются прикрыть политическія тенденціи, не только не исключаетъ, а на оборотъ, предполагаетъ вмѣшательство государства въ *проявленія* религіозной жизни.

Только там, гдѣ признается право на существованіе исключительно одного вѣроисповѣданія, только тамъ и допустимо предоставленіе ему полной, неограниченной свободы проявленій религіозной жизни, такъ какъ вмѣстѣ съ признаніемъ его безусловной истинности, вполнѣ естественно предоставить ему *исключительное право* на внѣшнія проявленія истины, выразителемъ которой оно является. Тамъ же, гдѣ допускается возможность присутствія относительной условной правды въ различныхъ вѣроисповѣданіяхъ, тамъ, очевидно, становится необходима и нѣкоторая регламентація взаимныхъ отношеній этихъ вѣроисповѣданій, чтобы предупредить неизбѣжныя въ противномъ случаѣ столкновенія между ними.

При такихъ условіяхъ нѣкоторыя ограниченія свободы внѣшнихъ проявленій различныхъ вѣроисповѣданій не только не имѣютъ ничего общаго съ инквизиціонными принципами, но, наоборотъ, составляютъ съ ними прямую противоположность, такъ какъ вытекаютъ изъ принципа вѣротерпимости, т. е. изъ признанія внутренней свободы религіозныхъ убѣжденій и *относительнаго права проявленія этихъ убѣжденій*. Опредѣленіе предѣловъ такого права не можетъ быть предоставлено сторонамъ заинтересованнымъ, а должно принадлежать государству.

Эти общія соображенія вполнѣ относятся и къ р.-католическому духовенству въ предѣлахъ Россійской имперіи. Не только на основаніи политическихъ соображеній, но и на основаніи текста приведенныхъ выше законоположеній, слѣдуетъ понимать, что свобода вѣроисповѣданія, предоставленная различнымъ народностямъ Россіи, касается религіозныхъ догматовъ, относится къ внутреннимъ убѣжденіямъ и тотчасъ же встрѣчаетъ ограниченія, какъ только эти догматы или обряды приходятъ въ противорѣчіе съ государственными задачами.

Представимъ себѣ, что магометане, вмѣсто того, чтобы молить о благоденствіи Имперіи, стали бы молить Аллаха объ истребленіи гяуровъ. Конечно, свѣтская власть не допустила бы подобныхъ моленій и едва ли кому нибудь пришло бы въ голову утверждать, что она своимъ запрещеніемъ нарушаетъ существующую въ Россіи свободу вѣроисповѣданій.

Но то же самое относится, очевидно, и къ р.-католической церкви, если бы она стала требовать моленій или обрядовъ, которые могли бы вызвать нарушеніе общественнаго спокойствія или вообще противорѣчили бы государственнымъ интересамъ. Необходимость сообразоваться съ государственными законами и съ основанными на нихъ распоряженіями обязательна въ имперіи для всѣхъ исповѣданій. Императрица Екатерина II торжественно всѣхъ подданныхъ р.-католическаго исповѣданія, въ томъ числѣ и различные латинскіе ордена, подтвердила (въ 1774 году) при совершенной свободѣ въ публичномъ отправленіи вѣры... но только до тѣхъ поръ, *„пока они сами вѣрноподданическій свой долгъ и присягу непорочно* сохранять будутъ“. Въ 1782 году она потребовала строгаго наблюденія за папскими буллами или отъ имени папы присылаемыми распоряженіями, чтобы *въ нихъ не было ничего несходственнаго съ гражданскими законами всероссійскія Имперіи, съ правами самодержавныя власти, отъ Бога Русскимъ Государямъ данныя.* Они, т. е. р.-католики должны были разумѣть, что нѣтъ для нихъ другихъ *правилъ, кромѣ какъ законы Ея Императорскаго Величества, опасаясь на случай неисполненія строгаго по законамъ взысканія.*

Въ виду этого, нѣтъ ничего удивительнаго, что „права р.-католическаго исповѣданія, какъ одного изъ иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій въ Россіи, опредѣляются чисто гражданскими узаконеніями и различными административными распоряженіями, нерѣдко совершенно секретными“ (слова въ скобкахъ гр, Леливы). Нѣтъ, разумѣется, также ничего удивительнаго и въ томъ, что права р.-католическаго вѣроисповѣданія, какъ одного изъ терпимыхъ христіанскихъ исповѣданій, не приравнены къ правамъ господствующей въ имперіи Церкви *(Моск. Вѣдомости. 1896 г. № 98).*

Желаніе игнорировать эти существенно-необходимыя основы въ отношеніяхъ р.-католической церкви къ законамъ государственнымъ и обоснованнымъ на нихъ гражданскимъ постановленіямъ и служитъ причиною постоянныхъ столкновеній и недоразумѣній между представителями русской правительственной власти и представителями р.-католицизма. Послѣдніе, забывая свой вѣрноподданническій долгъ, нерѣдко

со вредомъ для государства, хотятъ дѣйствовать совершенно независимо отъ мѣстной власти, ссылаясь на правила и уставы своей вѣры, забывая, что эти правила и уставы для русской власти не обязательны, тѣмъ болѣе, если они не согласованы съ общегосударственными постановленіями.

Яркимъ примѣромъ подобнаго отношенія р.-католическаго духовенства къ администраціи можетъ служить столкновеніе б. р.-католическаго Виленскаго епископа Гриневецкаго съ Виленскимъ Генералъ-Губернаторомъ.

„Епископъ Гриневецкій безъ надлежащаго разрѣшенія выѣхалъ въ Гродну, вслѣдствіе чего Генералъ-губернаторъ вынужденъ былъ напомнить ему желаніе высшаго правительства, чтобы разъѣзды его по епархіи совершались каждый разъ съ согласія генералъ-губернатора. Епископъ Гриневецкій, однако, не только отказался исполнить требованіе генералъ-губернатора, но и поспѣшилъ увѣдомить его объ этомъ отказѣ въ письмѣ, болѣе чѣмъ рѣзкомъ по содержанію. Въ отвѣтѣ епископа вопросъ сводится къ тому, желаетъ ли и можетъ ли р.-католическій епископъ подчиняться требованіямъ высшей въ краѣ административной власти, или же считаетъ себя отъ нея вполнѣ независимымъ".

„Само собою разумѣется, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ, при незаконныхъ или несправедливыхъ требованіяхъ со стороны этой власти, онъ сохраняетъ право обжаловать ея рѣшенія и требованія высшей инстанціи. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ онъ не имѣетъ ни права, ни основанія вступать въ пререканіе съ этою властію, а тѣмъ болѣе ссылаться на каноническія правила, которыя для нея не обязательны".

Графъ Лелива находитъ, что, хотя отвѣту епископа Гриневецкаго виленскому генералъ-губернатору и „минуло уже десять лѣтъ, но отъ него вѣетъ такою свѣжестію взглядовъ, на немъ лежитъ такая печать современности, какъ будто онъ писанъ сегодня". Тѣмъ хуже, можно отвѣтить на это, если и до сего дня поляки не успѣли убѣдиться, что государственные законы и требованія администраціи обязательны для всѣхъ въ предѣлахъ имперіи, не исключая и р.-католическихъ епископовъ.

„Если же епископы эти признаютъ для себя неисполнимыми требованія русскихъ законовъ и русской администраціи, то имъ, повидимому, остается только отказаться отъ исполненія своихъ обязанностей въ виду противорѣчія такихъ требованій съ каноническими правилами ихъ церкви".

„Но при этомъ невольно является вопросъ: почему исполненіе своихъ обязанностей невозможно только для польскихъ епископовъ, почему не только протестанты или магометане, но даже французы или италіянцы р.-католическаго вѣроисповѣданія не жалуются на отсутствіе вѣротерпимости въ Россіи, а жалуются именно поляки? Очевидно, тутъ играютъ роль далеко не одни религіозные вопросы, а гораздо болѣе— политическіе".

О поступкѣ епископа Гриневецкаго доведено было до свѣдѣнія министра Внутреннихъ Дѣлъ, и гр. Д. А. Толстой просилъ между прочимъ Виленскаго генералъ-губернатора указать епископу Гриневецкому, „что на основаніи нашихъ законовъ не правительственныя распоряженія въ отношеніи ихъ обязательности находятся въ зависимости отъ ученія и правилъ р.-католической церкви, какъ это полагаетъ епископъ Гриневецкій, а наоборотъ, только такія ученія и правила всякаго, подобно р.-католическому, терпимаго у насъ исповѣданія могутъ быть исполняемы, кои не противорѣчатъ государственнымъ постановленіямъ".

„Трудно въ немногихъ словахъ сказать такъ много", замѣчаетъ по этому поводу гр. Лелива. Вполнѣ съ нимъ соглашаемся. Въ приведенномъ отзывѣ покойнаго гр. Толстого самымъ яркимъ образомъ указывается отношеніе русскаго правительства къ р.-католической церкви и отношеніе это нельзя не признать вполнѣ правильнымъ, если только смотрѣть на него съ русской, а не польской точки зрѣнія.

„Вѣдь нельзя же признать р.-католическую церковь господствующею, когда въ Имперіи господствующею церковію признается церковь православная. Еще менѣе можно допустить, чтобы въ какомъ бы то ни было государствѣ правительство терпѣло вѣроученіе, которое противорѣчитъ государственнымъ постановленіямъ".

„Очевидно, замѣчаетъ гр. Лелива, административная власть не знаетъ, гдѣ кончается кесарево и начинается Божіе; догматы вѣры и велѣнія нравственности она ставитъ въ зависимость отъ своего дозволенія; предписанія главъ р.-католической церкви для нея не существуютъ“ [1]).

---

[1]) Спрашиваемъ у гр. Леливы, гдѣ въ самомъ дѣлѣ у латино-полонизма границы между Кесаревымъ и Божіимъ и есть ли онѣ въ дѣйствительности? Думаемъ, что вліяніе клерикализма на столько переплелось со всѣми сторонами польской жизни, что рѣшительно невозможно указать, гдѣ кончается сутолока повседневнаго обихода и гдѣ начинается святая святыхъ религіи, гдѣ молитвенный экстазъ и гдѣ земныя страсти и воинственный азартъ. Вспомнимъ, говоритъ г. Ярошъ, обычай шляхты, во время чтенія Евангелія въ храмѣ надѣвать шапки и обнажать на половину сабли въ доказательство готовности защищать р.-католическую вѣру. Обращаясь къ школьной практикѣ, мы затрудняемся указать предѣлы, гдѣ, напр., кончается преподаваніе закона Божія и гдѣ начинается политика. Вспомнимъ изъ записокъ Терлецкаго описаніе кременецкаго законоучителя, котовый, читая дѣтямъ о страстяхъ І. Христа, говорилъ и о страданіяхъ Польши, при чемъ заливался горькими слезами, воздѣйствуя на дѣтскую впечатлительность. Въ исторіи Польши часто очень трудно отличить, гдѣ кончается служеніе небу и гдѣ начинается служеніе землѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою унія, — актъ ли благочестія или политическую хитрость? Въ притѣсненіяхъ диссидентовъ—выступаетъ ли религіозное рвеніе или антихристіанское насиліе? Въ походѣ съ Самозванцемъ въ Москву—должно ли видѣть миссіонерскую экспедицію или завоевательную авантюру? Такое же предосудительное смѣшеніе религіи съ политикою, высокихъ принциповъ съ низменными цѣлями мы видимъ и въ дальнѣйшей исторіи—въ разныхъ демонстративныхъ панихидахъ по костеламъ, въ ксендзахъ, благословлявшихъ оружіе для братоубійственныхъ цѣлей, въ сожженіи въ костелахъ алтариковъ на русскомъ языкѣ, въ запрещеніяхъ посѣщать православные храмы, молиться предъ православными иконами, на которыхъ изображены лики Спасителя, напр., пр. Богородицы и святыхъ, чтимыхъ *всѣмъ* христіанскимъ міромъ. (Ср. Русскій Вѣстникъ—1896 г. Октябрь. 111 стр. Депеша вице-канцлера кн. Горчакова—выше). Многіе изъ разочаровавшихся въ Европѣ поляковъ тянутся къ р.-католической церкви, какъ къ силѣ, на которую надѣются; передъ ихъ воспламененнымъ взоромъ въ образѣ папы сливается глава церкви съ оплотомъ политическихъ мечтаній (Урсинъ—Религіозно-политическіе идеалы польскаго общества въ „Сѣверн. Вѣстн.“ 1895 г.). Слѣдовательно, духъ фальсифицированнаго благочестія и искаженной религіозности остается у поляковъ и понынѣ; онъ очень портитъ картину польскаго молитвословія, и странно встрѣчать наивныя признанія нѣкоторыхъ, будто волны подобныхъ молитвенно-революціонныхъ гимновъ

Но было бы поистинѣ удивительно, если бы русское правительство, признавая православную церковь господствующею, въ то же время считало обязательными для себя предписанія главъ р.-католической церкви. Что же касается догматовъ вѣры и велѣній нравственности, то авторъ допускаетъ здѣсь, очевидно, самую наивную, принципіальную ошибку, такъ какъ предполагаетъ, что эти догматы и эта нравственность единственные и безусловно *для всѣхъ* истинные, съ чѣмъ, очевидно, никакъ не можетъ согласиться не принадлежащій къ р.-католической церкви, а тѣмъ болѣе законодатель или правительство, принадлежащее къ восточно-православной церкви и, слѣдовательно, признающее р.-католическое исповѣданіе *только относительною истиною или, что одно и то же, терпимымъ заблужденіемъ.*

Конечно, государство, какъ таковое, не можетъ и не должно входить въ обсужденіе догматовъ съ точки зрѣнія богословской, но тѣмъ болѣе оно вправѣ требовать отъ терпимыхъ имъ исповѣданій подчиненія своимъ постановленіямъ, исходящимъ не изъ религіозныхъ, а изъ политическихъ соображеній. Къ какому бы вѣроисповѣданію, къ какой бы національности ни принадлежали подданные, они не могутъ не понимать этого, если только сами не желаютъ скрывать политическихъ мотивовъ за религіозными ширмами".

„Не требованіе государствомъ соблюденія его постановленій, а на оборотъ, стремленіе воспользоваться религіей для политическихъ цѣлей составляетъ нарушеніе предписанія воздавать кесарево кесареви, а Божія—Богу, и при томъ нарушеніе двойное, такъ какъ въ немъ не только кесарю,

---

поднимаются къ небу; нѣтъ! въ дѣйствительности онѣ стелются очень низко по землѣ, цѣпляясь за прискорбныя національныя недомыслія, за упрямство національныхъ страстей, за клерикальные аппетиты и шляхетскія вожделѣнія. И за чѣмъ это, спрашиваетъ Мошинскій (Mysl polityczna) съ каждою молитвою о спасеніи отечества мы въ тоже время просимъ Бога объ истребленіи и уничтоженіи ненавистныхъ намъ враговъ? Богъ любви и милосердія, которому поютъ: Святый Боже... помилуй насъ! не можетъ принимать революціонныхъ гимновъ: z dymem pożarow... или: Boże, coś Polske...

но и Богу не воздается должнаго и въ отношеніи къ обоимъ вводится ложь".

„Само собою разумѣется, что нельзя предусматривать никакого противорѣчія между требованіями религіи, терпимой въ государствѣ и требованіями государственныхъ законовъ, такъ какъ религія, противорѣчащая государственнымъ законамъ, была бы противозаконна и потому не могла бы быть терпимою. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы всѣ дѣйствія, основанныя будто бы на канонахъ и уставахъ этой религіи, должны быть также терпимы даже въ томъ случаѣ, если они противорѣчатъ государственнымъ узаконеніямъ и пользѣ государства".

„Ясно, что хотя законодатель и не допускаетъ возможности противорѣчія между канонами и уставами церкви и гражданскими законами, однако онъ предвидѣлъ и возможность противорѣчія между *толкованіемъ* этихъ законовъ и уставовъ и требованіями государства. Ясно также, что въ случаѣ пререканій между церковными и государственными органами, рѣшеніе принадлежитъ власти правительственной, управляющей государствомъ и отвѣчающей за его порядокъ и безопасность, а не власти той церкви, которая терпима въ немъ наравнѣ съ другими вѣроисповѣданіями".

По поводу новаго столкновенія съ генералъ-губернаторомъ епископа Гриневецкаго изъ за изданія справочной книги „Рубрицелла", послѣдствіемъ чего было совершенное устраненіе его отъ должности, гр. Лелива всклицаетъ: „право уступило силѣ".

Очень уже своеобразное пониманіе права у гр. Леливы. Епископъ дѣлаетъ измѣненія въ книгѣ послѣ пропуска ея цензоромъ и генералъ-губернаторъ даетъ приказаніе конфисковать изданіе. Какъ же поступаетъ епископъ въ отвѣтъ на законное требованіе гражданской власти? Онъ начинаетъ съ того, что сообщаетъ ей ложныя свѣдѣнія, утверждая, что книга уже разослана; а когда генералъ-губернаторъ, вполнѣ основательно не довѣряя такому сообщенію, посылаетъ для ея конфискованія полицiймейстера съ чинами полиціи, епископъ Гриневецкій совершаетъ новый гражданскій подвигъ (по гр. Леливѣ), т. е. оказываетъ сопротивленіе полиціи.

„Очевидно, что если бы епископу не только терпимаго, но и господствующаго въ Россіи вѣроисповѣданія пришло въ голову обманывать генералъ-губернатора и оказывать сопротивленіе законнымъ его требованіямъ, правительство было бы вынуждено принять такія же мѣры".

„Если признать, что епископъ Гриневецкій и гр. Лелива правильно понимаютъ и примѣняютъ уставы и законы р.-католической церкви, то это доказывало бы только, что церковь эта не можетъ быть терпима въ предѣлахъ Россійской имперіи, такъ какъ нельзя допустить безпрепятственнаго существованія въ предѣлахъ государства общества, хотя бы и религіознаго, которое не только требуетъ отъ своихъ сочленовъ неповиновенія государственной власти, но и предписываетъ обманывать ее и явно ей сопротивляться".

„Если бы представители р.-католической церкви въ Польшѣ и въ западно-русскихъ губерніяхъ дѣйствительно слѣдовали Евангельскому предписанію—воздавать кесарево кесареви и Божія Богови, государство не имѣло бы никакихъ основаній предпринимать относительно ихъ какія бы то ни было ограничительныя мѣры. Но образъ дѣйствій польскаго духовенства во время возстанія 1863 года достаточно ясно доказалъ, что оно не можетъ или не хочетъ отличать политику отъ религіи и что эти де двѣ области для него неразрывно связаны" [1]).

Отъ того печальнаго времени осталось у насъ замѣчательное „Внушеніе польскому духовенству" Виленскаго генералъ-губернатора гр. Муравьева въ письмѣ на имя виленскаго епископа Красинскаго, отъ 26 Мая 1863 года.

„При личномъ объясненіи моемъ съ Вами, писалъ гр. Муравьевъ, я сообщилъ Вашему Преосвященству указанія на участіе, какое принимаетъ р.- католическое духовенство въ настоящихъ смутахъ и мятежническихъ дѣйствіяхъ, происходящихъ во ввѣренномъ моему управленію краѣ, при чемъ В. Пр-у угодно было засвидѣтельствовать мнѣ, что *подчи-*

---

[1]) Моск. Вѣдомости 1896 г. № 99.

ненное паствѣ Вашей духовенство пребываетъ вѣрнымъ своему долгу" [2]).

„Между тѣмъ изъ дѣлъ, представляемыхъ ко мнѣ слѣдственными коммиссіями, я усматриваю, что по донесеніямъ начальниковъ отрядовъ, а также по показаніямъ плѣнныхъ, самое живое и дѣятельное участіе въ возбужденіи народа къ мятежу принимаетъ здѣшнее р.-католическое духовенство, объявляя въ костелахъ революціонные манифесты, приводя къ присягѣ вербуемыхъ мятежниками сообщниковъ, присоединенныхъ къ шайкамъ, въ которыхъ не разъ встрѣчались они съ нашими войсками при перестрѣлкахъ, и наконецъ, предводительствуя нѣкоторыми изъ шаекъ".

„Всѣ эти обстоятельства поставили меня въ прискорбную необходимость, какъ уже извѣстно Вашему Пр-ству, подвергнуть, по приговору военнаго суда, смертной казни двухъ ксендзовъ, обвиненныхъ въ нарушеніи долга вѣрноподданнической присяги и содѣйствіе къ мятежу, многіе другіе преданы также военному суду и съ ними поступлено будетъ со всею строгостію законовъ.

„Желая искренно имѣть возможность не прибѣгать къ подобнымъ строгимъ мѣрамъ, въ особенности въ отношеніи лицъ духовнаго званія, я считаю долгомъ вновь обратиться къ В. Пр-у съ убѣдительнѣйшею просьбою употребить Ваше Архипастырское содѣйствіе ко внушенію подвѣдомственному Вамъ духовенству, чтобы оно, помня призваніе свое, возложенное на него духовнымъ саномъ, и святость вѣрноподданнической присяги, оставило свои преступныя дѣйствія и чтобы служители алтаря, которые обязаны, не страшась угрозъ, ни самой смерти, пребывать вѣрными своему долгу, старались проповѣдью и примѣромъ своимъ, вмѣсто возбужденія народа къ преступнымъ дѣйствіямъ, вразумлять тѣхъ, которые забывъ долгъ чести, совѣсти и присягу, увлечены въ мятежъ или сдѣлались его руководителями".

---

[2]) И это заявлялось въ виду различныхъ уликъ въ участіи духовенства въ мятежническихъ дѣйствіяхъ; точно также еп. Гриневецкій заявлялъ генералъ-губернатору, что требуемая книга (Рубрицелла) сполна разослана, когда она лежала у него въ складѣ—въ Консисторіи.

„Ваше Пр-о, понимая, какъ христіанинъ, сколь сильно и убѣдительно слово мира и любви въ устахъ священнослужителя, надѣюсь, не откажете, какъ архипастырь, на которомъ лежитъ прямая обязанность руководить духовенство и отвѣтственность за его поступки, въ содѣйствіи Вашемъ къ обращенію духовенства на путь прямаго долга, имѣя въ виду, что въ его рукахъ заключается главное орудіе къ прекращенію пролитія крови и къ устраненію несчастныхъ обстоятельствъ, такъ давно уже волнующихъ весь край.

„Полагая, что В. Пр-о не преминете исполнить обязанность, возложенную на Васъ присягою и Архипастырскимъ саномъ и обратитесь къ подвѣдомственному Вамъ духовенству съ соотвѣтственнымъ настоящимъ обстоятельствамъ внушеніемъ, я покорнѣйше прошу Васъ сообщить мнѣ въ возможно непродолжительномъ времени копію тѣхъ распоряженій, какія будутъ сдѣланы Вами по сему предмету".

При семъ .. почитаю долгомъ присовокупить, что законъ, карая измѣну и нарушеніе вѣрноподданнической присяги не менѣе строгъ и къ тѣмъ, которые, будучи поставлены въ возможность предупредить преступленія, дѣлаются по причинѣ своего бездѣйствія соучастниками онаго".

И епископъ Красинскій, подобно еп. Гриневецкому, продолжалъ оказывать противодѣйствіе распоряженіямъ высшей мѣстной власти, почему и былъ удаленъ изъ Вильны [1]).

И нѣтъ, къ сожалѣнію, никакихъ серьезныхъ основаній предполагать, скажемъ словами Моск. Вѣдомостей [2]), чтобы съ тѣхъ поръ (съ 1863 г.) положеніе успѣло существенно измѣниться. Въ виду этого вполнѣ понятно недовѣріе, внушаемое Правительству р.-католическимъ духовенствомъ въ Привислинскихъ и Западно-русскихъ губерніяхъ [3]).

---

[1]) Сборн. распоряж. гр. М. Н. Муравьева—сост. Цыловъ.- Вильна 1896 г. Стр. 31—33.

[2]) А заявленіе гр. Леливы о необычайной *свѣжести* отвѣта еп. Гриневецкаго Виленскому генералъ-губернатору (выше) положительно убѣждаетъ въ этомъ.

[3]) Москов. Вѣдом. 1896 г. № 99.

Въ силу такого недовѣрія, созданнаго и упорно поддерживаемаго самимъ латинствомъ, и являются тѣ ограниченія въ практикѣ р.-католической церкви, которыя неопытному взгляду кажутся преслѣдованіемъ самой церкви, въ дѣйствительности же служатъ ея охранѣ. Къ этой категоріи необходимо отнести правительственное распоряженіе о крестныхъ ходахъ, о постановкѣ крестовъ внѣ костеловъ, объ отлучкахъ ксендзовъ, о порядкѣ ихъ назначенія, о законоучителяхъ въ школахъ и т. под. Гр. Лелива говоритъ: „въ предѣлахъ Западнаго края, въ какомъ нибудь захолустномъ селеніи, крестный ходъ не можетъ быть совершенъ латинянами безъ особаго разрѣшенія генералъ-губернатора, въ городахъ же онъ и вовсе не допускается, точно какой либо безпорядокъ или безчинство...; чрезъ это латинское населеніе Западнаго края лишено религіознаго ободренія и утѣшенія".

Гр. Леливѣ вѣроятно извѣстно, что именно латинскіе крестные ходы были однимъ изъ средствъ, съ помощію которыхъ развивалась революціонная пропаганда, гдѣ раздавались и разбрасывались печатные листки революціоннаго содержанія, гдѣ разжигались страсти народной массы противъ законныхъ властей. Не религіозное ободреніе, духовное утѣшеніе и успокоеніе народной массѣ приносили подобныя сходбища, прикрывавшіяся знаменемъ религіи, а смущеніе совѣсти. Продолженіе ихъ въ такомъ видѣ становилось невозможнымъ, и власть, для блага человѣчества, взяла на себя тяжелую заботу упорядочить ихъ до извѣстной степени и возвратить имъ ихъ религіозное назначеніе.

Не можемъ не списать слѣдующую картину, нарисованную гр. Леливою, избравшимъ темою для этой картины преслѣдованіе русскими латинскаго креста. „Чуть появится на поляхъ или при дорогахъ, говоритъ онъ, новый латинскій деревянный крестъ, тотчасъ же экстренное и секретное донесеніе летитъ въ уѣздный городъ, изъ уѣзднаго — въ губернскій, изъ губернскаго въ мѣстопребываніе генералъ-губернатора, точно совершилось какое нибудь необыкновенное событіе, какъ напр.: наводненіе, вторженіе непріятеля, бунтъ, возстаніе и т. под. Священный символъ христіанской религіи, вызывающій враждебную тревогу среди властей—

можетъ ли быть большее поруганіе христіанства?" заключаетъ гр. Лелива (стр. 78).

Но, при своемъ паѳосѣ и увлеченіи, гр. Лелива опять забываетъ, что преслѣдовался не крестъ Спасителя, символъ христіанства, которому мы всегда и теперь поклоняемся, а крестъ символъ страданій латино-полонизма, который дерзнулъ поставить себя на одинъ уровень съ страданіями Спасителя. Такіе кресты съ демонстративными эмблемами появлялись нерѣдко въ извѣстной мѣстности за одну ночь, неизвѣстно кѣмъ были поставлены, кому принадлежали; самая форма креста употреблялась въ данномъ случаѣ съ тою цѣлію, чтобы подъ религіозными предлогами дѣйствовать смѣлѣе и безнаказаннѣе. И польское благочестіе проявило бы себя лучше, если бы само берегло этотъ священный символъ христіанства и не влекло его по праху низменныхъ страстей черезъ всѣ вѣка своей исторіи, если бы не забрызгивало его кровью диссидентовъ, не пятнало насиліями уніи и не размахивало имъ, какъ топоромъ повстанца. (Ярошъ). Въ подобномъ случаѣ, дѣйствительно, скажемъ словами гр. Леливы, со стороны римско католиковъ не можетъ быть большаго поруганія христіанства.

Да и самое злоупотребленіе въ постановкѣ крестовъ вышло изъ среды р.-католическаго духовенства. „Доходятъ до моего свѣдѣнія, писалъ 8 Августа 1864 г. гр. Муравьевъ, что въ нѣкоторыхъ приходахъ *р. католическое духовенство* подъ предлогомъ распоряженія, сдѣланнаго на основаніи указа Коллегіи отъ 16 Мая о недозволеніи своевольно выставлять на поляхъ, дорогахъ и вообще внѣ костеловъ какія бы то ни было священныя изображенія, *воспрещаетъ ставить кресты на кладбищахъ, надъ могилами умершихъ* и вообще старается распускать по этому поводу неблагонамѣренные слухи и неблагопріятные толки въ народѣ", а потому генералъ-губернаторъ предлагаетъ подлежащимъ властямъ строго наблюдать за подобными неблагонамѣренными ксендзами, чтобы они, исполняя въ точности указъ Коллегіи, отнюдь не осмѣливались давать превратное толкованіе правительственнымъ распоряженіямъ и не препятствовали бы народу ставить кресты на кладбищѣ; всѣхъ же тѣхъ ксен-

дзовъ и иныхъ лицъ, которые дозволятъ себѣ вышеобъясненныя дѣйствія подвергать немедленно отвѣтственности. [1])

Выходитъ, что „варваръ“, съ „каменнымъ сердцемъ“, гр. Муравьевъ долженъ былъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, чтобы только остановить р.-католическое духовенство въ его зломъ намѣреніи воспрещенія народу ставить кресты на кладбищахъ.

А вотъ и другой циркуляръ гр. Муравьева о незаконномъ вмѣшательствѣ полиціи въ нѣкоторые религіозные обычаи. „До свѣдѣнія моего доходитъ, писалъ гр Муравьевъ 23 Сентября 1864 г., что нѣкоторые полицейскіе чины, пользуясь сдѣланными распоряженіями относительно воспрещенія, безъ разрѣшенія начальства, постановленія на поляхъ, дорогахъ и вообще внѣ костеловъ крестовъ и другихъ священныхъ изображеній, которые воздвигались р.-католическимъ духовенствомъ въ видахъ польской пропаганды, стѣсняютъ крестьянъ въ такихъ религіозныхъ обычаяхъ, которые не заключаютъ въ себѣ ничего политическаго,—и даже воспрещаютъ ставить кресты на кладбищахъ“. (На послѣдній пунктъ особенно налегается). Вслѣдствіе сего подтверждается подлежащимъ властямъ, чтобы они отнюдь не дозволяли себѣ неумѣстнаго вмѣшательства по вышеозначенному предмету, и доводили бы до свѣдѣнія начальства о тѣхъ только крестахъ и изображеніяхъ, которые воздвигаются р.-католическимъ духовенствомъ внѣ кладбищъ *и при томъ съ политическою цѣлію* [2]).

Такова историческая справка о постановкѣ крестовъ, и клевещетъ [3]) гр. Лелива съ комп., когда утверждаетъ, что

---

[1]) Сборн. распор. гр. М. Н. Муравьева—196—1 7. Такъ *содѣйствовало* р.-католическое духовенство умиротворенію края, спустя годъ слишкомъ послѣ обращенія къ нему по этому поводу гр. Муравьева.

[2]) Ibid. 197.

[3]) Гр. Лелива умышленно замалчиваетъ о характерѣ распоряженія гр. Муравьева относительно постановки крестовъ и приписываетъ ему то, чего покойный графъ не имѣлъ въ мысли. Графъ Муравьевъ не дозволялъ ставить кресты, преслѣдовавшіе исключительно *политическую цѣль* и давалъ самое широкое разрѣшеніе на постановку крестовъ въ память усопшихъ, на кладбищахъ, на могилахъ покойниковъ; гр. Лелива приписываетъ гр. Муравьеву принципіальное запрещеніе ставить кресты.

русскіе преслѣдуютъ крестъ—священный символъ христіанской религіи. Въ настоящее время этотъ вопросъ окончательно разрѣшенъ Высочайшимъ повелѣніемъ.

Уясняя это правительственное распоряженіе, „Церковный Вѣстникъ" (1896 г. № 18) замѣчаетъ: „Изъ исторіи мятежа 1863 г. извѣстно, что кресты были однимъ изъ средствъ фанатизировать народъ и давать мятежу религіозное освѣщеніе: у крестовъ назначались сборные пункты повстанцевъ, здѣсь происходили предварительныя совѣщанія, здѣсь распѣвались зажигательныя пѣсни и канты. Такимъ образомъ произошло совершенное превращеніе первоначальнаго смысла и назначенія придорожныхъ крестовъ. Мы знаемъ, что они ведутъ свое начало отъ феодальнаго времени, когда въ р.-католическихъ странахъ западной Европы царили анархія, грабежи и разбои, когда не возможно было мирному путнику и торговцу проѣхать по дорогѣ безъ того, чтобы не подвергнуться нападенію и насилію со стороны какого нибудь полуголоднаго рыцаря. Церковь взяла подъ свое покровительство и защиту мирныхъ обывателей и тружениковъ и въ видѣ придорожныхъ крестовъ вездѣ устроила для нихъ мѣста убѣжища; у подножія крестовъ всякій пользовался безопасностью; относительно пріютившихся у креста путниковъ самый необузданный феодалъ принужденъ былъ сдерживать хищническіе инстинкты изъ опасенія подпасть церковной анаѳемѣ. Кресты были, такимъ образомъ, источникомъ мира. А въ западной Россіи буйная шляхта и политиканствующіе ксендзы обратили ихъ въ разсадникъ войны: у крестовъ страсти мятежниковъ не укрощались, а напротивъ еще болѣе возбуждались... Польско-католическая пропаганда въ западномъ краѣ, не смотря на кажущуюся тишь и гладь, отнюдь не дремлетъ, а усердно ведется на почвѣ литературной и религіозной. Въ то время, какъ разные графы Леливы стараются сбить съ толку даже русскую интеллигенцію, ксендзы усиливаются внушить, что западъ и югъ Россіи отъ моря и до моря — край искони польско-католическій. Для нагляднаго удостовѣренія такой фальши, именно, и служитъ латинскій обычай постановки на перекресткахъ крестовъ съ рельефными латинскими

изображеніями. Та или другая мѣстность сплошь занята православнымъ населеніемъ; но врѣзавшійся въ нее гдѣ нибудь панскій фольварокъ даетъ пріютъ горсти р.-католиковъ, которые, по указанію ксендзовъ, принимаютъ на себя „офяру" (обѣтъ) ставить кресты и по дорогамъ, пролегающимъ между православными деревнями. Мѣстность оказывается усѣянною латинскими крестами и, вслѣдствіе этого, сама выглядитъ какъ бы испоконъ вѣка р.-католическою. Ксендзы смѣло указываютъ на этотъ признакъ, а невѣжественный народъ имъ вѣритъ".

„Отсюда ясно, заключаетъ „Церковный Вѣстникъ", какую цѣль преслѣдуетъ правительственное распоряженіе, неодобрительно встрѣченное „Гражданиномъ",(по недоразумѣнію). Здѣсь вопросъ идетъ не о гоненіи, не о какомъ нибудь стѣсненіи религіозной совѣсти, а исключительно—о польско-католической пропагандѣ, избравшей обычай постановки крестовъ оружіемъ своихъ замысловъ. Можно было бы смущаться въ томъ случаѣ, еслибы приказано было убрать стоящіе уже на дорогахъ латинскіе кресты; но объ этомъ совсѣмъ нѣтъ рѣчи; воспрещено только ставить кресты вновь безъ разрѣшенія начальства. И воспрещеніе какъ нельзя болѣе благовременно: не будь его — воспрянувшая теперь польско-католическая пропаганда водрузила бы свое знамя на всемъ протяженіи русскаго православнаго края".

Въ виду политической неблагонадежности многихъ ксендзовъ или кандидатовъ на священство, каждый разъ, при новомъ назначеніи, требуется согласіе губернской власти. Циркуляромъ отъ 24 Іюня 1864 г., гр. Муравьевъ, сообщая подлежащимъ властямъ о Высочайшемъ повелѣніи, чтобы опредѣленіе ксендзовъ въ приходы Сѣверо-западнаго края отнюдь не было допускаемо безъ предварительнаго согласія на то начальниковъ губерній, предлагаетъ послѣднимъ о настоящемъ распоряженіи объявить епархіальному начальству для должнаго исполненія. „Отнынѣ, продолжаетъ циркуляръ, подъ строжайшею отвѣтственностію епархіальнаго начальства, ни одинъ изъ ксендзовъ губерніи не долженъ быть опредѣляемъ духовнымъ начальствомъ на должности декановъ, настоятелей приходовъ, викаріевъ, капеллановъ

и на другія какія либо мѣста безъ предварительнаго испрошенія епархіальнымъ духовнымъ начальствомъ согласія начальниковъ губерній на такое опредѣленіе, при чемъ епархіальное начальство обязано представлять (губернатору) положительное удостовѣреніе о совершенной благонадежности опредѣляемаго лица; изъявленіе же согласія на такое опредѣленіе со стороны начальника губерніи должно быть даваемо не иначе, какъ по надлежащей справкѣ и точномъ удостовѣреніи, *что назначаемое въ приходъ духовное лицо вполнѣ благонадежно въ политическомъ отношеніи*". Дальнѣйшее затѣмъ неусыпное наблюденіе какъ за вновь опредѣленными ксендзами, такъ и вообще за всѣмъ католическимъ духовенствомъ въ приходѣ возлагалось на обязанность уѣздныхъ начальниковъ, при чемъ требовалось обращать особенное вниманіе на то, чтобы въ приходахъ не было ксендзовъ и подобныхъ имъ лицъ (священо служителей) болѣе того числа, какое положено по штату, и о таковыхъ лицахъ доносить по начальству для дальнѣйшихъ распоряженій [1]).

Латинское духовенство много скомпрометировало себя дѣятельнымъ участіемъ въ революціонной агитаціи, а потому правительство, для возстановленія общественнаго спокойствія и порядка, требуетъ отъ р.-католическаго епископа большой осторожности при новомъ назначеніи кандидатовъ на священство и *рекомендуетъ ихъ въ политическомъ отношеніи*. Что тутъ обиднаго? „Нѣтъ, кричитъ гр. Лелива, это прямое упраздненіе основныхъ и краеугольныхъ преимуществъ епископа“.. Слишкомъ исключительны и оригинальны были бы преимущества разрѣшать сѣять крамолу и коварство! А что говорятъ бывшія до послѣдняго времени такъ называемыя презентаціи помѣщиковъ при назначеніи къ костеламъ въ ихъ имѣніяхъ священно-служителей? Это тоже варварство и угнетеніе?

Въ силу якобы стѣсненій, насилій и давленія со стороны администраціи, приходскій ксендзъ въ западномъ краѣ представляетъ изъ себя, по словамъ гр. Леливы, зрѣлище столь

[1]) Сборн. распор. гр. Муравьева—198.

жалкое и грустное, какого мы напрасно стали бы искать на континентѣ Европы въ продолженіи всего XIX вѣка (стр 109). Въ доказательство такого отчаяннаго положенія ксендзовъ гр. Лелива приводитъ съ передержками краткое указаніе (всего 13 строкъ) въ дѣйствительности очень подробнаго разслѣдованія дѣла по взаимнымъ навѣтамъ нѣсколькихъ ксендзовъ въ неисполненіи ими правительственныхъ распоряженій, о высылкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ административнымъ порядкомъ и оштрафованіи одного 25 рублями.

Гр. Лелива очень недоволенъ подобною самостоятельностію дѣйствій русскаго Правительства и „для прочности и устойчивости проводимыхъ мѣропріятій требуетъ непремѣннаго соглашенія съ папою, какъ съ главою римской церкви или съ епископами западнаго края и царства польскаго“ (стр. 110).

Мы уже твердо и ясно установили то положеніе, что во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни въ отношеніи къ русскому государству р.-католическая церковь должна строго и неуклонно сообразоваться съ русскими государственными постановленіями; глава римской церкви, а тѣмъ болѣе ея епископъ, не могутъ имѣть въ данномъ случаѣ въ Россіи при Самодержавной власти никакого рѣшающаго голоса.

Что, во всякомъ случаѣ, и папа, и епископы латинскіе въ Россіи поставляются въ извѣстность, при рѣшеніи вопросовъ, касающихся римской церкви въ Имперіи, это доказываетъ, странно сказать, нескончаемый вопросъ о введеніи русскаго языка въ дополнительное богослуженіе, который почему то такъ ненавистенъ латинянамъ и о которомъ спрашивали и митрополита, Гинтовта и епископа Гриневецкаго. Этимъ представителямъ слѣдовало бы посодѣйствовать правительству въ его разумныхъ задачахъ и цѣляхъ, похлопотать въ Римѣ объ исполненіи необходимыхъ формальностей; но они, не желая сближенія съ роднымъ государствомъ, оказали видамъ правительства полное противодѣйствіе и, странное дѣло, въ то время, когда всѣмъ дозволено славить Бога на родномъ языкѣ, одни *русскіе* латиняне въ западнорусскихъ губерніяхъ лишены этого права. Это тѣмъ прискорбнѣе, что гр. Лелива почему то считаетъ этотъ вопросъ

безповоротно осужденнымъ и навсегда отвергнутымъ. Utinam falsus esset.! [1]).

Между тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе даютъ себя чувствовать ненормальныя явленія устраненія изъ костеловъ русскаго языка. Укажемъ для примѣра на два циркуляра Люблинскаго р.-католическаго епископа кс. Ячевскаго подвѣдомственному ему духовенству о чтеніи Высочайшихъ манифестовъ въ костелахъ.

I.

„1 (13) ноября 1894 года № 1962. Вслѣдствіе распоряженія г. варшавскаго генералъ-губернатора, сообщеннаго телеграммой отъ 29 октября (11 ноября) с. г. за № 2.210, препровождая при семъ 20 экземпляровъ Высочайшаго манифеста о воспринятіи Ея Великогерцогскимъ Высочествомъ Принцессой Алисой Гессенскою православной вѣры, предлагаю вашему высокопреподобію сдѣлать распоряженіе объ обнародованіи сего манифеста на одномъ русскомъ языкѣ, по окончаніи Божественной службы (послѣ молитвъ за Царствующій Домъ, если таковыя предписаны на это воскресенье) во всѣхъ приходахъ ввѣреннаго вамъ деканата. *К. Ф. Ячевскій*".

---

[1]) Впрочемъ, въ новомъ своемъ произведеніи „О положеніи литовскаго народа въ русскомъ государствѣ" гр. Лелива уже отстаиваетъ для бѣлоруссовъ, малоруссовъ и литовцевъ *народный* языкъ въ дополнительномъ р.-католическомъ богослуженіи. Отсутствіе до сихъ поръ бѣлорусскаго, малороссійскаго и литовскаго языковъ въ богослуженіи онъ объясняетъ *неумѣніемъ* русскаго правительства взяться за дѣло располяченія костела. Графъ даже удивляется, почему это до сихъ поръ ни въ Виленской, ни въ Гродненской гимназіи не введено обученіе литовскому языку. На это можемъ отвѣтить графу: *первое*—ни въ Виленской, ни въ Гродненской гимназіи *нѣтъ* литовцевъ; второе и дальнѣйшее понятно само собой... Да и самъ графъ *совершенно справедливо* заявляетъ, что даже во время самаго цвѣтущаго состоянія литовскаго княжества (въ XVI ст.) въ Литвѣ говорили и писали исключительно по русски. За чѣмъ же теперь обучать кого то какому то литовскому языку. Гимназія не филологическій факультетъ!.

II.

„Ноября 25 (декабря 7) 1894 г. № 2.093. Достопочтенному духовенству подвѣдомственной намъ Люблинской епархіи.

„Настоящимъ распоряженіемъ нашимъ предписываемъ вамъ, возлюбленная во Христѣ братія, воздержаться отъ чтенія въ костелахъ Высочайшихъ манифестовъ на русскомъ языкѣ, еслибы таковые мѣстными административными полицейскими властями, вопреки дѣйствовавшимъ до послѣдняго времени правиламъ, были вамъ для этой цѣли присылаемы, въ виду того, что русскій языкъ для католическаго нашего населенія является недоступнымъ, почему Монаршая воля могла бы быть злонамѣренными лицами превратно толкуема, главнымъ образомъ (въ виду того), что, читая въ костелахъ актъ такой важности на языкѣ, народу непонятномъ, этимъ не исполнялась бы воля Монарха, Который, издавая манифестъ, желаетъ, конечно, быть понятымъ всѣми своими вѣрноподданными. Къ этому считаю нужнымъ присовокупить что чтеніе Высочайшихъ манифестовъ на языкѣ, до нынѣ не употреблявшемся въ нашихъ храмахъ, было бы введеніемъ въ церковную обрядность новой формы, къ чему вы, ни даже мы, какъ это вамъ извѣстно, не имѣемъ права.

„Высшія власти, къ которымъ мы по настоящему предмету обратились, надѣемся, представленія наши уважатъ и дозволятъ читать въ костелахъ Высочайшие манифесты и присягу, какъ это до сихъ поръ практиковалось, на польскомъ языкѣ, вполнѣ доступномъ католическому народу.

„Настоящее распоряженіе наше высокочтимые отцы деканы *не замедлятъ объявить* всему приходскому духовенству къ точному распоряженію и исполненію *К. Ф. Ячевскій.*"

Между изданіями перваго и втораго циркуляровъ прошло всего 25 дней, говоритъ въ „Моск.Вѣд." Варшавск. Старожилъ, а между тѣмъ, какая разница толкованій, какая противоположность во взглядахъ! Просто не вѣрится, чтобы они были написаны въ теченіе одного мѣсяца, однимъ и тѣмъ же лицомъ. Въ первомъ циркулярѣ предписывается объявить манифестъ на

одномъ русскомъ языкѣ; во второмъ, это чтеніе, на языкѣ, „въ католическихъ храмахъ до сего времени не употреблявшемся, является введеніемъ въ церковную обрядность новой формы“. Почему же католическій іерархъ 1 ноября считалъ себя въ правѣ вводить эту новую форму въ церковную обрядность, а спустя 25 дней заявляетъ, что не имѣетъ на это права? Едвали можно сомнѣваться, что такая перемѣна во взглядахъ епископа Люблинскаго могла произойти только вслѣдствіе давленій со стороны.

Чтеніе манифеста не составляетъ части богослуженія: это—объявленіе народу Царской воли, актъ гражданскій, и потому форма, въ которой онъ выраженъ, не можетъ считаться нарушеніемъ церковной обрядности. Въ виду этого думаемъ, что воспрещеніе епископа читать манифесты на русскомъ языкѣ основано не на каноническихъ правилахъ, а на побужденіяхъ политическаго характера, ничего общаго съ вопросомъ вѣры не имѣющихъ.

Вообще въ распоряженіяхъ здѣшнихъ католическихъ іерарховъ замѣтна большая разница по вопросу о чтеніи Высочайшихъ манифестовъ въ костелахъ. Куявско-Калишскій и Плоцкій епископы разрѣшили чтеніе манифеста о вступленіи нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора на престолъ въ костелахъ на русскомъ языкѣ. Люблинскій епископъ, послѣ личныхъ убѣжденій со стороны генералъ-губернатора, предложилъ духовенству прочесть манифестъ на русскомъ и польскомъ языкахъ. Епископъ Сандомірскій издалъ распоряженіе, чтобы манифестъ былъ прочтенъ только по-польски. Кѣлецкій епископъ разрѣшилъ чтеніе по-русски. Варшавскій архіепископъ, по настоянію генералъ-губернатора и „въ виду особой важности манифеста о вступленіи на престолъ“, разрѣшилъ чтеніе манифеста на обоихъ языкахъ; но въ послѣдствіи рѣшительно отказался предложить духовенству читать по-русски Высочайшій манифестъ о Священномъ Мѵропомазаніи Высоконареченной Невѣсты Его Императорскаго Величества.

Это разнообразіе въ распоряженіяхъ, касающихся одного и того же предмета, ясно доказываетъ что въ каноническихъ правилахъ не существуетъ категорическаго воспрещенія

читать Высочайшие манифесты въ римско-католическихъ церквахъ на языкѣ государственномъ и что упорство нѣкоторыхъ епископовъ истекало не изъ опасенія святотатственно нарушить церковную обрядность, а имѣло совершенно политическую подкладку.

Въ послѣдующихъ распоряженіяхъ здѣшнихъ католическихъ іерарховъ по тому же вопросу замѣчается больше единства. Такъ, напримѣръ, о чтеніи Высочайшаго манифеста отъ 14 ноября 1894 года въ разныхъ епархіяхъ послѣдовали слѣдующія распоряженія. Кѣлецкій епископъ, не задолго предъ тѣмъ предписывавшій читать манифесты на русскомъ языкѣ, на этотъ разъ предложилъ духовенству читать Высочайшій манифестъ только по-польски. Епископъ Сандомірскій объявилъ своему духовенству что чтеніе манифеста 20 октября было имъ допущено въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, но что на будущее время должны быть употребляемы въ костелахъ языкъ латинскій и мѣстное нарѣчіе. Такія же распоряженія сдѣлали епископы Плоцкій и Куявско-Калишскій, а также управляющій Сейнскою епархіей. Люблинскій епископъ лично возвратилъ губернатору полученные имъ русскіе экземпляры манифеста, съ поясненіемъ, что „русскій языкъ, кромѣ небольшаго числа лицъ, посѣщавшихъ учебныя заведенія, понимаютъ отчасти нѣкоторые гминные войты и лавники, но и они актовъ такого значенія, какъ Высочайшие манифесты, понять не въ состояніи."

Въ виду необходимости урегулировать столь важный вопросъ, Варшавскій генералъ-губернаторъ входилъ съ представленіемъ о необходимости возможно скорѣе выяснить „совершенно опредѣленнымъ правительственнымъ распоряженіемъ, коего неисполненіе сдѣлалось бы невозможнымъ для мѣстныхъ епископовъ", порядокъ объявленія Высочайшихъ манифестовъ въ католическихъ церквахъ.

Г. министръ Внутреннихъ Дѣлъ, внося этотъ вопросъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, предлагалъ слѣдующій порядокъ.

„По полученіи на мѣстѣ изъ Правительствующаго Сената текста Высочайшаго манифеста, для опубликованія во все-

общее свѣдѣніе, главное мѣстное или губернское начальство на окраинахъ Имперіи, въ мѣрѣ дѣйствительной необходимости и по числу церквей и молитвенныхъ учрежденій иностранныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій, само распоряжается переводомъ манифеста на мѣстные языки, черезъ имѣющихся въ его распоряженіи переводчиковъ и свѣдущихъ лицъ, и отпечатаніемъ въ потребномъ количествѣ экземпляровъ, для разсылки, чрезъ подлежащее духовное начальство, перевода одновременно съ русскимъ текстомъ, по церквамъ иностранныхъ исповѣданій, для прочтенія какъ перевода, такъ и подлиннаго текста, съ оставленіемъ того и другаго на храненіи при дѣлахъ церкви".

Правительствующій Сенатъ, принимая во вниманіе: 1) что чтеніе Высочайшихъ манифестовъ въ церквахъ имѣетъ цѣлью всенародное объявленіе ихъ, какая цѣль не достигалась бы при чтеніи манифестовъ только на языкѣ прихожанъ иностраннаго исповѣданія или большинству ихъ понятномъ; 2) что на основаніи 34 ст. и примѣч. къ ней I части I т. Основ. Зак. и къ присягѣ на вѣрность подданства каждый приводится по своей вѣрѣ и закону, и слѣдовательно, и на томъ языкѣ, на которомъ совершается богослуженіе его исповѣданія; 3) что въ законахъ нѣтъ указанія на необходимость чтенія Высочайшихъ манифестовъ въ церквахъ иностранныхъ исповѣданій исключительно на русскомъ языкѣ, а напротивъ, имѣются указанія на то, что на практикѣ Высочайшіе манифесты неоднократно разсылались на окраины въ переводахъ на мѣстные языки—*опредѣлилъ утвердить заключеніе министра Внутреннихъ Дѣлъ.*

Изъ этого опредѣленія явствуетъ, что Правительствующій Сенатъ признаетъ непремѣннымъ и необходимымъ чтеніе манифестовъ на государственномъ языкѣ, допуская вмѣстѣ съ тѣмъ вторичное чтеніе ихъ въ переводѣ на мѣстный языкъ. Казалось бы, что послѣ такого категорическаго разъясненія, при которомъ къ тому же приняты во вниманіе особыя условія нашихъ окраинъ, не можетъ быть никакихъ сомнѣній и что сенатское опредѣленіе будетъ именно тѣмъ правительственнымъ распоряженіемъ, „коего неисполненіе сдѣлалось бы невозможнымъ для польскихъ

епископовъ“. Но на самомъ дѣлѣ вышло иначе: опредѣленіе Правительствующаго Сената осталось мертвой буквой и чтеніе манифестовъ на русскомъ языкѣ въ католическихъ церквахъ Привислинскаго края теперь совершенно не практикуется. Ни на чемъ не основанное упорство польскаго духовенства одержало побѣду на этотъ разъ; а вѣдь извѣстно, какъ ободрительно дѣйствуетъ успѣхъ.

Неосновательнымъ упорство духовенства считаю по слѣдующей причинѣ, говоритъ Варшавскій Старожилъ. Польскіе епископы находятъ, что русскій языкъ большинству населенія непонятенъ; имъ не препятствуютъ, однако же, разрѣшать чтеніе манифестовъ на мѣстномъ языкѣ. Вмѣсто благодарности за такое снисхожденіе, они изгоняютъ русскій языкъ изъ костела, не заботясь о томъ, что могутъ найтись и несомнѣнно находятся лица, хорошо понимающія государственный языкъ и не знающія языка мѣстнаго. Это еще болѣе убѣждаетъ, что польскими епископами въ данномъ случаѣ руководитъ не опасеніе, чтобы Монаршая воля могла быть толкуема превратно злонамѣренными лицами, а соображенія, ничего общаго съ пастырскими обязанностями не имѣющія [1].

Предположеніе „Варшавскаго Старожила“ оправдывается сообщеніями изъ Западно-русскихъ окраинъ, гдѣ польскій языкъ употребляется въ костелахъ съ исключительною цѣлію полонизаціи края. Одинъ изъ корреспондентовъ „Новаго Времени“ (1896 г., № 7230) пишетъ:

„Въ статьѣ, напечатанной въ вашей газетѣ, подъ заглавіемъ *Русско-польскія отношенія* авторъ вступается за Жмудиновъ и Литовцевъ. Пора было бы вступиться и за русское населеніе римско-католическаго исповѣданія западныхъ и южно-русскихъ губерній, именно: Волыни и Подоліи, которое безпощадно передѣлывается римско-католическими ксендзами (этими убитыми, загнанными по гр. Леливѣ существами) въ поляковъ. Мнѣ, какъ иностранцу, случилось не разъ бывать въ этихъ губерніяхъ и присматриваться къ мѣстнымъ отношеніямъ. Часть населенія въ этихъ губер-

---

[1]) „Моск. Вѣдом.“, 1896 г., № 277.

ніяхъ, особенно по городамъ и мѣстечкамъ, римско-католическаго исповѣданія; но и эта часть коренная русская и говоръ ея русскій; только помѣщики римско-католическаго исповѣданія употребляютъ польскій языкъ. Между тѣмъ *ксендзы проповѣдуютъ въ римско-католическихъ церквахъ этому русскому населенію на польскомъ языкѣ*, убѣждая его тѣмъ, что оно *не русское*, а только польское. И неудивительно, что такого рода ложное воззрѣніе распространяется между простонародіемъ. Слѣдуетъ только зайти въ праздники и воскресеніе въ римско-католическую церковь, напр., въ городѣ Острогѣ. Тамъ толпится народъ и помѣщики, и всегда можно встрѣтить тамъ и православныхъ чиновниковъ, между тѣмъ православныя церкви во время богослуженія почти пусты. Простой народъ считаетъ поэтому римско-католическую вѣру не только высшею, но также вѣрою образованнаго сословія. Ксендзамъ же это на руку въ ихъ стремленіи передѣлывать русскихъ въ поляковъ. Пора бы добиться, чтобы въ этихъ губерніяхъ проповѣди и дополнительное богослуженіе римско-католическаго исповѣданія производилось на русскомъ языкѣ“.

Даже иностранца поражаетъ смѣлая, незаконная антирусская пропаганда ксендзовъ въ Россіи, а гр. Леліва вопитъ о притѣсненіи ихъ за вѣру, о преслѣдованіи римскаго католичества.

Въ письмѣ изъ Сѣверозападнаго края, которое легло въ основаніе статьи о русско польскихъ отношеніяхъ, упоминаемой иностранцемъ, разоблачаются отчасти махинаціи, употребляемыя польско-клерикальною партіей для ополяченія русско-литовскаго народа въ нынѣшней Ковенской губерніи. „*Притѣсненіе* польской народности въ этомъ русскомъ, отчасти литовскомъ, но всего менѣе польскомъ краѣ, состоитъ въ томъ, говоритъ „Новое Время“, что бѣлоруссы, литовцы и жмудины настойчиво и систематически передѣлываются въ поляковъ—сперва формально-юридически, посредствомъ надѣленія ихъ польскими фамиліями, при записи въ метрикахъ, а потомъ и духовно—чрезъ ксендзовъ, ревностныхъ (хотя и не всегда добровольныхъ) агентовъ полонизма, черезъ отправленіе дополнительнаго богослуженія

въ костелѣ и молитвословій на польскомъ языкѣ, черезъ духовную школу, гдѣ фактически происходитъ обученіе на польскомъ языкѣ, а русскій языкъ числится въ программѣ, оставаясь номинальнымъ предметомъ преподаванія. Вотъ что такое *притѣсненіе* польской народности въ Сѣверозападномъ краѣ,

„При всемъ желаніи, въ любой губерніи края нельзя найти поляковъ больше, говоритъ корреспондентъ „Новаго Времени", чѣмъ въ каждой изъ русскихъ губерній". Но если никому не придетъ въ голову хлопотать за угнетенный польскій народъ въ Московской губерніи, то отчего же объ этомъ хлопочутъ въ Сѣверозападномъ краѣ."

„Польскаго народа въ краѣ не существуетъ, но есть польскіе паны и есть ксендзы, которые на ряду съ католической религіей проповѣдуютъ несчастнымъ и совершенно сбитымъ съ толку жмудякамъ и другимъ литовскимъ, а частью русскимъ (бѣлоруссы) жителямъ края религію на польскомъ языкѣ, т. е. заставляютъ ихъ быть поляками. Задача правительства и администраціи заключается въ томъ, чтобы, разрѣшая здѣсь, какъ и вездѣ въ Россіи, молиться Богу по какому угодно обряду, не дозволять ксендзамъ передѣлывать Жмудь и Литву съ бѣлоруссами въ поляковъ, дать возможность этому вѣками сбиваемому съ толку народу успокоиться, жить и развиваться, не теряя своей народности. Чтобы сильнѣе и, такъ сказать, на вѣчныя времена, документально превратить жмудина въ поляка, ксендзы придумали очень остроумный способъ. Много лѣтъ, при крещеніи младенцевъ и записываніи ихъ въ метрическія костельныя книги, вмѣсто настоящей фамиліи крещаемаго вписывать польскую фамилію, напр. Шукисъ, а по метрикѣ Шукевичъ, Миколайтисъ—по метрикѣ Паллардъ, Гибужисъ—по метрикѣ Рацевичъ, Кузулисъ—по метрикѣ Буткевичъ, Кипчинъ—по метрикѣ Крижевичъ, Буткусъ—по метрикѣ Раковскій, Пикусъ—по метрикѣ Невидинскій и т. д., или приписываютъ къ настоящей фамиліи другую фамилію, ту же, но съ польскимъ окончаніемъ, или совершенно польскую, напр. Галисъ или Гранскій, Радносъ или Радзевичъ, Наркусъ или Наркевичъ, Девмосъ или Девольскій, Каркутисъ или Каршанскій, Ру-

чинисъ или Ручинскій, Левкасъ или Леоновичъ, Тильтинисъ или Лавлевичъ, Винцюнасъ или Криницкій, Рудисъ или Нецкевичъ и т. д. Отецъ ребенка ничего объ этомъ не знаетъ, но когда ребенокъ превращается въ взрослаго человѣка, его заносятъ въ призывные списки для отбыванія воинской повинности и онъ отправляется на военную службу или получаетъ свидѣтельство объ отбываніи воинской повинности, то въ первомъ случаѣ въ формулярѣ, а во второмъ въ свидѣтельствѣ отмѣчается воинскимъ присутствіемъ фамилія призываемаго по призывному списку и по метрикѣ такъ, что получается, какъ сказано выше: Рудисъ, а по метрикѣ Рутковскій, или Тильтинисъ, а по метрикѣ Лавлевичъ и т. д.; такимъ образомъ польская фамилія за нимъ узаконяется, а при дѣтяхъ его останется уже только одна польская фамилія, въ будущемъ образуется цѣлое поколѣніе жмудиновъ съ польскими фамиліями и считающихъ себя за настоящихъ поляковъ".

„Самая католическая и, слѣдовательно самая близкая польскому сердцу это Ковенская губернія. Но и тамъ польскій языкъ среди сельскаго населенія совершенно неизвѣстенъ: говорятъ по-жмудски, русски, латышски и нѣмецки (евреи). По-польски говорятъ только поляки помѣщики и тѣ изъ жмудиновъ и литвиновъ, которые долго служили у помѣщиковъ-поляковъ, или у ксендзовъ, или при костелахъ и тамъ усвоили себѣ польскую рѣчь. Также точно жмудяки, служащіе у русскихъ, скоро выучиваются по-русски, но за это бываютъ лишаемы ксендзами причастія."

„Католическое духовенство здѣсь, какъ подтверждаетъ и самъ Лелива, состоитъ исключительно изъ тѣхъ же жмудиновъ—мѣстныхъ уроженцевъ, но они говорятъ только по-польски и по необходимости по-жмудски, а съ русскими чиновниками, которыхъ почему-либо опасаются, говорятъ по русски, со всѣми же остальными русскими и даже священниками, на русскую рѣчь отвѣчаютъ по-польски.

„Въ губернскихъ католическихъ семинаріяхъ преподаютъ языки польскій и русскій, который существуетъ только въ программѣ. Весьма понятно, что въ этомъ краѣ слѣдуетъ ксендзамъ знать по-русски, потому что край этотъ состав-

ляетъ часть Россіи, а государственный языкъ необходимъ каждому; было бы понятно, еслибъ въ семинаріахъ изучали языки жмудскій, литовскій и бѣлорусскій, такъ какъ это языки массы, массы католическаго населенія края; но для чего здѣсь изучать польскій языкъ, становится совершенно непонятнымъ. Мало того, само преподаваніе въ семинаріяхъ, противозаконно, ведется на польскомъ языкѣ,—конечно, это тщательно скрывается. Выходитъ, будто само правительство въ жмудскомъ и бѣлорусскомъ краѣ поощряетъ введеніе польскаго языка и обобщаетъ его съ католичествомъ".

„Привожу примѣръ, говоритъ корреспондентъ „Новаго Времени", лично провѣренный. Жмудинъ Бактисъ, говорящій только по-жмудски... волости... уѣзда, поступилъ въ церковно-приходскую школу, окончилъ ее изъ первыхъ, выучился отлично русской грамотѣ и бѣгло говоритъ по-русски, пробылъ послѣ того пять лѣтъ въ солдатахъ, а потомъ поступилъ въ католическую семинарію въ... По выходѣ изъ семинаріи былъ посвященъ въ ксендзы... въ уѣздъ и недавно встрѣтившись съ своимъ бывшимъ учителемъ по церковно-приходской школѣ, уважаемымъ священникомъ, отцомъ... по-русски говорить отказался, говоритъ забылъ, а можетъ зато говорить по-польски. Такихъ примѣровъ можно привести тысячи. Живутъ ксендзы очень хорошо, у каждаго найдете отличный столъ и вина, что далеко нельзя сказать про наше, въ большинствѣ случаевъ, бѣдное православное духовенство".

„Нетерпимы ксендзы по отношенію православныхъ до крайности, особенно молодые, окончившіе образованіе послѣ назначенія епископовъ въ краѣ. Вообще съ назначеніемъ епископовъ католическое духовенство стало гораздо энергичнѣе распространять польскую вѣру. Неоднократно случалось наблюдать, что самъ ксендзъ по натурѣ простой добрый жмудинъ, радъ бы душой бросить политику и жить тихо, мирно, занимаясь своими обязанностями, но онъ не смѣетъ, потому что епископъ, гроза и главный факторъ введенія польской вѣры, зорко слѣдитъ за малѣйшими отступленіями отъ общаго плана и за сближеніемъ съ православными". (*Новое Время 1896 г. № 7205*).

Противодѣйствіе русской власти такимъ насиліямъ и является въ глазахъ польско-клерикальной партіи гоненіемъ за вѣру, преслѣдованіемъ.

Графа Леливу особенно возмущаютъ штрафы, налагаемые на ксендзовъ за нарушеніе различныхъ административныхъ распоряженій; но тутъ же гр. Лелива находитъ и утѣшеніе, что „весьма нерѣдко эти штрафы уплачиваются прихожанами оштрафованныхъ".

Избавиться отъ штрафовъ очень легко: необходимо только исполнять установленныя распоряженія администраціи. Тогда, будемъ говорить остроумнымъ слогомъ гр. Леливы, изчезнутъ „неокладные сборы съ латинскаго исповѣданія въ западномъ краѣ". Виноваты ксендзы, если они допускаютъ эти „своеобразные, косвенные, государственные налоги": за свой проступокъ заставляютъ платить ни въ чемъ не повинныхъ своихъ прихожанъ.

Но римско католическое духовенство, подъ видомъ необходимаго сбора на возобновленіе и починку костеловъ, монастырей и плебаній, самовольно возвышало обыкновенные сборы съ крестьянъ въ свою пользу и на другія секретныя личныя надобности. Противъ такого вопіющаго стремленія римско-католическаго духовенства мѣстныя власти принимали свои мѣры [1]. Но и это должно считаться, по мнѣнію гр. Леливы, ограниченіемъ правъ и угнетеніемъ римско-католической церкви. Намъ говорятъ: „вы закрываете костелы, изгоняете ксендзовъ"...! Да! Но какіе закрываются костелы, и какіе ксендзы подвергаются наказаніямъ — вотъ вопросъ.

Есть костелы и монастыри совершенно излишніе за недостаткомъ прихожанъ или оскудѣніемъ монашествующихъ: ихъ закрываютъ. Есть костелы и монастыри, гдѣ исключительно занимались совращеніемъ православныхъ; не смотря на неоднократныя предостереженія виновныхъ со стороны властей о противозаконности подобной дѣятельности, она все таки продолжалась; для ея прекращенія потребовалось

[1]) Сборн. распор. гр. Муравьева—292.

закрыть убѣжища государственныхъ преступленій. Есть, наконецъ, костелы и монастыри, которые объявили себя мѣстомъ для склада оружія, въ которыхъ созидалась государственная измѣна, писались революціонныя воззванія, говорились зажигательныя проповѣди, находили пріютъ мятежники, пѣлись революціонные гимны: такіе костелы и монастыри, ipso facto, отказались отъ своего назначенія, уклонились на путь неправды и подлежали закрытію. Смѣемъ увѣрить гр. Леливу, что и на будущее время подобные костелы и монастыри будутъ закрываться.

И Господь изъ храма Іерусалимскаго изгонялъ торгующихъ и купующихъ; и Онъ—Всемилостивый—обѣщалъ отнять у недостойныхъ дѣлателей виноградникъ и отдать его инымъ, болѣе достойнымъ. Чѣмъ же лучше этой беззаконной купли и продажи та шутовская комедія, съ барабаннымъ боемъ, карауломъ изъ двадцати человѣкъ и хоромъ музыки, которая была устроена, напр., 17 Апрѣля 1894 г. въ Гирдышскомъ приходскомъ костелѣ (Ковенской губ., Россіен. уѣзда) у плащаницы? Всѣ участвующіе въ комедіи были въ „мундирахъ" или „пиджакахъ", имѣли бѣлые штаны, на головахъ бумажныя шапки, на подобіе военныхъ, (въ нихъ стояли и въ костелѣ), черезъ плечо бумажныя ленты, на спинѣ что то въ родѣ военной аммуниціи, на плечахъ бумажные эполеты, а въ рукахъ, вмѣсто сабель, окрашенныя деревянныя палки, перевязанныя ленточками [1]. Въ одно время тоже продѣлывалось и въ Бейсагольскомъ костелѣ [2]. Не лучше и то, когда ксендзъ для увеличенія недозволенныхъ денежныхъ сборовъ приглашаетъ своихъ прихожанъ съ церковной каѳедры усиленно брать билеты на лоттерею, въ которой онъ, якобы ad majorem Dei gloriam, разыгрываетъ лошадь [3]. Еще хуже, когда ксендзъ пускаетъ въ народъ завѣдомо сенсаціонныя свѣдѣнія, убѣждая напр., своихъ прихожанъ не ходить въ православную церковь 6-го

---

[1]) Донес. Ковен. Губернат. отъ 8 го Ноября 1894 г. № 15105.

[2]) Ковен. губ. Шавельск. уѣзда; донес. отъ 8 Нояб. 1894 г. № 15076.

[3]) А передъ тѣмъ разыгралъ сапоги и гармонику. Донес. Ковенскаго Губерн. 22 Ноября 1894 г. № 15682.

Декабря (1889 г.), такъ какъ въ этотъ день русскіе будто бы намѣрены обратить ихъ въ свою вѣру, а латинскія книги — кантычки, алтарики — сжечь [1]). Ксендзъ Задорожскаго костела (Дисн. у. Вилен. губ.) распространялъ между сосѣдними латинскими приходами, что правительство (русское) въ настоящее время (1893 г.) само сознаетъ преимущество латинской религіи передъ православною, что скоро настанутъ еще лучшія времена, что онъ ксендзъ лично знакомъ съ Государемъ Императоромъ, и даже обѣдалъ вдвоемъ съ Его Величествомъ [2]). Въ 1893 году въ Кѣлецкой латинской семинаріи обнаруженъ актъ, подписанный восемью ксендзами [3]), обязавшимися съѣзжаться ежегодно для цѣлей, которыя будутъ опредѣлены на первомъ съѣздѣ. Въ томъ же актѣ записано постановленіе, возлагающее на всѣхъ участниковъ съѣзда обязательство давать по 40 руб. тому изъ членовъ съѣзда, который волею судебъ будетъ заключенъ въ монастырь или сосланъ [4]). Кромѣ того, тутъ же у одного изъ подписавшихся обнаружена программа воззванія, въ которой въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицаются распоряженія правительства и совѣтуется вести въ семинаріяхъ воспитаніе въ антиправительственномъ духѣ съ тѣмъ, чтобы со временемъ избавить народъ отъ яда привязанности къ русскому правительству [5]).

Подлежащія начальства требуютъ отъ всѣхъ учащихся, чтобы въ высокоторжественные дни они посѣщали православные храмы и тамъ возносили бы молитвы о здравіи Августѣйшаго Монарха, всего царствующаго дома и процвѣтанія общаго отечества Россіи; а латинскій епископъ даетъ ксендзамъ законоучителямъ и духовникамъ учениковъ прямое приказаніе внушать учащимся не ходить въ право-

---

[1]) Донес. Ковен. Губерн. отъ 27 Марта 1890 г. № 2805.

[2]) Донес. Вилен. Губерн. отъ 29 Іюля 1893 г. № 1818.

[3]) Въ томъ числѣ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ епископа Паллюліона.

[4]) Мудрая предусмотрительность: чувствовали ксендзы, что дѣло затѣваютъ они, очевидно, недоброе и по головкѣ за него ихъ не погладятъ.

[5]) Донес. Ковен. Губерн. отъ 26 Августа 1893 г. № 10671.

славные храмы, разъяснить имъ, что посѣщающіе православную службу совершаютъ тяжкій грѣхъ, что исполнившій распоряженіе начальства и дерзнувшій итти въ церковь не будетъ въ слѣдующій разъ разрѣшенъ отъ грѣховъ, и какъ тяжкій грѣшникъ будетъ лишенъ причастія. Даже въ школьной молитвѣ за Государя нѣкоторые ксендзы подѣлали сокращенія, исключивъ слова: „укрѣпляй Его (Государя) своею премудростію и силою, чтобы Онъ царствовалъ во славу нашего отечества—Россіи, и направляй нашу жизнь такъ, чтобы мы, служа Ему вѣрно, постоянно стремились ко благу нашего русскаго государства". (Дѣло канц. Вилен. Генералъ-Губерн. № 98, стр. 175). Исключенныя прибавки относятся, по мнѣнію нѣкоторыхъ ксендзовъ, единственно къ православнымъ и евреямъ: латиняне повинуются папскому престолу.

Много еще можно было бы указать подобныхъ явленій изъ жизни римско-католическаго духовенства и всѣ они многосторонне разслѣдованы и завѣрены на мѣстѣ.

Окончательно убѣждаешься въ одномъ, что преступность многихъ ксендзовъ слишкомъ велика и что безспорно, они никакъ не должны быть терпимы: рѣшительно необходимо или штрафовать ихъ или и совершенно удалять съ приходовъ. Въ данномъ случаѣ наказуется, преслѣдуется, изгоняется преступность, а не религія, не національность.

Графъ Лелива съ компаніей въ фактахъ подобной „нетерпимости" со стороны русскаго правительства видитъ угрозу лишить римско-католическое населеніе „духовной жизни, религіознаго ободренія, утѣшенія". Съ польско-революціонной точки зрѣнія—да, и было бы дерзостью защищать чиновниковъ, врывающихся въ святая святыхъ души „иновѣрческаго вѣрноподданнаго населенія".

„Но дѣло, къ сожалѣнію, обстоитъ не такъ просто, говоритъ по этому поводу „Свѣтъ". Римскій католицизмъ, являясь вездѣ религіею воинствующею и преслѣдующею очень часто исключительно политическія цѣли, въ глазахъ русской власти никогда не теряетъ этихъ своихъ особенностей. Отсюда ясно, что многія изъ заявленныхъ ими претензій и желаній проистекаютъ не только изъ религіознаго чувства, но также

изъ соображеній, ничего общаго съ нимъ не имѣющихъ. Трудность задачи, преслѣдуемой русскою администраціею въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ томъ то и заключается, что съ одной стороны она не должна насиловать совѣсть и стѣснять римско-католическое населеніе во всемъ, касающемся религіознаго чувства, съ другой же—обязана слѣдить, чтобы религіей и ея высокими требованіями не прикрывались вожделѣнія противогосударственнаго характера".

„Было бы недостойно русской печати проповѣдывать племенную и религіозную нетерпимость; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что нужно цѣликомъ брать подъ защиту революціонныя польскія домагательства (какъ дѣлаютъ это нѣкоторые русскіе органы печати), и тратить пламенное краснорѣчіе, не справившись даже съ подлиннымъ значеніемъ того или иного, съ виду „возмутительнаго факта".

„Не желая напрасныхъ утѣсненій римско-католиковъ, мы не должны желать и явнаго ущерба себѣ. Интересы обитающихъ въ Россіи инородцевъ заслуживаютъ удовлетворенія въ той мѣрѣ, въ какой не противорѣчатъ интересамъ общегосударственнымъ. Кажется эта истина простая и безспорная". (*Свѣтъ 1896 г., № 114*).

Необходимость провозглашенія этого принципа: „Россія для русскихъ", вызвана всею нашею предшествовавшею исторіею. Въ иностранной политикѣ мы прежде всего думали только о другихъ. Примѣненіе формулы: „Россія для русскихъ", говоритъ „Новое Время" (№ 7302), въ международныхъ нашихъ отношеніяхъ въ короткое время подняло значеніе Россіи на высоту небывалую и дало ей силу и разумъ, при сравнительно малыхъ усиліяхъ достигнуть того, что составляетъ славу царствованія Императора Александра III".

И во внутреннихъ дѣлахъ мы слишкомъ много думали объ инородцахъ, надѣляя ихъ правами и привиллегіями въ ущербъ государственному центру. „Завершивъ многовѣковую упорную и страшную трудную борьбу на сѣверѣ и на западѣ Россіи, мы начинаемъ съ того, что на облитыхъ русскою кровью окраинныхъ территоріяхъ учреждаемъ почти независимыя Великое Княжество Финляндское и Царство Польское, даемъ этимъ государствамъ либеральныя конституціи

при господствѣ у самихъ крѣпостнаго права, даемъ имъ представительныя учрежденія, содержимыя не безъ пособій нашей казны, на свой счетъ устраиваемъ имъ высшія и низшія школы, имѣя у себя таковыхъ самое ничтожное количество, и почти приказываемъ, чтобы въ этихъ школахъ и не пахло русскимъ духомъ". Въ западныхъ искони русскихъ областяхъ дошло даже до того, что „полонизмъ, который не имѣлъ тамъ никакого успѣха при нахожденіи ихъ подъ владычествомъ Рѣчи Посполитой, сдѣлалъ весьма значительные успѣхи именно въ нынѣшнемъ столѣтіи". „Формула „Россія для русскихъ", заключаетъ „Новое время", явилась какъ отвѣтъ на формулы, провозглашенныя намъ съ окраинъ: Кавказъ не для русскихъ, Финляндія не для русскихъ, Прибалтійскій край не для русскихъ (Западно-русскій край не для русскихъ) и т. п. И пока существуютъ эти формулы, формула: *Россія для русскихъ*, должна сохранять для насъ полную свою жизненность". *(Ср. Варш. Дн. 1896 г. №№ 166 и 168, Записка Императора Николая о польскомъ вопросѣ, Р. Вѣстн. 1896 г. и Варш. Дн. 1896 г. № 165).*

Борьба, которую выдерживаетъ русское государство на своей западной окраинѣ съ революціоннымъ теченіемъ, исходящимъ изъ нѣдръ римско-католическихъ сферъ, совершенно понятна Европѣ.

„Обратите вниманіе на положеніе римскаго католицизма въ католическихъ государствахъ, какъ Франція и Италія и сравните его съ нашимъ. Римско-католическія государства дѣйствительно гонятъ римскій католицизмъ, закрываютъ церкви и монастыри, изгоняютъ монаховъ, отбираютъ у церквей имущество и всякій, кто бывалъ во Франціи и Италіи, знаетъ, съ какою грубостью все это дѣлается. А дѣлается это потому, что всюду римскій католицизмъ дѣйствуетъ враждебно противъ государства и это его отличительная черта. Въ Россіи же римскій католицизмъ не только не гонится (какъ мы уже говорили), но такъ сказать разжирѣлъ на государственныхъ харчахъ". *(„Свѣтъ" — 1896 г. № 157).*

Оттого и кричитъ онъ, что ему тѣсно и, не желая подчиниться требованіямъ государственной власти, учитъ и

другихъ неповиновенію. Такія печальныя явленія имѣли мѣсто въ Ковенской гимназіи, Поневѣжскомъ реальномъ училищѣ и нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ ксендзы, во имя какихъ то необязательныхъ для русской администраціи каноновъ своей церкви, внушали ученикамъ и просто требовали отъ нихъ прямаго ослушанія обязательнымъ для всѣхъ учащихъ и учащихся распоряженіямъ учебной власти. Терпимы ли подобные законоучители въ учебныхъ заведеніяхъ? А необходимое ихъ устраненіе отъ должности для возстановленія законнаго порядка въ теченіи жизни учебнаго заведенія снова вызываетъ крики и вопли объ „угнетеніи“, „насилованіи совѣсти“, „о систематическомъ устраненіи римско-католическаго духовенства отъ преподаванія въ школахъ закона Божія“.

Послѣднее обвиненіе спеціально направлено на Привислинскій край, почему и поспѣшилъ ему отвѣтомъ „Варшавскій Дневникъ“ (*1896 г. № 114*).

„Постановленіемъ Комитета Министровъ, утвержденнымъ 16 Марта 1892 года предоставлено сельскимъ обществамъ право ходатайствовать о замѣщеніи должности законоучителей въ гминныхъ и сельскихъ начальныхъ училищахъ мѣстными приходскими священниками; но таковыхъ ходатайствъ съ Марта 1892 г. по настоящее время (Май 1896 г.) поступило всего 94, а слѣдовательно [illegible] общества довольствуются [illegible] учителями, либо [illegible] законоучителями закона Божія [illegible] предположеніе [illegible] подтверждается фактами [illegible] предпочитаютъ [illegible] въ костелахъ. [illegible] училищахъ. Дома [illegible] стѣсненными. [illegible] часть „Варшавскаго [illegible] устраненіи [illegible] начальствомъ [illegible] въ начальныхъ училищахъ“.

Съ тѣмъ вмѣстѣ „Петербургскія Вѣдомости“ поставили въ укоръ администраціи Привислинскаго края лишеніе якобы учениковъ римско-католиковъ возможности проводить праздники Рождества Христова и Св. Пасхи въ своихъ семьяхъ вслѣдствіе того, что въ „1881 году попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа Апухтинымъ была сдѣлана попытка ввести въ учебныхъ заведеніяхъ края старый стиль. „Варшавскій Дневникъ“ представляетъ данныя, что старый стиль введенъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ Привислинскаго края ранѣе 1881 года и притомъ задолго до назначенія А. А. Апухтина попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа. Въ 1881 году, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 15 Мая 1881 года, послѣдовало упорядоченіе вопроса о неприсутственныхъ и неучебныхъ дняхъ въ Привислиньѣ. Высочайшее повелѣніе отъ 15 Мая 1881 года, освободивъ служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ Привислинскихъ губерній отъ занятій въ извѣстные праздники, по новому стилю, предоставило Министру Народнаго просвѣщенія примѣнить эту мѣру къ учебнымъ заведеніямъ Привислинскаго края. Вслѣдствіе этого, министерствомъ народнаго просвѣщенія было предложено попечителю Варшавскаго учебнаго округа составить перечень неучебныхъ дней и установить сроки для рождественскихъ и пасхальныхъ каникулъ. Въ Декабрѣ того же 1881 года, министръ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, утвердилъ представленіе по этому предмету попечителя Варшавскаго учебнаго округа, и съ этого времени въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Привислинскаго края, въ которыхъ большинство учениковъ составляютъ римско-католики, всѣ учащіеся освобождаются отъ занятій въ слѣдующіе дни по новому стилю: въ день Новаго года, Срѣтенія Господня, свв. Ап. Петра и Павла, Успенія Пр. Богородицы, Благовѣщенія, Вознесенія, въ Духовъ день, день Божьяго тѣла, Рождества Пр. Богородицы, Всѣхъ Святыхъ и Непорочнаго Зачатія. Затѣмъ въ 1882 году установленъ порядокъ посѣщенія учащимися богослуженія въ день св. Станислава, въ первый день великаго поста (попелецъ) и въ день поминовенія усопшихъ 21 Октября. На

Рождество учащіеся распускаются 11 Декабря по старому стилю и являются на уроки 2 Января, на Пасху—въ среду на пасхальной недѣлѣ; кромѣ того, для говѣнія (реколлекцій) всегда назначаются послѣдніе дни шестой недѣли и первые страстной, при чемъ учащимся, родители коихъ живутъ не въ мѣстахъ ученія, разрѣшается уѣзжать къ родителямъ и говѣть вмѣстѣ съ ними. Ученики римско-католики тѣхъ сравнительно немногихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преобладаютъ православные, освобождаются отъ уроковъ наравнѣ съ учениками — римско-католиками учебныхъ заведеній съ преобладающимъ католическимъ составомъ учащихся. И такъ, заключаетъ Варшавскій Дневникъ, въ чемъ же выражается насилованіе религіознаго чувства учениковъ римско-католиковъ? Ужъ не въ томъ ли, что они освобождаются отъ уроковъ въ двунадесятые праздники и по календарю стараго стиля? Гдѣ же основаніе утверждать, что ученики римско-католики лишены возможности проводить въ своихъ семьяхъ праздники Рождества Христова и св. Пасхи, если на рожденственскія каникулы они распускаются болѣе чѣмъ на три недѣли, а на пасхальныя на двѣ, включая время для говѣнія?" (*Варш. Дневн. 1896 г. № 114*).

С.-Петербургскія Вѣдомости (1896 г., № 149) сказали и другую неправду по адресу учебной администраціи Привислинскаго края, по поводу якобы стѣсненія польской молодежи относительно изученія польскаго языка. Они заявляютъ:

1) „Сдѣлано распоряженіе, чтобы польскій языкъ, начиная съ элементарныхъ школъ, преподаваемъ былъ на русскомъ языкѣ, съ воспрещеніемъ употребленія съ преподавательской каѳедры языка, составляющаго самый предметъ преподаванія. Въ виду подобнаго распоряженія положеніе учащихся и особенно учащихъ просто безвыходно, и нѣкоторые преподаватели польскаго языка лишались (будто бы) мѣста за самое ничтожное, вынужденное необходимостью уклоненіе отъ этого невозможнаго и противоестественнаго требованія Нужно замѣтить, что требованіе это не было предписано формально, хотя на практикѣ исполнялось неукоснительно. Шагъ этотъ сдѣланъ былъ наконецъ инспекторомъ училищъ

г. Варшавы, который 22 октября 1883 года циркуляромъ своимъ за № 1803 прямо уже предписалъ всѣмъ подвѣдомственнымъ ему учебнымъ заведеніямъ, чтобы преподаваніе языковъ французскаго, нѣмецкаго и польскаго происходило непремѣнно на русскомъ языкѣ".

2) „Воспрещено при преподаваніи исторіи польской литературы употреблять какое бы то ни было руководство или учебникъ. Временно разрѣшено было пользоваться только христоматіей Вержбовскаго (проф. Варш. Унив.), которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить собою учебника исторіи литературы, но и это учебное пособіе изъято теперь изъ употребленія въ классахъ, будто бы вслѣдствіе помѣщеннаго въ немъ какого-то сомнительнаго стихотворенія. Безъ учебника преподаваніе немыслимо, составлять же записки преподавателямъ строжайше воспрещено: что же остается дѣлать учащимъ и учащимся?"

3) Вопросъ этотъ рѣшенъ очень просто. Приказано преподаваніе польскаго языка ограничить исключительно переводами по христоматіи Дубровскаго съ польскаго языка на русскій".

„Такимъ образомъ, заключаютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости", польскій языкъ и исторія польской литературы, какъ предметы преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа, административными мѣрами упразднены, вопреки Высочайшей волѣ и прямому смыслу правительственныхъ распоряженій".

„Слушайте и читайте, кричитъ по этому поводу заграничная польская печать, какъ притѣсняется въ Россіи польская народность"!... (*Варш. Дневн. 1896 г., № 147*).

А все притѣсненіе и заключается только въ неосновательныхъ, а то и просто выдуманныхъ заявленіяхъ „Петербургскихъ Вѣдомостей". Это разоблачаетъ намъ „Варшавскій Дневникъ" съ документами въ рукахъ. Онъ прямо называетъ *выдумкой* то заявленіе, не соотвѣтствующее дѣйствительности, будто по распоряженію Варшавскаго попечителя „польскій языкъ, начиная съ *элементарныхъ* школъ, долженъ быть преподаваемъ на русскомъ языкѣ".

„Ни г. Апухтинъ, ни одинъ изъ начальниковъ учебной дирекціи не могли бы осуществить подобную мѣру, такъ какъ существуетъ вполнѣ точное и опредѣленное узаконеніе, регулирующее данный вопросъ. Въ Высочайше утвержденномъ 5 Марта 1885 года мнѣніи Государственнаго Совѣта о начальныхъ училищахъ сказано слѣдующее: „во всѣхъ *народныхъ* училищахъ преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ закона Божія иностранныхъ исповѣданій и природнаго языка учащихся, которые *могутъ быть* преподаваемы также и на семъ послѣднемъ языкѣ". Оказывается, что положеніе учащихъ и учащихся далеко не безвыходно. „До какой степени авторъ („Петерб. Вѣдом.") не стѣсняется въ подборѣ доказательствъ, можно судить по слѣдующему примѣру. Для вящшаго убѣжденія читателей въ достовѣрности своихъ выводовъ, онъ, между прочимъ, ссылается на 3-й пунктъ циркуляра г. попечителя округа отъ 12 марта 1882 года за № 2570. По сдѣланнымъ нами справкамъ оказывается, продолжаетъ „Варшавскій Дневникъ", что въ циркулярѣ попечителя по округу за Мартъ мѣсяцъ 1882 года опубликовано одно только Высочайшее повелѣніе 3 Февраля 1882 года, касающееся польскаго языка, именно: объ отпускѣ 3160 руб., на счетъ коихъ должны быть добавлены въ одиннадцати гимназіяхъ округа, въ которыхъ преподается польскій языкъ, по пяти уроковъ этого языка, и въ трехъ реальныхъ училищахъ по 8 уроковъ этого предмета, и что въ этомъ циркулярѣ нѣтъ даже третьяго пункта, а въ первыхъ двухъ говорится со всѣмъ не о томъ, о чемъ пишетъ авторъ". „Какъ вамъ нравится этотъ пріемъ, къ сожалѣнію, съ такимъ успѣхомъ уже примѣненный гр. Леливою. Читавшіе его брошюру, между прочимъ, говорили: „Помилуйте, онъ ссылается не только на числа, но и на номера бумагъ". Но давалъ ли кто себѣ трудъ провѣрить достовѣрность этихъ ссылокъ?" [1]).

---

[1]) Замѣчаніе очень серьезное! Предположеніе фальшивости *многихъ* свѣдѣній, сообщаемыхъ гр. Леливою, имѣетъ для себя основаніе въ той развязности, съ которою выдаются за достовѣрное факты, завѣдомо ложные, которые можно провѣрить. Въ новомъ своемъ произведеніи „о состояніи

Относительно воспрещенія якобы употреблять съ преподавательской каѳедры польскій языкъ, составляющій самый

литовскаго народа въ русскомъ государствѣ" графъ, напр., говоритъ: *„въ 1574 году* была основана въ Вильнѣ *академія наукъ*". Это неправда! *„Въ 1894 году* напечатанъ *XVIII* томъ изданій Виленской археографической коммиссіи *съ постановленіями литовскаго трибунала*". Все подчеркнутое— неправда! Чацкаго и Колонтая графъ дѣлаетъ учениками Виленскаго университета для своихъ цѣлей; опять неправда! Чацкій въ годъ преобразованія Виленскаго университета изъ Виленской академіи (1803-й г.) былъ назначенъ визитаторомъ школъ губерній Кіевской, Волынской и Подольской, имѣя уже тридцать восемь лѣтъ отъ роду; Колонтай—б. ректоръ Краковской академіи, министръ финансовъ при Костюшкѣ, съ 1802 года освобожденный изъ австрійской тюрьмы, жилъ въ Кременцѣ или Порицкѣ у Чацкаго въ имѣніи (близъ Кременца—Волынской губ.), съ которымъ работалъ по переустройству русскихъ школъ въ юго-западныхъ губерніяхъ на польскій ладъ. У гр Леливы *русскіе раскольники вмѣстѣ съ кн. Курбскимъ, кн. Острожскимъ* бѣгутъ въ Литву просить защиты *отъ гнѣва Іоанна Грознаго:*—все переврано! Графъ ставитъ въ упрекъ археологическому Виленскому Съѣзду въ *1894* году (неправда!), что онъ не вспомнилъ о замѣчательномъ западнорусскомъ дѣятелѣ Львѣ Сапѣгѣ и его гробницѣ въ б. Михайловскомъ костелѣ. Напрасное обвиненіе! Съѣздъ очень хорошо помнилъ о Львѣ Сапѣгѣ, осматривалъ его гробницу и даже по этому поводу возбуждена была переписка. Оказалось, что Левъ Сапѣга подготовилъ для Россіи смутное время, истерзалъ ее самозванцами и самъ не прочь былъ захватить *для себя* Московскій престолъ.... Едва ли, послѣ этого, Левъ Сапѣга заслуживаетъ благодарности со стороны русскихъ людей и русскаго археологическаго Съѣзда! Оставляемъ многіе другіе промахи гр. Леливы и напомнимъ только о направленіи писаній гр. Леливы съ К°.

Любимою ихъ темой служитъ собираніе и нанизываніе фактовъ злоупотребленія и ошибокъ русскихъ чиновниковъ. Комментируя на всѣ лады явленія подобнаго рода, дѣйствительныя или мнимыя, эти писатели впадаютъ въ паѳосъ и заявляютъ: „Такова Россія! Возможно ли общеніе съ нею! Можетъ ли сліяніе съ ней обезпечивать сохраненіе и ростъ культуры?... Но развѣ, скажемъ словами г. Яроша, встрѣчающіеся иногда плохіе чиновники—Россія? Нужно проникнуться насквозь ребяческою придирчивостью, нужно не имѣть ни капли справедливости, чтобы не видѣть, что печальныя явленія упомянутаго рода, когда онѣ случаются на самомъ дѣлѣ, представляютъ собою не выраженіе интересовъ, цѣлей и идеаловъ Россіи, а истинное ея горе. Сквозники-Дмухановскіе, Держиморды, Помпадуры и имъ под. нигдѣ такъ не бичуются, какъ въ русской литературѣ, въ русскомъ общественномъ мнѣніи. Прочтите Гоголя, Грибоѣдова, Щедрина и увидите. . .

предметъ преподаванія, „Варшавскій Дневникъ" приводитъ слѣдующую справку.

„Въ Высочайшемъ повелѣніи 1 Мая 1869 года сказано: „Во всѣхъ гимназіяхъ мужскихъ и женскихъ, въ коихъ, по Высочайшему повелѣнію 10 Февраля 1868 года, введено преподаваніе физико-математическихъ и историческихъ предметовъ на русскомъ языкѣ, ввести съ начала 1869—70 учебнаго года преподаваніе на русскомъ же языкѣ и прочихъ, входящихъ въ курсъ сихъ заведеній предметовъ, кромѣ закона Божія, преподаваніе коего продолжать на тѣхъ языкахъ, на коихъ преподается сей предметъ въ настоящее время". Но кромѣ указанныхъ въ этомъ повелѣніи предметовъ —какіе-же остались въ оныхъ предметы преподаванія? Только языки, стало быть и польскій.

Въ § 6 Высочайше утвержденнаго 8-го Іюня 1869 года устава Варшавскаго университета сказано: „Въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ, какъ въ преподаваніи, такъ и во всѣхъ вообще испытаніяхъ, сочиненіяхъ, на публичныхъ актахъ и въ дѣлопроизводствѣ употребляется русскій языкъ". „Кажется ясно и опредѣленно. Высочайшее повелѣніе отъ 27 Февраля 1881 года не заключало въ себѣ отмѣны закона 1869 года о преподаваніи на русскомъ языкѣ При чемъ же тутъ противодѣйствіе учебнаго начальства? Какія же это административныя мѣры?

Неужели авторъ („С.-Петерб. Вѣдом") въ своей наивности полагаетъ, что лица, входившія въ составъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго, выработавшія проэктъ объ учрежденіи каѳедры польской словесности въ Варшавскомъ университетѣ, не знали и не подозрѣвали, что все преподаваніе ведется въ этомъ учебномъ заведеніи на русскомъ языкѣ?

Относительно христоматіи Дубровскаго оказывается, что она введена въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго округа еще въ 1873 году, по опредѣленію состоящаго при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія ученаго комитета и, слѣдовательно, задолго до назначенія попечителемъ г. Апухтина, которому исключительно приписывается ея введеніе. Въ свою очередь христоматія Вержбовскаго изъята изъ употребленія по распоряженію того же Министерства Народ-

наго Просвѣщенія, усмотрѣвшаго въ названной христоматіи отрывки, не вполнѣ пригодные для образованія юношества.

Такова въ дѣйствительности картина „преслѣдованія мѣстною администраціею польскаго языка и народности".

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ Варшавѣ число періодическихъ изданій (на польскомъ языкѣ) превышаетъ число таковыхъ же въ Москвѣ (на русскомъ языкѣ) и немногимъ уступаетъ количеству Петербургскихъ изданій. А въ „Указателѣ по дѣламъ печати" (публикуется въ Правительственномъ Вѣстникѣ) для желающаго легко видѣть и убѣдиться, какое количество польскихъ книжекъ печатается ежегодно во всѣхъ типографіяхъ Привислинскаго края. А польскіе театры, субсидируемые въ Варшавѣ правительствомъ? А масса частныхъ драматическихъ товариществъ, дающихъ представленія во всѣхъ городахъ Привислинскаго края? А публичныя чтенія, публичныя популярныя и спеціальныя лекціи? А разрѣшеніе гминнымъ судамъ судоговоренія на польскомъ языкѣ?

Неужели же все это мѣры, спрашиваетъ „Варш. Дневн.", направленныя къ искорененію языка (и народности)?

И „Свѣтъ" съ обычною основательностію и широкимъ кругозоромъ поспѣшилъ отозваться на *недоумѣнныя* заявленія (приведены выше) „Петербургскихъ Вѣдомостей".

„Никогда не повѣримъ, читаемъ въ „Свѣтѣ" (1896 г. № 153), чтобы такія строки вышли изъ подъ пера русскаго человѣка, искренно проникнутаго только одними соображеніями „терпимости и гуманности". „Петербургскія Вѣдомости" едва-ли не умышленно вращаются въ заколдованномъ кругѣ подробностей интересующаго ихъ вопроса. Онѣ подсчитываютъ количество годовъ и часовъ, посвященныхъ преподаванію польскаго языка, касаются техническихъ особенностей преподаванія, обсуждаютъ достоинства и недостатки учебниковъ, но имъ въ голову не приходитъ, что рѣчь идетъ о русской правительственной гимназіи, что наряду съ частными требованіями, предъявляемыми со стороны поляковъ, существуютъ еще требованія общегосударственныхъ интересовъ, представителемъ которыхъ является русское правительство". „Ставъ на эту, устраняемую „Пе-

тербургскими Вѣдомостями" точку зрѣнія, легко понять сущность вопроса. Типъ гимназіи выработанъ не для какой нибудь (одной) опредѣленной мѣстности Россіи. Повсюду — на сѣверѣ и югѣ, востокѣ и западѣ нашего отечества—онъ одинаковъ. Преслѣдуя цѣли общеобразовательныя, гимназія въ то же время должна служить и умственному и нравственному объединенію ея питомцевъ, будущихъ русскихъ гражданъ, —*русскихъ, а не польскихъ, армянскихъ или нѣмецкихъ*. Поэтому сама гимназія также должна быть *русскимъ* учебнымъ заведеніемъ, а не польскимъ, армянскимъ или нѣмецкимъ. Инородецъ, попадающій въ гимназію, а черезъ нее въ университетъ, пріобрѣтаетъ всѣ права, даваемыя этими учебными заведеніями кореннымъ русскимъ. Очевидно, такое уравненіе инородца съ русскимъ имѣетъ логическое основаніе въ воспитательномъ и образовательномъ значеніи гимназіи".

„Воспитательное и образовательное значеніе русской гимназіи уничтожалось бы въ корнѣ, если бы на каждой окраинѣ существовали свои учебныя программы и порядки. Вѣдь даже „Петербургскія Вѣдомости" не рискнутъ отрицать, что польскій юноша, учась въ гимназіи, несравненно болѣе нуждается въ пріобрѣтеніи дальнѣйшихъ и дальнѣйшихъ свѣдѣній по русскому языку и русской литературѣ, нежели по языку и литературѣ польскимъ. Дома онъ слышитъ только польскую рѣчь, дома его знакомятъ только съ польскими писателями, и если еще гимназія пойдетъ рука объ руку съ „домашнимъ направленіемъ", то смѣшно и мечтать о перевоплощеніи поляка (хотя бы и внѣшнемъ только) въ русскаго гражданина. „Петербургскія Вѣдомости" разумѣется, противъ обрусительной политики, осуществляемой *грубыми полицейскими мѣрами*. Противники *грубыхъ полицейскихъ мѣръ* обыкновенно увѣряютъ, что они лишь противъ этихъ мѣръ, но вовсе не противъ обрусительной политики. Но вотъ передъ нами иныя мѣры, безусловно культурнаго воздѣйствія. И что же? онѣ вызываютъ ни чуть не меньшіе протесты, нежели *обрусительство по рецепту „Держиморды"*. „Но есть въ данномъ случаѣ и другая поучительная сторона. Систематическимъ заступничествомъ за поляковъ за-

нимается русская газета, не имѣющая, повидимому, тѣсныхъ связей съ лжелиберализмомъ. Какъ же ей не стыдно поддерживать завѣдомую ложь? какъ не стыдно ей прикидываться не понимающею, въ чемъ дѣло, и приглашать русскія гимназіи въ Привислинскомъ краѣ ополячиться и стать проводниками польскаго вліянія въ краѣ, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать ему вполнѣ мирными культурными средствами? какъ не стыдно ей, наконецъ, затягивать тревожный періодъ, поощрять безпокойные элементы, плодить несбыточныя надежды, между тѣмъ какъ въ интересахъ обѣихъ сторонъ поддерживать существующее, по отношенію къ полякамъ, настроеніе русскаго правительства".

И для кого и для чего пишутся и печатаются статьи, подобныя напечатаннымъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (№№ 64, 115, 149, 151)? Пропагандируя польское дѣло, внося совершенно напрасно и совершенно несвоевременно смущеніе умовъ, онѣ оставляютъ послѣ себя одно зло и недоразумѣніе. Въ нихъ мы встрѣчаемъ старыя, избитыя либеральныя фразы, повтореніе того, что уже осуждено за свою неосновательность и незрѣлость и что способно только питать вредныя настроенія противъ своего народа и противъ своего государства.

„Чтобы браться за рѣшеніе такихъ сложныхъ задачъ какъ разъясненіе русско-польскихъ отношеній, нужно прежде всего быть человѣкомъ знающимъ и подготовленнымъ, совершенно справедливо заявляетъ „Свѣтъ". Судить же вкривь и вкось, при явномъ невѣжествѣ и явной неподготовкѣ, да еще прикрываться при этомъ оффиціальностью, которой на дѣлѣ нѣтъ, и намекать между строками, что рѣчь ведется отъ имени высшихъ сферъ,—чего также нѣтъ, это уже что то совсѣмъ неудобное".

„Что такое русско польскія отношенія, что такое польскій вопросъ? И при томъ не такъ, какъ этотъ вопросъ стоялъ въ прошломъ вѣкѣ, а такъ, какъ онъ стоитъ теперь?!!"

„Вотъ уже минуло сто лѣтъ, какъ мы русскіе и большая часть польскаго народа составляемъ одно государство, служимъ одному государю, дѣйствуемъ общими силами на

одной общей территоріи, свободно живя на ней, поселяясь, разрабатывая землю, путешествуя и пользуясь ею всячески. Поляки бывшаго царства польскаго живутъ теперь повсемѣстно въ Россіи. На Кавказѣ, на Волгѣ, въ Крыму, (въ Туркестанскомъ краѣ), вездѣ въ Россіи можно встрѣтить поляковъ, живущихъ какъ дома. Въ Петербургѣ и Москвѣ они живутъ десятками тысячъ; нѣтъ ни одного губернскаго и ни одного уѣзднаго города, гдѣ бы ихъ не было. И всюду они живутъ, какъ добрые жители, живутъ подъ покровительствомъ законовъ, общихъ для всѣхъ. Тутъ слѣдовательно нѣтъ никакого польскаго вопроса".

„На государственной службѣ, какъ на военной, такъ и на гражданской, поляки служатъ въ такомъ множествѣ, что установленіемъ процентнаго отношенія для поляковъ, состоящихъ на государственной службѣ, пришлось охранять самихъ русскихъ отъ чрезмѣрнаго подавленія ихъ поляками. Установить это процентное отношеніе государство было не только вправѣ, но даже обязано, ибо нельзя на государственной службѣ отодвинуть на заднiй планъ именно тотъ народъ, который вынесъ на своихъ плечахъ самое государство. Это изобиліе поляковъ на государственной службѣ, уже одно само по себѣ, показываетъ полную примиренность поляковъ съ русскимъ государствомъ. И въ общемъ, мы должны признать, что поляки несутъ государственную службу и дѣлаютъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ. И при завоеваніи Кавказа и Туркестана, и въ освободительную войну въ Турціи, поляки въ рядахъ нашихъ войскъ дѣлали тоже, что дѣлали и русскіе. Слѣдовательно, тутъ также нѣтъ никакого польскаго вопроса".

„На всемъ пространствѣ бывшихъ польскихъ областей народъ повинуется властямъ, трудится, платитъ всѣ подати и повинности исправно, безропотно несетъ воинскую и всѣ другія повинности, и вездѣ доволенъ своимъ положеніемъ, вездѣ преданъ и благодаренъ русской власти и за надѣлъ землею, и за освобожденіе отъ худшаго изъ всѣхъ игъ,—панскаго ига. Рѣшительно всѣ функціи государственной жизни во всей западной Россіи и Привислинскомъ

краѣ отправляются правильно, а потому и здѣсь, надо сказать, что нѣтъ никакого польскаго вопроса".

„Бывшее польское королевство слилось съ Россіей на вѣки и слилось совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ слилась Малороссія съ Великою Россіею, какъ слились Новгородъ, Рязань, Тверь и Владиміръ съ Москвою".

„Великая равнина, ограниченная на западѣ р. Одеромъ, населенная родственными народами,—не можетъ составлять двухъ государствъ Одна россійская корона можетъ вѣнчать эту землю и только въ ней одной можно видѣть выраженіе общей власти".

„Съ этимъ послѣднимъ не согласны—старопольское дворянство, выраженіемъ котораго служили. а отчасти и досихъ поръ служатъ, польская эмиграція и воинствующій римскій католицизмъ. Вотъ два врага русскаго государства и въ тоже время вотъ два истинныхъ врага польскаго народа, которые мѣшаютъ ему жить и развиваться союзно и братски съ народомъ русскимъ". „Ошибка всѣхъ русскихъ *примирителей* состояла въ томъ, что слушая басни и росказни польской эмиграціи и воинствующаго римско-католицизма, они думали, что съ ними можно достигнуть какихъ либо соглашеній. Но развѣ можно примирить идею революціи и разрушенія съ идеей государства и порядка? демократію съ аристократіей? Это тоже, что согласить воду съ огнемъ. Тутъ можетъ быть только борьба. Но въ примѣненіи къ разсматриваемому нами вопросу, это вовсе не есть борьба съ народомъ польскимъ, который вовсе не борется, а борьба съ вредными антигосударственными элементами, съ которыми государство должно бороться по самому существу своему изъ чувства самосохраненія. Удивляться, что во время борьбы борящіеся наносятъ другъ другу удары, болѣе, чѣмъ странно. —Эти удары естественны, но они не выражаютъ собою общаго положенія дѣлъ, но только исключеніе. Партія польскаго государства прямо враждебна коронѣ русской. Эту партію надо преслѣдовать, ибо съ ней нѣтъ и быть не можетъ примиренія. Пусть князь Ухтомскій, плохо знающій русскую исторію, прочтетъ знаменитое письмо Н. М. Карамзина къ Императору Александру I, и онъ бу-

детъ знать, чего ему держаться въ польскомъ вопросѣ; пусть кн. Ухтомскій вспомнитъ и мѣсто въ рѣчи К. П. Побѣдоносцева, произнесенной въ Высочайшемъ присутствіи, въ собраніи Императорскаго русскаго историческаго общества, (6 Апрѣля 1895 года), въ которой почтенный ораторъ сказалъ, что Императоръ Александръ I мечталъ о возстановленіи Польши, не зная исторіи, которая сказала бы ему, что Царство Польское означаетъ рабство и угнетеніе для всего русскаго народа. Пусть кн. Ухтомскій внимательнѣе прочтетъ записки такого величайшаго патріота и царскаго слуги, какимъ былъ митрополитъ Іосифъ (Сѣмашко), говорившій: сохрани, Господи, различать интересы царскаго дома отъ интересовъ Россіи... Не отдѣляя русскаго Царя отъ русскаго царства, нужно сообразить, на сколько имъ полезно или вредно возрожденіе или подавленіе польскаго (революціоннаго) элемента".

„Такимъ образомъ, мы имѣемъ предъ собою двѣ картины: одну представляющую большую массу потомковъ бывшаго населенія Царства Польскаго, спокойную, трудолюбивую, мирно живущую въ обще-русскомъ государствѣ и вошедшую въ составъ его въ неразрывномъ единеніи съ русскимъ народомъ; другую, весьма небольшую по размѣрамъ, представляющую собою озлобленную партію польскихъ агитаторовъ и революціонеровъ, отпрыскъ польской эмиграціи, орудователей мятежей [1]). Противъ этой партіи должны одинаково дѣйствовать и поляки и русскіе, силы правительственныя и общественныя. Въ общихъ интересахъ—уничтоженіе этой вреднѣйшей агитаціи, съ которой нѣтъ и быть не можетъ примиренія".

---

[1]) Съ помощію римско-католическаго духовенства. Необходимо вспомнить вышеприведенные циркуляры гр. М. Н. Муравьева, которыми разъясняется, что римско-католическое духовенство незаконными поборами съ крестьянъ въ свою пользу и умышленно неправильнымъ толкованіемъ мѣропріятій русскаго правительства, старалось возстановить противъ него простой народъ. Можно указать и на письмо маркиза С. Велепольскаго, помѣщенное въ „Kraj'ѣ" и переведенное въ „Варшав. Дневн." 1896 г. № 170.

Примѣч составителя.

„Эта революціонная польская партія тѣмъ болѣе вредна, что она опирается на иноземную интригу. Въ былое время эта партія была орудіемъ Наполеона I и Наполеона III. Затѣмъ, при папѣ Піѣ IX она питалась Римомъ. Теперь уже достовѣрно извѣстны письменные совѣты папы Пія IX польскимъ епископамъ принимать участіе въ возмущеніи поляковъ противъ Россіи въ 1863 г. и послѣдующихъ".

„Нынѣ эта партія питается агитаціей, поддерживаемой Австріей. Эта революціонная партія, проповѣдуя вездѣ о притѣсненіяхъ въ Россіи польской народности и римско-католической церкви, возбуждая поляковъ къ неповиновенію русской власти и терроризуя скромную часть польскаго населенія во имя созданія какого-то польскаго крулевства, — приноситъ полякамъ ужасающее зло. Она есть главная причина вражды и недовѣрія, существующаго между русскими и поляками, она - главная причина, почему поляки до сихъ поръ не могутъ пользоваться общерусскими государственными учрежденіями; она—главная причина административнаго давленія, которое до сихъ поръ признается необходимымъ и дѣйствительно необходимо въ Западномъ краѣ. Эта партія практикуетъ по отношенію къ Россіи ложь, клевету, инсинуацію, распространяетъ по всему міру величайшую о Россіи неправду. Передъ этою партіею нечего оправдываться и нечего становиться ея слугою, какъ это дѣлаетъ кн. Ухтомскій, а напрямикъ - эту партію надо преслѣдовать, а клеветы ея разоблачать".

„Нѣтъ больше лжи, какъ распускаемое этою партіей увѣреніе, будто Россія преслѣдуетъ римско католицизмъ". (Мы видѣли факты, говорящіе совершенно противное).

„Папа Левъ XIII дѣлаетъ съ своей стороны все возможное, чтобы недопустить римско-католицизмъ становиться на сторону политической и противогосударственной агитаціи, но корни были пущены такъ глубоко, что римско-католицизму въ Россіи уже трудно отказаться отъ дурныхъ замашекъ. Разумные поляки давно поняли ошибку, которую дѣлали ихъ отцы, становясь въ ряды клерикальнаго лагеря. Они

сознаютъ теперь, что римско-католицизмъ былъ камнемъ на шеѣ у бывшаго крулевства польскаго и когда Польшѣ пришлось погибать, этотъ камень содѣйствовалъ ея дальнѣйшей гибели, какъ камень на шеѣ утопающаго. Истиннымъ другомъ поляковъ былъ бы тотъ, кто помогъ бы имъ освободиться отъ римско-католическаго гнета и сообщества, а не разжигалъ бы неправильныя притязанія польскихъ клерикаловъ, захватившихъ церковную организацію лишь какъ орудіе, пригодное для мятежей" [1].

---

[1]) Свѣтъ 1896 г. № 157.

III.

Не римскій католицизмъ терпитъ въ Россіи гоненія и преслѣдованія, а на оборотъ: онъ самъ, въ союзѣ съ польско-революціонною партіею и въ Россіи, и въ другихъ странахъ является, гдѣ только можетъ, вызывающимъ, нападающимъ. Можно заявлять, сколько угодно „что во время проповѣди устами ксендза говоритъ самъ Богъ", „что распоряженія свѣтской власти на столько обязательны для костела, на сколько признаетъ это ксендзъ"; можно награждать презрѣніемъ господствующую православную вѣру и называть православныхъ схизматиками, еретиками, съ которыми даже преступно быть погребеннымъ на одномъ кладбищѣ или присутствовать въ ихъ церкви: но развѣ это не фанатически - вызывающій образъ дѣйствій со стороны р.-католицизма? А какъ назвать поступокъ луцко - житомирскаго епископа Козловскаго, который подвергъ отлученію Коростышевскаго ксендза Мировича за то, что онъ позволилъ покойному митрополиту кіевскому Платону войти въ костелъ и сказать нѣсколько прекрасныхъ словъ въ духѣ примиренія и любви между православными и р.-католиками. Позволяли же себѣ ксендзы нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній такую дерзость даже въ присутствіи начальства, что заставляли учениковъ р.-католиковъ становиться для молитвы спиною къ православной иконѣ. А упорные отказы посѣщать въ высокоторжественные дни православные храмы! Вѣдь въ Привислинскомъ краѣ, въ городахъ, въ которыхъ не имѣется православныхъ храмовъ, русскія власти обязательно присутствуютъ въ царскіе дни на богослуженіи въ костелахъ. Напомнимъ и тѣ факты, когда ксендзы доводятъ свою паству, особенно женщинъ, до такой степени изувѣрства, что, напр., во время

пожара въ городѣ Тельшахъ (Ковенской губ.) одна женщина-католичка, захваченная огнемъ, отбивалась отъ „москаля“, желавшаго вынести ее изъ пламени; и когда все таки бравый солдатъ съ опасностію собственной жизни извлекъ ее, то, (какъ разсказываетъ Краковскій „Часъ“) „отъ одного прикосновенія къ ней москаля она кончила тихимъ помѣшательствомъ“ [1])

А вотъ примѣръ изъ жизни р.-католическо-польской высшей интеллигенціи. Дѣло происходило въ пограничномъ мѣстечкѣ нашемъ Полангенѣ, гдѣ въ числѣ жителей много православныхъ, не имѣвшихъ однако до послѣдняго времени своего храма и принужденныхъ потому посѣщать р. католическій костелъ. Въ мѣстечкѣ есть между прочимъ прогимназія съ значительнымъ процентомъ русскихъ учащихся. Начальство ея, по соглашенію съ епархіальною властію, рѣшило въ 1895 году устроить въ прогимназіи домовую церковь. Когда объ этомъ узналъ владѣлецъ мѣстечка, гр. Тышкевичъ, отецъ котораго предоставилъ прогимназіи занимаемое ею зданіе на вѣчныя времена, то онъ извѣстилъ начальство прогимназіи, что находитъ *неудобнымъ* устройство православной церкви въ зданіи прогимназіи. Такъ какъ зданіе навсегда предоставлено прогимназіи, то начальство совершенно законно не обратило вниманія на заявленіе гр. Тышкевича и приступило къ приспособленію актовой залы для церкви, въ которую назначены священникъ и причтъ. Но такъ какъ гр. Тышкевичъ со всею мѣстною польскою братіею упорно не желали, чтобы въ Полангенѣ возникла православная церковь, то всѣ, по сговору, отказывали въ отдачѣ помѣщенія для вновь назначеннаго священника, который еле подыскалъ себѣ квартиру у нѣмца лютеранина. Тогда гр. Тышкевичъ прямо заявилъ начальству прогимназіи, что онъ не можетъ допустить устройство православной церкви въ принадлежащемъ ему зданіи, и, если она будетъ устроена, предложитъ прогимназіи совсѣмъ убраться изъ этого зданія... Таково отношеніе къ русскимъ клерикально-польской партіи!

---

[1]) Церковн. Вѣстн. 1896 г. № 20.

Къ этому разсказу можемъ только прибавить, замѣчаетъ „Церковный Вѣстникъ“ (№ 20), что польскій магнатъ своею угрозою никого не запугалъ. Рѣзкое проявленіе нетерпимости вызвало единодушный протестъ со стороны духовнаго и учебнаго вѣдомства; храмъ былъ оконченъ и освященъ.

Клерикально-польская революціонная партія положительно цѣлыми массами распространяетъ по Ковенской губерніи слѣдующія возмутительныя изданія на литовскомъ языкѣ: „Кальварія“, „Парспицимасъ“, „Гивеннимай“, „Швентук Дѣва“, „Бролей Католикай“, „Варгай Бажнпчасъ Католику“ „Праявтимасъ“, „Ишъ Тамсибасъ“ и другія. Отъ латино польской пропаганды не свободны всѣ пункты сѣверо-западнаго края, не исключая даже губерній Могилевской и Витебской. Повсюду стараются распространять „кантычки“, „литаніи“, „злотэ олтаржики“, „іезуитскіе молитвенники“, „литовскіе календари“, львовскія различныя воззванія, „Дробязги“, „Сборникъ Познанскій“, „Польскій орелъ“, „Меморандумъ святѣйшему отцу“..., различные политическаго содержанія эстампы, картины, стихотворенія, пѣсни. И во всѣхъ этихъ изданіяхъ съ самой невыгодной стороны представляется дѣятельность высшей церковной и свѣтской власти, мѣстной администраціи, позорится жизнь и дѣятельность священниковъ, народныхъ учителей, съ негодованіемъ указывается на тѣ мѣры, которыя были приняты нашимъ правительствомъ относительно печатанія литовско - жмудскихъ книгъ русскимъ алфавитомъ, для введенія русскаго языка въ дополнительное богослуженіе; въ названныхъ брошюрахъ требуется возстановленіе употребленія польскаго языка, воспитанія юношества въ польскомъ духѣ и направленіи [1]).. Въ этихъ видахъ молодежь приглашается, кто чѣмъ можетъ, противодѣйствовать требованіямъ закона и правительства, противодѣйствовать русскому вліянію школы, вліянію русскихъ воспитателей.

Въ „Галичанинѣ“, органѣ галицко-русской такъ называемой „исторической партіи“, газетѣ зорко слѣдящей за

---

[1]) Послѣднее, какъ мы видѣли, проповѣдуется и „С.-Петербургскими Вѣдомостями“.

[illegible] Петербургъ [illegible] Мо- [illegible] въ Варшавѣ [illegible] народной [illegible] и рас- пространеніи [illegible] въ Привислинскомъ краѣ. [illegible] Буду- щая война [illegible] ве- ликой войны. Намъ [illegible] войны сидѣть со сложенными руками [illegible] ждать. Пока намъ [illegible] мы должны сами брать то, что намъ [illegible] мы должны отомстить вра- гамъ за наши [illegible] на [illegible] тельнаго своего врага. [illegible] распространяется, какъ посту- пать польскому населенію не только привислинскихъ губер- ній, но и Западно-русскаго и [illegible] края по объявленіи, при первыхъ слухахъ и во время этой войны, которая не должна вернуть [illegible] польскому народу. Въ основаніи этихъ распоряженій положенъ такъ называемый принципъ „малой войны“, т. е. способъ борьбы, къ которому такъ часто прибѣгаютъ современные повстанцы во всѣхъ частяхъ свѣта.

Кромѣ отказа платить подати и скрытія запасовъ, полякамъ приказано, при первомъ извѣстіи о войнѣ, опрокидывать сигнальные и телеграфные столбы, перерѣзать проволоки, повреждать желѣзныя дороги, портить мосты и вообще портить всѣ пути сообщенія, животныхъ прятать, чтобы не попались врагу, такъ какъ они понадобятся самимъ, а за то, что останется, австрійскія и прусскія войска заплатятъ лучше, чѣмъ „москали“. Уже теперь въ городскія и сельскія должности поляки должны избирать лицъ, преданныхъ не русскому правительству, а втайнѣ служащихъ польскому дѣлу. Во время же слуховъ о войнѣ всѣ подозрительныя лица должны быть частью задержаны, частью убиты. Затѣмъ слѣдуетъ распоряженіе на счетъ сельскихъ движимостей, кассъ, на счетъ церквей и духовенства, изъ которыхъ первыя должны быть опечатаны, второе же оставаться подъ надзоромъ. Въ заключеніе говорится, что сейчасъ же

послѣ объявленія войны явно выступять, гдѣ только будетъ возможно, чиновники польскаго правительства, которымъ всѣ жители обязаны безусловно повиноваться [1])

Хотя подобныя бредни не могутъ, конечно, пользоваться сочувствіемъ *всего* польскаго народа, тѣмъ менѣе, однако, они могутъ внести примиряющихъ началъ въ русско-польскія отношенія; объ устраненіи ихъ для блага поляковъ болѣе всего и слѣдовало бы хлопотать гр. Леливѣ съ комп. Запугиванія не страшны Россіи. Она знакома съ ними. Въ 1863 году изъ за польскаго вопроса ей угрожалъ папа Пій IX чуть не крестовымъ походомъ всего міра; тогда же и по тому же вопросу ей угрожали Англія, Франція и Австрія. Но Россія, путемъ правды и справедливости, твердо и мужественно отстояла свою государственную честь и мирно продолжаетъ стремиться итти впередъ въ области развитія общаго народнаго благоденствія. Къ чему же поляки допускаютъ развиваться въ своей средѣ роямъ различныхъ назойливыхъ букашекъ и таракашекъ, мѣшающихъ этому развитію. А вѣдь эти рои шумятъ и все таки производятъ извѣстное безпокойство.. И уже ли въ такомъ положеніи они расчитываютъ еще на наши за ними ухаживанія!...

„Съ тѣхъ поръ, какъ Франція отказалась отъ неблагодарной роли покровительницы польскихъ политическихъ вожделѣній и роль эта перешла по наслѣдству къ Австріи, надѣявшейся такимъ путемъ создать для русскаго правительства новыя затрудненія на западно-русской окраинѣ), съ тѣхъ поръ пограничная съ нами область Галичина пріобрѣла въ глазахъ многихъ поляковъ значеніе носительницы польской идеи и польскаго народнаго духа, а взоры ихъ обращены, какъ къ двумъ политическимъ центрамъ— Львову и Кракову. Безъ преувеличенія можно сказать, замѣчаютъ „Петерб. Вѣдомости“, что Галичина съ ея польскимъ сеймомъ, польскими автономными и административными учрежденіями, съ польскою академіею наукъ, польскою школою и воинственно настроенною печатью дастъ

---

[1]) С.-Петерб. Вѣдомости 1896 г. № 157.

тонъ всѣмъ остальнымъ „дѣльницамъ" бывшей Польши, не исключая и Привислинскаго края, стоящаго собственно въ культурномъ отношеніи неизмѣримо выше ея. Политическія партіи и теченія съ болѣе или менѣе опредѣленными программами и девизами, типы политическихъ дѣятелей, зародившіеся на галицкой почвѣ, находятъ себѣ подражателей и послѣдователей въ средѣ польской интеллигенціи, живущей въ Россіи. Въ Галичинѣ же находится и очагъ политической и религіозной пропаганды, распространяемой на наши западно-русскія окраины" [1]).

Здѣсь, въ Галичинѣ, устраиваются демонстративныя политическія празднества и торжества, чтобы съ одной стороны будить національно-польскія чувства, съ другой – доказать *всему* міру, что „еще Польска не згинела", что живъ ея народный польскій духъ. Демонстраціи исключительно направляются противъ Россіи. Въ такихъ видахъ въ послѣднее время во Львовѣ и Краковѣ происходили торжества— въ память 300-лѣтія введенія Брестской церковной уніи и въ память 100 лѣтняго юбилея принесенія Костюшкою присяги въ томъ, что онъ возстановитъ Польшу отъ моря до моря.

Въ воспоминаніе послѣдняго событія въ театрахъ давались представленія, въ которыхъ русскіе изображаются варварами, на которыхъ одно приближеніе Костюшки наводитъ страхъ и ужасъ. Юношеству, для воспитанія его въ патріотическомъ духѣ, массами раздавались печатныя революціонныя брошюры. Вышедшіе номера польскихъ газетъ твердили, что священный долгъ поляковъ быть вѣрными завѣтамъ Костюшки. Была издана политико географическая карта б. польскаго королевства, увѣнчанная напечатанными на ней аксессуарами папской власти и сочиненною для настоящаго случая (кардиналомъ Дунаевскимъ съ благословенія папы) молитвою о погибели враговъ (русскихъ), возвращеніи ихъ на путь истины и возстановленіи отчизны.

---

[1]) С.-Пет. Вѣдом. 1896 г. № 67.

Въ Варшавѣ устроилось торжество въ честь сапожника Килинскаго за его *подвигъ*, которымъ началось возстаніе Костюшки. Подвигъ Килинскаго состоялъ въ избіеніи сонныхъ беззащитныхъ русскихъ въ Варшавѣ въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе (на 5 е Апрѣля 1794 г.) По Килинскомъ въ Варшавѣ въ костелѣ св. Яна была отслужена панихида, по окончаніи которой вся процессія изъ костела направилась къ дому, гдѣ жилъ Килинскій, и прошла мимо его, снявъ фуражки. Въ одной краковской брошюрѣ, изданной для народа къ 100-лѣтней годовщинѣ возстанія Костюшки, подвигъ Килинскаго превозносится слѣдующими выраженіями: „не помогутъ москалямъ молитвы; ихъ начали рѣзать сапожники, продолжали портные, кузнецы добивали, а мясники вытягивали изъ нихъ жилы—такъ энергично принялся народъ за работу въ великій четвергъ и къ великой субботѣ окончилъ волю Господню“.

Къ демонстраціи въ память Костюшки примкнула и выставка во Львовѣ. Ея цѣль, по указанію „Газеты Народовой“ состояла въ томъ, чтобы „по ту сторону границы (т. е. въ Россіи) вызвать громкій откликъ“. Цѣль была достигнута—варшавскіе поляки отпраздновали *подвигъ* Килинскаго. На выставку Костюшки въ русскомъ городѣ Львовѣ цѣлыми толпами приводили русскихъ крестьянъ съ ихъ дѣтьми и показывали имъ панораму Рацлавицкой битвы. При этомъ вкось и вкривь толковали о прошломъ Польши, о варварствѣ москалей и о томъ, что подъ знаменемъ Костюшки русины (галичане) сражались рука объ руку съ поляками противъ москалей.

Приводимыхъ на выставку русскихъ крестьянскихъ дѣтей заставляли, по свидѣтельству очевидцевъ, пѣть заученныя ими ранѣе пѣсни, прославляющія Костюшку и проклинающія москалей. „Въ церкви павильонѣ все было устроено, какъ въ настоящей церкви: клиросы, иконостасъ, въ алтарѣ престолъ съ семисвѣщникомъ и повѣшены двѣ картины: на одной Іисусъ Христосъ изображенъ въ костюмѣ галицко-русскаго крестьянина, на другой—Матерь Божія—въ костюмѣ галицко-русской крестьянки“. При входѣ въ церковь,

посѣтители не снимали шляпъ. Въ выставкѣ принимали участіе болѣе ста лицъ однихъ русскихъ поляковъ.

На различныхъ при этомъ устрояемыхъ съѣздахъ говорились рѣчи о возстановленіи Польши, обсуждались необходимыя для этого средства и мѣры. На литературномъ съѣздѣ подъ предсѣдательствомъ революціонера Ежа-Милковскаго постановлено было принять мѣры, чтобы въ европейскую печать и въ частности русскую проникали только желательныя съ польской точки зрѣнія извѣстія о полякахъ и польскихъ дѣлахъ.

Празднество въ память 300-лѣтняго юбилея въ память введенія Брестской церковной уніи опять таки имѣетъ въ виду демонстрацію польско клерикальной партіи противъ Россіи. Въ изданной въ 1894 году къ этому юбилею книгѣ кс. Слотвинскаго „О подляшско-холмской уніи", уніаты называются поляками, а край, который они населяли, этотъ искони русскій край, именуется Польшею. Переходъ уніатовъ къ схизму польско-клерикальная партія считаетъ тяжелымъ пораженіемъ, нанесеннымъ Польшѣ и польскому дѣлу. Давая русскому правительству поводъ преслѣдовать политическихъ агитаторовъ, эта партія придаетъ преслѣдованіямъ значеніе гоненія р. католической вѣры. По сигналу изъ Кракова, вновь волнуется политическій муравейникъ и вновь смущаются умы слабыхъ. Вербуется псевдо-уніатская депутація [1]) и закордонное гнѣздо латино-польской пропаганды употребляетъ новыя усилія для возбужденія уніатскаго вопроса, давно уже безповоротно рѣшеннаго русскимъ правительствомъ и сдѣлавшагося только достояніемъ исторіи.

Главнымъ вожакомъ въ этомъ дѣлѣ является уніатскій митрополитъ Сембратовичъ. Въ 1893 году на польско-католическомъ съѣздѣ въ Краковѣ онъ произнесъ рѣчь, которая, при политической окраскѣ, отличалась крайне возмутительнымъ отношеніемъ къ Россіи и произвела во враждебномъ намъ лагерѣ сильную сенсацію. Она доставила Сембрато-

---

[1]) Одна подобная депутація ѣздила уже въ Римъ въ 1895 г. для представленія своихъ жалобъ папѣ Льву XIII, который оказалъ ей холодный пріемъ. Спб. Вѣдом. 1896 г. № 87.

вичу такую популярность въ средѣ польскихъ шовинистовъ, какою не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ. Она же доставила Сембратовичу и кардинальскую шапку — отличіе, которое совершенно не соотвѣтствуетъ духу православной и уніатской церкви. За то возвратившійся изъ Рима кардиналъ Сембратовичъ былъ встрѣченъ своимъ галицко-русскимъ народомъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ къ новому его сану.

Повторяемъ: не уніаты жаждутъ, чтобы продлили ихъ жалкое существованіе въ Австро - венгерской монархіи, въ какомъ-то обезображенномъ видѣ, среди духовнаго голода и жажды, среди физическихъ бѣдъ, напастей и угнетенія; а клерикально-польская партія изъ силъ выбивается какимъ бы то ни было образомъ поддержать унію, заставить ее влачить жалкое существованіе, все-таки расчитывая создать для Россіи кой какіе „инциденты".

Окончившееся въ Галиціи празднованіе юбилея уніи показало всю безжизненность задуманнаго дѣла. Обращая на это вниманіе, „Краковскій Дневникъ" высказывается объ ошибкахъ предковъ и о причинахъ паденія Польши. Онъ пишетъ:

„Юбилей уніи минулъ. Звенѣли колокола на горѣ св. Юра, надъ Бугомъ и Днѣстромъ; но тутъ же за пограничнымъ столбомъ, на Волыни, Подоліи и Украйнѣ колоколъ молчалъ. Только сухой бурьянъ шевелился на могилахъ польскихъ рыцарей, какъ бы думая: какъ пошло все прахомъ! Унія привела насъ къ погибели! Нужно было Русь или совершенно обезличить, какъ завоеванную провинцію, или совсѣмъ ее оставить. Но мы напали на несчастную мысль: мы стали ее колонизовать. Если бы мы объединили ее насиліемъ, она внесла бы въ организмъ рѣчи посполитой демократическій элементъ, который явился бы препятствіемъ для разрушительной работы „короленятъ". Но Русь колонизованная исчерпала наши силы и по прежнему оставалась намъ чуждою. Черезъ колонизацію Руси мы пріобрѣли господство на обширныхъ пространствахъ. Но оно вытолкнуло Польшу изъ сферы умственныхъ, религіозныхъ и соціальныхъ стремленій, пошатнуло ея государственное раз-

витіе, деморализовало шляхту, раздуло искру казацкихъ бунтовъ и исковеркало послѣднюю попытку къ возрожденію—конституцію 3-го Мая. Мы получили оріентальную шляхту съ тѣлесною опалостью нашей и съ душою плантаторовъ, чувствительную лишь къ своимъ экономическимъ интересамъ, не воинственную. просто трусливую и по оріентальному—сластолюбивую, словомъ—типъ, и до сихъ поръ сохранившійся въ клубѣ „подоляковъ". Наконецъ, получили мы казацкіе бунты Хмѣльницкаго, нѣсколько кровавыхъ гайдамацкихъ рѣзней и ту традицію — „на погибель ляхамъ",—которая живетъ въ каждомъ Русинѣ. Польская эмиграція на востокъ раздѣлила населеніе Польши, задержала развитіе городовъ, ослабила пульсъ общественной жизни. Борьба за существованіе, которая толкаетъ каждое общество къ новымъ формамъ быта, къ высшему развитію, ослабленная огромнымъ пространствомъ, принесла паденіе политическаго смысла, породила привязанность къ пассивному спокойствію, заглушила интеллигенцію... Уладивъ при помощи уніи папскіе интересы, католическій вопросъ вѣчнаго спасенія, мы забыли о собственномъ спасеніи. Унія намъ принесла вредъ. Нужно было или насильственно обезличить Русь, или сдѣлать то, что намъ остается сдѣлать теперь. На Западъ! Тамъ наше мѣсто! Русь оставимъ русскимъ! Не будемъ ждать, пока экономическое разореніе и политика не обезземелятъ насъ и не принудятъ къ эмиграціи. Сдѣлаемъ это въ выгодную для насъ минуту, своевременно и сознательно. Взятымъ обратно изъ русскихъ городовъ и земель капиталомъ ударимъ со всею силою польскаго духа на Силезію, па этотъ погубленный Казиміромъ Великимъ край, одна квадратная миля котораго имѣетъ для насъ большую стоимость, чѣмъ цѣлая русская губернія"!..

Совѣтъ, безспорно, дѣльный, замѣчаетъ Варшавскій Дневникъ, тѣмъ болѣе, что и русскія губерніи теперь не такъ скоро поддаются полонизаціи, какъ это было прежде [1]).

---

[1]) Варш. Дневн. 1896 г. № 275.—Пора бы полякамъ притти къ сознанію, что „улаживать при посредствѣ вѣры папскіе интересы и католическіе вопросы вѣчнаго спасенія" для нихъ слишкомъ убыточно, что клерикализмъ,

Существующія и вновь нарождающіяся различныя общества и товарищества въ Привислинскомъ краѣ и въ Гали-

---

пришедшій въ Польшу изъ Рима и всегда получающій оттуда команду, служитъ орудіемъ интересовъ центра западнаго міра и гибелеиъ для Польши. Онъ всегда былъ чуждъ польскому народу и пользовался имъ какъ средствомъ, затрогивая то ту, то другую пружину его общественно-государственнаго механизма, воздѣйствуя то на королевскую власть, то на силу своевольныхъ магнатовъ, то фанатизируя толпу и женщинъ. Это была петля, которую клерикальный западъ набросилъ на славянскую страну съ цѣлію ея порабощенія. И чѣмъ ближе и сильнѣе притягивалъ къ себѣ западъ Польшу, тѣмъ болѣе туго затягивалась петля и давила поляковъ... Не слѣдовало бы забывать полякамъ, что латинское духовенство, когда того требовали его матеріальные интересы, главнымъ образомъ убѣждало Государя Николая I въ революціонномъ духѣ и настроеніи поляковъ. Вспомнимъ, между прочимъ, проектъ узаконенія о разводахъ и брачныхъ дѣлахъ въ Польшѣ въ 1828 году. Противъ общественнаго мнѣнія, съ нарушеніемъ даже прерогативъ Высочайшей власти, р.-католическое духовенство въ Варшавѣ in corpore сдѣлало заявленіе Государю, что проектируемое польскимъ сенатомъ узаконеніе (о брачныхъ дѣлахъ) на основаніи кодекса Наполеона съ предоставленіемъ рѣшенія Высочайшей власти, служитъ выраженіемъ французско-революціоннаго духа, якобинства, которое глубоко гнѣздится молъ въ Польшѣ и которое такъ опасно престолу и общественному спокойствію. Въ этомъ причина, говорило духовенство, почему дѣло вѣры хотятъ вырвать поляки изъ рукъ папы, Рима и епископовъ... Проектъ не получилъ Высочайшей санкціи, и р.-католическое духовенство восторжествовало. (Historya listopadowego powstania... Barzykowski—t. I. 177). „Польское духовенство, говоритъ по этому поводу польскій историкъ Баржиковскій, какъ и всякое другое, не легко уступаетъ свои права и пріобрѣтенныя прерогативы и плащемъ вѣры умѣетъ прикрывать вещи, не имѣющія ничего общаго съ дѣломъ вѣры". (ibid. 173). Такимъ плащемъ вѣры клерикально-революціонная партія прикрывала свое участіе въ мятежахъ (См. Приложеніе къ Нотѣ кн. Горчакова). Прикрывшись этимъ плащемъ, общество польскихъ ксендзовъ-эмигрантовъ въ изданномъ имъ въ Парижѣ въ 1865 году манифестѣ открыто высказало, что а) польское духовенство, хотя и католическое, дѣйствуетъ за одно съ революціей; что б) р.-католическая вѣра представляетъ самое удобное средство для возстанія, и что в) въ Польшѣ иначе нельзя возбудить народъ, какъ посредствомъ религіи. Эти попытки къ возбужденію народа противъ правительства замѣчаются отчасти и въ Ковенской губерніи въ выказываемомъ презрѣніи къ общехристіанскимъ святынямъ, иконамъ, въ запрещеніи молиться предъ ними, въ запрещеніи посѣщать православные храмы и т. под. Теперь, по заявленію „Свѣта" (1896 г. № 284), многіе изъ р.-католическаго духовенсва примкнули къ соціалистическому движенію: и все это ad majorem Dei gloriam. . . По неволѣ приходится по-

чинѣ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ изъ специальной области своего назначенія постоянно переходятъ въ область дѣйствій и гаданій политическаго характера; они силятся поддерживать и разносить всюду политическія *мечтанія* клерикально-революціонной польской партіи.

Извѣстно, какую выдающуюся политическую роль передъ началомъ послѣдняго польскаго мятежа играло знаменитое земледѣльческое общество, основанное въ Варшавѣ съ разрѣшенія правительства, по мысли гр. Андрея Замойскаго, руководителя партіи бѣлыхъ [1]). Другія общества — не чужды того же грѣха; они преслѣдуютъ цѣли совершенно не входящія въ программу ихъ дѣятельности. Варшавское, напр. гребное общество [2]), не ограничиваясь своимъ уставомъ гласнымъ, самовольно составило уставъ негласный, сдѣлавъ его обязательнымъ для всѣхъ многочисленныхъ членовъ. Русскій элементъ въ этомъ обществѣ совершенно отсутствовалъ, и оно подчинилось вліянію небольшаго кружка лицъ изъ Галичины. Глава этого кружка, нѣкто М—ій (мѣстный обыватель), отличавшійся краснорѣчіемъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, любилъ произносить рѣчи, съ весьма прозрачными намеками на возможность невозможнаго и произносилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не попалъ въ цитадель. Обществу

вторить столь ненавистныя клерикально-революціонной польской партіи слова „Свѣта“: не пора ли рыбаку закинуть въ это море неводъ? Сіе море великое и пространное...

[1]) Хотя и было заявлено въ текущей журналистикѣ, что земледѣльческое общество въ Варшавѣ не носило политическаго характера, но именно объ этой его политической окраскѣ свидѣтельствуютъ сами польскіе писатели Козмянъ и другіе. Кромѣ того, самъ гр. Андрей Замойскій, хотя и проповѣдывалъ принципъ *легальности по отношенію къ правительству*, но это значило только, по его же заявленію, чтобы ждать, пока „созрѣвшіе плоды собственною тяжестію оторвутся отъ древа россійскаго“. „Границы Польши 1772 года были однимъ изъ членовъ его символа вѣры и Польши въ иномъ видѣ онъ не признавалъ и признать не могъ“. Уже при самомъ основаніи общества раздавались голоса, утверждавшіе, что земледѣльческое общество непремѣнно должно преобразиться въ тѣло политическое“... что и случилось. Historya dwuch lat. 1861—1862 г. 139, 140, 150. т. 1.

[2]) Обо всѣхъ подобныхъ обществахъ будемъ говорить на основаніи фактовъ, сообщаемыхъ въ „С.-Петерб. Вѣдом.“ № 95.

предложено руководствоваться только уставомъ, утвержденнымъ правительствомъ и уничтожить всѣ остальныя дополнительныя нелегальныя правила.

Необходимо указать и на вольныя пожарныя общества существующія во многихъ городахъ и мѣстечкахъ Привислинскаго края. Они, безспорно, приносятъ большую пользу, особенно тамъ, гдѣ нѣтъ правильно организованныхъ городскихъ пожарныхъ командъ. Но сколько усилій пришлось употребить мѣстнымъ властямъ, чтобы лишить эти общества ихъ воинственнаго характера, направить на истинный путь и понудить заниматься не маршировкою и военнымъ артикуломъ, а спеціальными упражненіями, нужными при тушеніи пожаровъ.

Въ Варшавѣ изготовляются ходатайства о разрѣшеніи учредить польское гимнастическое общество. Мысль прекрасная, говоритъ „Наблюдатель" надъ общественною жизнію въ Привислинскихъ губерніяхъ; въ здоровомъ тѣлѣ и здоровый умъ, и за границею гимнастическія общества въ большомъ ходу. Несомнѣнно, что вслѣдъ за разрѣшеніемъ общества въ Варшавѣ, весь край покроется сѣтью такихъ же обществъ, которыя войдутъ въ самую тѣсную связь съ польскими „Соколиными" обществами въ Галичинѣ (тоже—гимнастическія—по уставу). А эти общества имѣютъ политическое значеніе и на „Соколовъ" возлагаются въ будущемъ большія надежды.

Вотъ данныя для такого утвержденія. „27 Марта 1892 г. во Львовѣ праздновался 25-лѣтній юбилей тамошняго „Сокола"... Празднество происходило въ залѣ Сокола, изукрашенной гербами, флагами, вѣнками и бюстомъ..., но не австрійскаго императора, какъ бы слѣдовало ожидать, а бюстомъ народнаго героя—Костюшки. Послѣ рѣчи, произнесенной при огромномъ стеченіи публики однимъ изъ вліятельныхъ членовъ общества, наступилъ патетическій моментъ празднества. Дружина „Соколовъ" выстроилась на возвышеніи въ своихъ живописныхъ костюмахъ; затѣмъ черезъ боковыя двери въ залу вошла группа молодыхъ дамъ и дѣвицъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья и несшихъ великолѣпный штан-

дартъ, работу прекрасныхъ патріотокъ, подносимую въ даръ „Соколамъ". Оркестръ общества „Гармонія" заигралъ польскій гимнъ (Еще польска не згинела...), при чемъ всѣ присутствующіе встали съ мѣстъ и Соколы забросали патріотокъ цвѣтами. Дѣвица Ядвига Маршалковичъ, выступившая въ настоящемъ случаѣ въ роли „политической женщины Альдоны", вручая штандартъ представителю Соколовъ, продекламировала стихотвореніе, сочиненное для этого случая Платономъ Костецкимъ. Упоминается въ немъ о соколѣ который своимъ полетомъ прокладываетъ дорогу орлу (бѣлому, конечно), затѣмъ выражается надежда, что подносимое знамя *будетъ скоро развѣваться въ Варшавѣ и склонится передъ освобожденною матерью.* Наконецъ было прочитано письмо отсутствовавшаго президента общества, который выражалъ желаніе, чтобы новое знамя впервые склонилось передъ изображеніемъ Костюшки въ знакъ того, что „Соколъ преслѣдуетъ ту же цѣль, къ которой стремился и великій гетманъ въ сермягѣ".

Простому человѣческому смыслу трудно понять общность интересовъ гимнастики съ задачами, которыя преслѣдовалъ Костюшко...

„Политическое значеніе польскихъ соколиныхъ обществъ съ подобною же откровенностію было подчеркнуто и на другомъ празднествѣ. Въ Январѣ 1892 года, въ Черновцѣ, главномъ городѣ Буковины, гдѣ поляки составляютъ не многочисленный пришлый элементъ, праздновалась первая годовщина основанія польскаго Сокола, совпавшая съ тридцатою годовщиною январьскаго возстанія. На вечернемъ собраніи, состоявшемся по этому случаю въ залѣ „польской читальни", прибывшій изъ Кракова „другъ" (такъ именуютъ себя члены соколиныхъ обществъ) Эрнестъ Адамъ, сдѣлалъ сообщеніе о значеніи польскихъ революціонныхъ движеній вообще и о результатахъ послѣдняго польскаго возстанія въ частности. Указавъ на нынѣшнее политическое положеніе польскаго народа, лекторъ назвалъ общество „Соколовъ" и „Народной Школы" *двумя мощными столбами, въ которыхъ, дастъ Богъ, найдетъ опору свободная и независимая отчизна.* Это выраже-

ніе было встрѣчено горячимъ одобреніемъ многочисленной публики" [1]).

Въ Пруссіи, въ Познани, тоже существуютъ польскія соколиныя общества и въ текущемъ году въ Августѣ мѣсяцѣ предполагается „слетъ" соколовъ въ Познани. Но прусское правительство, убѣдившись въ томъ, что эти общества главнымъ образомъ стремятся играть политическую роль, приняло мѣры къ ограниченію числа гостей, ожидаемыхъ изъ Галичины на предполагаемый „слетъ". Директоръ познанской полиціи разрѣшилъ галицкимъ соколамъ пріѣздъ въ Познань, но въ числѣ *не болѣе пяти человѣкъ, имена которыхъ должны быть сообщены полиціи за двѣ недѣли до начала съѣзда.* При этомъ полиція предупреждаетъ, что тѣ изъ пріѣхавшихъ членовъ галицкаго „Сокола", которые почему либо будутъ признаны неудобными, немедленно вышлются изъ предѣловъ Пруссіи. Кромѣ того, польскимъ соколамъ воспрещено торжественное шествіе по городу на площадь, гдѣ предполагаются упражненія.

Противъ такихъ распоряженій познанской полиціи сейчасъ, конечно, возстали польскія газеты и пустились въ широко-вѣщательныя заявленія съ угрожающимъ тономъ.

„Этимъ вопросомъ немедленно должны заняться наши депутаты, говоритъ „Новая Реформа" и объяснить Европѣ, какъ уважаютъ въ цивилизованной Пруссіи предоставленныя полякамъ права и гражданскую свободу (какъ будто полякамъ предоставилъ кто нибудь право дѣйствовать революціонно!). Министръ долженъ объяснить, на какомъ основаніи въ Пруссіи ограничивается численность иностранныхъ гостей, приглашаемыхъ на съѣзды; на основаніи чего требуются отъ нихъ особыя удостовѣренія и грозятъ этимъ гостямъ высылкою"...

„Игра, которую начинаетъ прусское правительство, можетъ имѣть худшія послѣдствія, чѣмъ оно предполагаетъ. Поляковъ оно не вычеркнетъ изъ ряда живущихъ народовъ; для этого слаба даже и рука, вооруженная исполнительною

---

[1]) С.-Петерб. Вѣдом. 1896 г. № 95.

властью. Но за то посѣвъ народной вражды, такъ усердно бросаемый на ниву польско-нѣмецкихъ отношеній, принесетъ сторичный плодъ, который своею громадностью можетъ превзойти надежды самихъ сѣятелей и принести пользу подавляемой нынѣ народности. Мы же здѣсь—въ Галиціи—обязаны серьезно подумать о томъ, чтобы ни одинъ нашъ талеръ не попадалъ въ карманы прусскихъ нѣмцевъ. Въ Австро-Венгріи, а также въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, промышленность находится на такой степени развитія, что мы совершенно безопасно можемъ прервать въ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ всякія сношенія съ прусскими нѣмцами".

Газета настаиваетъ, чтобы галицкіе делегаты, не смотря на предостереженія, ѣхали въ Познань на „слетъ". „Если полиція принудитъ ихъ выѣхать, то приказъ слѣдуетъ исполнить (еще бы!); но тогда мы будемъ знать, какъ слѣдуетъ оцѣнить этотъ образъ дѣйствій прусскаго правительства. „Соколъ польскій" „долженъ имѣть отвагу посмотрѣть пруссакамъ въ глаза и подать братскую руку своимъ собратьямъ именно въ то время, когда ихъ угнетаетъ врагъ".

„Пустыя фразы, совершенно основательно замѣчаетъ „Варшавскій Дневникъ" по поводу разглагольствованій „Новой Реформы". Всякому понятно, что делегаты галицко-польскихъ соколиныхъ обществъ намѣреваются пріѣхать въ предѣлы Пруссіи не для того, чтобы показать свое гимнастическое искусство. Идея польскихъ соколовъ заключаетъ въ себѣ много общаго съ идеей всепольскою. Пруссія не имѣетъ никакого основанія допустить и никогда не допуститъ свободно пропагандировать эту идею въ предѣлахъ своего государства. Она не постѣснится выслать непрошеныхъ галицкихъ гостей, если бы эти послѣдніе, повинуясь неосновательнымъ совѣтамъ „Новой Реформы", вздумали испробовать стойкость ея власти. Попытки галицкихъ поляковъ подавать руку своимъ познанскимъ собратьямъ, „угнетеннымъ врагомъ" (наивное признаніе! а вѣдь серьезно заявлялось о гимнастическихъ упражненіяхъ!) могутъ потерпѣть полное фіаско. Прусское правительство имѣетъ полную возможность сильно шлепнуть по этой рукѣ и отбить всякую охоту впредь ее про-

тягивать. Кромѣ того, оно можетъ потребовать отъ Австріи укрощенія ея безпокойныхъ подданныхъ, нарушающихъ мирное теченіе жизни въ сопредѣльныхъ государствахъ" [1]).

Желая доказать міру, что *весь* польскій народъ заинтересованъ въ возстановленіи Польши, „съ польскою шляхтою — польскій людъ", польско-революціонная партія стремилась всегда къ тому, чтобы въ каждомъ юбилейномъ торжествѣ демонстративнаго характера [2]) какъ бы по наряду принимали участіе и толпы галицкихъ, польскихъ и русскихъ крестьянъ, одѣтыхъ въ свои народные костюмы и игравшихъ, главнымъ образомъ, декоративную роль. „Хлопы мерзли на морозѣ, мокли на дождѣ, носили штандарты съ изображеніемъ бѣлаго одноглаваго орла и революціонными надписями, возлагали, гдѣ слѣдовало по церемоніалу, вѣнки, стояли съ факелами и кричали *виватъ*, по знаку, данному распорядителями торжества, словомъ терпѣливо и довольно усердно исполняли, по приказанію пановъ, свою политическую „панщизну" (барщину). Нѣкоторые изъ такихъ крестьянъ говорили даже въ собраніяхъ рѣчи, составленныя, конечно, другими на тему о единеніи простаго народа со шляхтою „для отбудованія отчизны".

Но между крестьянами-депутатами появились и такіе, которые стали говорить крестьянамъ же болѣе правдивыя и простыя рѣчи о положеніи галицкаго хлопа и о кривдахъ, претерпѣваемыхъ польскими крестьянами въ Галиціи отъ шляхты. „Первое, что каждому бросается въ глаза (въ Галичинѣ), говоритъ „истинный полякъ W. У. X.", что можно найти чуть ли не въ каждомъ номерѣ періодическихъ изданій, ежедневныхъ и не ежедневныхъ, столичныхъ, и провин-

---

[1]) Варш. Дневн.—1896 г., № 139.

[2]) Извѣстно, что послѣ мятежа 1863 года польскіе вожаки, послѣдователи программы „непрерывности возстанія", для пробужденія якобы народнаго духа, придумали въ Галичинѣ систему политическихъ манифестацій и демонстрацій, прицѣпляемыхъ къ празднованіямъ годовщинъ и юбилеевъ разныхъ событій и лицъ, имѣвшихъ значеніе въ польской исторіи. Такъ праздновались 200-лѣтній юбилей обороны Вѣны Иваномъ Собѣсскимъ (1683—1883), перенесеніе останковъ Ад. Мицкевича изъ Монморанси въ Краковъ.

ціальныхъ, польскихъ и русскихъ, это жалоба на безграничное, доходящее до тираніи господство одной касты и одной горсточки людей, извѣстныхъ подъ именемъ „станчиковъ.“

„Станчики—это возродившаяся и переселившаяся изъ прежней Варшавы въ Львовъ и Краковъ „олигархическая фамилія и республика“, которая свое личное, частное благо подводитъ подъ шумную кличку „блага народнаго, народнаго развитія свободы и независимости.“

„Все, что обезпечиваетъ власть этой малой горсточки людей, что приноситъ ей матеріальныя выгоды—все это въ ея органахъ провозглашается благомъ народа, все это одобряется сеймомъ, лелѣется и бережется органами правительственной и автономной власти; все же прочее, что хотя бы въ отдаленной степени могло ослабить вліяніе и выгоды этой партіи,—все это не только устраняется, но и подвергается безпощадному уничтоженію.“

Удерживая за членами своей партіи два важнѣйшихъ поста въ имперіи: намѣстника и краеваго маршала, партія станчиковъ черезъ ихъ посредство можетъ править всѣмъ краемъ и легко достигать извѣстныхъ цѣлей въ свою пользу. За то тяжело, очень тяжело приходится всему, что сколько нибудь противно или не по мысли *правящей фамиліи.* До недавнихъ поръ такая участь постигала преимущественно русскихъ, которые старались освободиться отъ польскаго ига. Но съ того времени, какъ и польскій народъ началъ шевелиться и устраивать народные союзы и товарищества, чтобы свергнуть съ себя шляхетское иго, то же выноситъ и онъ [1])“.

Движеніемъ среди крестьянъ, направленнымъ къ тому, чтобы свергнуть шляхетское иго и пріобрѣсти политическія права, и пользуются различные демократы, радикалы и соціалъ-демократы, свившіе себѣ гнѣздо въ Галичинѣ, подъ покровительствомъ австрійской конституціи. Руководимые ими рабочіе устраиваютъ соціалистическія собранія и зачитываются издаваемыми для нихъ соціалистическими газет-

---

[1]) Варшав. Дневн. 1896 г. № 152.

ками. „Крестьяне, въ свою очередь, основываютъ политическія партіи „Звіонзекъ Хлопски“ (хлопскій союзъ) и „Стронництво Людовэ“ (народная партія), изъ коихъ каждая имѣетъ свой печатный органъ и вообще правильную партійную организацію. „Хлопскій Союзъ“ отличается болѣе консервативнымъ характеромъ, не отрицаетъ религіи и не прочь войти въ компромиссъ съ панами, чего нельзя сказать о „партіи народной“, чтущей память крестьянина Шеля, извѣстнаго предводителя галицкихъ крестьянъ, во время памятной для шляхты галиційской рѣзни въ 1846 году. При выборахъ въ галицкій сеймъ, эти общества успѣли провести туда и нѣкоторыхъ изъ своихъ сочленовъ, хлоповъ депутатовъ, чѣмъ испортили не мало крови у властвующей тамъ партіи олигарховъ. Одинъ изъ такихъ избранныхъ обратился къ своимъ избирателямъ съ печатнымъ воззваніемъ, въ которомъ благодарилъ за оказанную ему честь и обѣщалъ не забывать крестьянскихъ интересовъ. Свое воззваніе онъ подписалъ такъ: крестьянинъ „Яковъ Бойко, *Божіею милостію и волею народа депутатъ сейма*“.

Этотъ же Бойко появляется теперь въ различныхъ собраніяхъ, „обходахъ“, торжествахъ и демонстраціяхъ, которыми революціонно-польская партія старается будить польскій народный духъ. Эти празднества обыкновенно оканчиваются пиромъ, представляющимъ широкое поле для застольныхъ ораторовъ, щеголяющихъ обыкновенно цвѣтами своего польско-патріотическаго краснорѣчія. Въ текущемъ году 33-я годовщина январьскаго возстанія 1863 года во многихъ мѣстностяхъ Галиціи праздновалась съ особою торжественностію, а во Львовѣ, въ программѣ празднованія, заранѣе объявленной, главный интересъ представляла рѣчь крестьянина Бойко.

Выйдя на эстраду, въ бѣлой полотняной чамаркѣ, опоясанной, по обычаю галицкихъ крестьянъ, простымъ ремнемъ, Бойко произнесъ длинную рѣчь, прерываемую громомъ рукоплесканій польской интеллигенціи, наполнявшей огромную залу „Сокола“.

„Граждане, сказалъ онъ между прочимъ, съ тѣхъ поръ, какъ Львовъ устраиваетъ подобныя собранія въ память

январьскаго возстанія, не было еще случая, чтобы деревенскій холопъ открывалъ ихъ рѣчью. Если на мою долю сегодня выпала эта честь, то это доказываетъ, что львовскіе граждане уважаютъ и любятъ деревенскій людъ, не стыдятся сермяги".

Указавъ, что всѣ попытки шляхты и магнатовъ передать отечественное знамя изъ своихъ рукъ въ руки люда имѣли благодѣтельные результаты, ораторъ обратился къ виновникамъ торжества, участникамъ возстанія 1863 года съ вопросомъ: не забыли-ли они идеи, за которую сражались.

„Думаю, братья, что каждый изъ васъ смѣло можетъ положить руку на свое польское сердце и сказать съ чистою совѣстью: будь спокоенъ, дорогой товарищъ! польскій людъ, благодаря нашему труду, думаетъ и дѣйствуетъ такъ, какъ требуетъ польза отчизны, и пока живы, не измѣнимъ своему знамени 1863 года... Невѣжество люда погубило Польшу; его просвѣщеніе воздвигнетъ Польшу. Несите народу это просвѣщеніе, будьте сердечно преданы этому люду и тогда спокойно умрете въ томъ убѣжденіи, что народъ, принявъ отъ васъ незапятнанное знамя, водрузитъ его тамъ, гдѣ вамъ не удалось его водрузить вслѣдствіе превосходства непріятельскихъ силъ. Но это возможно только при помощи просвѣщенія, а потому, оканчивая рѣчь, говорю вамъ словами поэта: „но заклинаю, пусть живые не теряютъ надежды и несутъ предъ народомъ факелъ просвѣщенія".

Въ музыкальную часть программы входили между прочимъ пѣсни: „Слава польской земли", „Пѣснь свободы"- „Послѣднее прощаніе повстанцевъ" и т. под... На пиршествѣ въ заключеніе торжества первый тостъ былъ провозглашенъ въ честь „независимой Польши"; за нимъ слѣдовали и другіе въ такомъ же духѣ, и, особенно, за будущность простаго люда: „при помощи люда – къ свободѣ".

Но героемъ вечера опять таки оказался хлопъ-депутатъ Бойко, который, между прочимъ, сказалъ: „Мы находимся среди людей, которыхъ мужики называли повстанцами, предъ которыми трусили, которыхъ боялись. Мы однако же не боимся васъ, мы также повстанцы, но такіе, которые хотятъ возстать противъ невѣжества, противъ нужды и про-

тивъ того, что насъ угнетаетъ. Прежде, чѣмъ настанетъ повстаніе, нужно быть во всеоружіи разума и просвѣщенія, дабы мы могли подготовиться къ борьбѣ".

Рѣчь вызвала такой энтузіазмъ, что слушатели интеллигенты подхватили хлопа оратора на руки и долго носили съ кликами: виватъ! [1])

На одномъ народномъ собраніи въ Галичинѣ, въ половинѣ Апрѣля текущаго года, крестьянинъ Вацыра открылъ собраніе такою „патріотическою рѣчью":

„Народъ движется въ цѣломъ краѣ, просвѣщеніе разогрѣваетъ изстрадавшіяся въ неволѣ сердца. Мы же здѣсь у пограничныхъ столбовъ (на границѣ съ Россіею) обязаны еще настойчивѣе трудиться, имѣя постоянно предъ глазами несчастливый раздѣлъ нашей отчизны. Какъ пѣтухъ на костелѣ чутко призываетъ насъ трудиться для спасенія души, такъ московскій солдатъ, ходящій вдали за Вислой, пусть напоминаетъ намъ объ обязанностяхъ по отношенію къ отечеству. Просвѣщеніе возвратитъ намъ отчизну, и потому будемъ собираться и просвѣщаться, не обращая вниманія на непріятности, получаемыя отъ тѣхъ людей, которые уже со всѣмъ примирились".

Старикъ—крестьянинъ Бенцъ съ видимымъ волненіемъ благодарилъ въ собраніи крестьянскую молодежь за ея усиленные труды для блага простаго народа. „Когда посмотрю, сказалъ онъ, что дѣлается теперь, то сердце мое радуется, и я начинаю вѣрить, что когда нибудь настанетъ минута освобожденія польскаго люда отъ всякой недоли, что дѣти мои увидятъ свободную Польшу и безъ пановъ". Другой крестьянинъ, убѣждая своихъ собратій читать народныя газеты, не обращая вниманія на то, запрещены онѣ съ амвоновъ или нѣтъ, разсказалъ случай встрѣчи его съ однимъ ксендзомъ въ русскихъ владѣніяхъ, который не только не укорялъ его за распространеніе газеты („Другъ Народа"— соціалистическое изданіе), но обнялъ его и сердечно благодарилъ [2])".

---

[1]) С.-Петерб. Вѣд. 1896 г. № 78.
[2]) С.-Петерб. Вѣд. 1896 г. № 134.

Въ такомъ настроеніи пограничнаго съ нами сосѣдства польско-революціонная печать видитъ опасные для насъ у границы надъ Вислою передовые посты народной партіи и своего рода зарождающіяся крѣпости польской народности.

Тутъ же на самой границѣ образуются тайные и явные комитеты, производятся усиленные сборы на покупку оружія и боевыхъ припасовъ, составляются кадры будущихъ легіоновъ, покупаются даже лошади для сформированія конныхъ полковъ. Молодежь въ Галиціи привлекается къ военнымъ упражненіямъ, образуетъ стрѣлковыя общества, главамъ бывшихъ мятежническихъ шаекъ поручается инструкторская часть, [1]) а главное руководство ввѣряется извѣстнымъ генераламъ отъ революціи—Боссакъ-Гауке и Мѣрославскому [2]).

Въ то же время галицко-польская печать, съ своимъ сатирическимъ „Дьябелъ" свободно-открыто помѣщаетъ столь безобразныя каррикатуры на Россію и ея представителей, что онѣ мыслимы развѣ въ подпольныхъ листкахъ. Въ послѣднее же время на Краковской сценѣ поставлена чрезвычайно зажигательная пьеса „Край" (ея авторомъ признается редакторъ одной изъ варшавскихъ газетъ). По своему цинически-враждебному характеру пьеса эта до такой степени превзошла всѣ ей подобныя, что намѣстникъ Галиціи первоначально даже запретилъ ея постановку во Львовѣ, сказавъ, будто бы, что разрѣшитъ ее лишь въ день объявленія войны Россіи. Галиційскіе вожаки вынудили у него однако согласіе ранѣе назначеннаго срока [3]).

---

[1]) Невольно вѣрится, говорится въ „Очеркахъ Привислинья", въ справедливость слуховъ, утверждающихъ, что въ 1887 г. австрійское правительство вызвало изъ Турціи проживавшаго тамъ Лангевича, извѣстнаго диктатора возстанія 1863 г. и предложило ему, вслѣдствіе его бывшей популярности въ Привислиньи, главное начальство надъ польскими легіонами въ случаѣ войны съ Россіей. Еще болѣе правдоподобны увѣренія, что Австріей уже нынѣ заготовлены печатныя прокламаціи съ польскими орлами а равно польскія знамена, вокругъ которыхъ она соединитъ безпокойные элементы Привислинья. „Русское Обозрѣніе" 1896 г. Іюль. 249.

[2]) Русское Обозрѣніе. 1896 г. Іюль. 237.

[3]) Р. Обозрѣніе. 1896 г. Іюль. 249.

Польско-революціонная партія, создавая въ Галичинѣ различныя соціалистическія и демократическія общества, разсчитываетъ воспользоваться ими въ будущемъ въ дѣйствіяхъ противъ Россіи для усиленнаго народнаго движенія: она видитъ предохранительный клапанъ въ направленіи его противъ русскаго государства. Но болѣе дальновидные и теперь замѣчаютъ, что усиленное народное движеніе можетъ направить свою дѣятельность и противъ польской же шляхты. Въ Вѣнскомъ рейхстагѣ было уже заявлено, что „когда свободно разовьется политика радикальныхъ партій, для васъ, гг. шляхтичи, настанутъ тяжелыя времена, а если будете и дальше такъ хозяйничать, придетъ страшная минута, когда пожары и убійства охватятъ весь край. Дрожите, гг. шляхтичи, бойтесь: ибо пробуждается польскій народъ, не представителями, а угнетателями котораго вы состоите“ [1]).

Встрѣчаемъ уже и такія явленія, когда польскія партіи взаимно готовы напасть одна на другую. Очень недавно случилось подобное обстоятельство, когда „патріоты“ устроили въ Краковѣ вечеръ въ годовщину возстанія Костюшки. Согласно съ заранѣе составленною программою, ораторы говорили рѣчи „патріотическаго“ содержанія, оркестръ исполнялъ пьесы польскихъ композиторовъ, подходящія къ данному случаю, декламировались стихи и т. п... Но въ самый патетическій моментъ, когда поставленный на эстрадѣ крестьянскій оркестръ заигралъ пѣсню: „Еще польска не згинела“ (считающуюся польскимъ народнымъ гимномъ), нѣсколько сотъ рабочихъ, крестьянъ и учащейся молодежи затянули пѣснь польскихъ соціалистовъ „Червоный штандартъ“, совершенно заглушивъ звуки гимна. Раздались свистки, поднялся шумъ, распорядители поторопились потушить газъ, и толпа разбрелась. „Патріотическая“ демонстрація была разбита демонстраціею космополитическаго характера, примѣръ небывалый даже въ Галиціи. Печать умѣренныхъ оттѣнковъ вооружилась противъ соціалистовъ, „нанесшихъ оскорбленіе народному гимну“. При обсужденіи

---

[1]) С.-Петерб. Вѣдом. 1896 г. № 134.

общественнаго положенія въ Галиціи, въ общемъ тонѣ статей слышится нескрываемая тревога [1]).

Во всякомъ случаѣ, польско-революціонная партія слишкомъ наэлектризована разнаго рода „патріотическими" демонстраціями, празднествами; въ нихъ она почерпаетъ свою мощь и силу, и каждый разъ, когда только къ тому представится возможность, спѣшитъ повѣдать міру, что она не забыла своего долга, не хочетъ какъ бы допустить давности. Съ 1894 года, со времени знаменитой Костюшковской выставки во Львовѣ, эта партія дѣйствуетъ особенно открыто, вызывающимъ образомъ. Тогда выставку посѣтилъ самъ маститый глава дома Габсбурговъ, при чемъ любовался и пресловутою панорамой Рацлавицкой битвы. Этого было достаточно для поляковъ, чтобы считать свое дѣло выиграннымъ и торжествовать начало возстановленія Польши. На это указываютъ бывшіе дебаты въ прусскомъ рейхстагѣ, относящіеся къ польскому вопросу въ Пруссіи, или къ вопросу объ учебномъ языкѣ и преподаваніи р.-католической религіи въ провинціяхъ съ польскимъ населеніемъ. Подобные дебаты никогда еще не имѣли никакихъ практическихъ результатовъ и весь интересъ ихъ — въ личности оратора.

„Депутатъ, возбуждающій вопросъ на трибунѣ, ничего новаго сказать не можетъ; въ его власти только раскрашивать стереотипное клише. Такъ и поступилъ депутатъ Мотти въ засѣданіи, о которомъ идетъ рѣчь".

Возбуждать жалобы, сказалъ онъ, на недопущенія преподаванія наукъ на нашемъ родномъ польскомъ языкѣ, значитъ толочь воду въ ступѣ; но мы это будемъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока не добьемся нашего права. Цѣль, съ которой стремятся сдѣлать изъ польскихъ дѣтей нѣмцевъ, достигнута не будетъ. Настоящая школа создаетъ только безсмысленныхъ куколъ съ нѣмецкимъ акцентомъ". Ораторъ приводитъ даже мнѣніе Песталоцци въ подтвержденіе истины, что въ народной школѣ ученіе можетъ идти успѣшно только на отечественномъ языкѣ. „Даже преподаваніемъ ре-

---

[1]) С.-Петерб. Вѣдом. 1896 г. № 95.

лигіи злоупотребляютъ для цѣлей организаціи, къ великому злу для религіознаго образованія молодаго поколѣнія, такъ какъ оно должно не только слышать, но и сознавать истины вѣры".

„Для отвѣта поднялся прусскій министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій - Боссе. Министръ согласенъ, что опровергать доводами жалобы, безпрестанно заявляемыя польскими депутатами на мнимыя притѣсненія, претерпѣваемыя польскимъ населеніемъ отъ прусскаго правительства, значило бы толочь воду въ ступѣ. Многократно было доказано въ этой палатѣ, что польскія жалобы неосновательны; остается только повторить сегодня то же самое. Отвѣтивъ мимоходомъ на четыре конкретныя причины неудовольствія упомянутыя предшествующимъ ораторомъ, министръ слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ задачи правительства".

Защита германизма составляетъ нашу обязанность; мы должны выступить противъ всѣхъ агитацій и стремленій, преслѣдующихъ національно-польскія тенденціи, потому что эти агитаціи и стремленія, принявшія въ послѣдніе два года огромные размѣры и большею частію порождаемыя заграничнымъ вліяніемъ, въ сущности обращены противъ интересовъ нашего отечества. Мы—государство національное; Пруссія ни по основѣ, ни по развитію не есть федеративное государство, состоящее изъ германскихъ, датскихъ и другихъ элементовъ. Она только нѣмецкое государство. Духъ создавшій всю нашу государственную жизнь, есть нѣмецкій духъ; этотъ духъ находитъ себѣ выраженіе въ нѣмецкомъ языкѣ, въ арміи, въ нѣмецкихъ властяхъ и нѣмецкомъ правительствѣ. Ни одно національное государство не можетъ само воспитывать антинаціональнаго населенія; враждебнымъ элементамъ оно само давало бы оружіе въ руки. Полезно и даже необходимо, чтобы поляки и нѣмцы въ Пруссіи знали, чего имъ въ этомъ отношеніи ожидать отъ правительства. Мы обязаны держать поляковъ въ рукахъ, чтобы не они насъ держали. Мы не имѣемъ возможности дѣлать полонизму какія бы то ни было уступки. Такова наша справедливая, открытая политика. Она вполнѣ ясна, и поляки должны съ нею помириться, хотятъ ли они или нѣтъ. Пусть же они

прекратятъ національно-польскую агитацію; только на этомъ пути имъ можно помочь". [1])

Въ другой рѣчи отвѣчая на нападки польскаго депутата кс. Яджевскаго, министръ еще болѣе рѣшительно и опредѣленно осуждалъ польскую „дикую" агитацію, замѣченную въ Верхней Силезіи, идущую извнѣ и вносящую въ среду силезскаго люда „чуждыя ему идеи принадлежности къ будущему великому польскому государству, которое вернетъ золотыя времена".

Слова г. Боссе задѣли польскихъ политиковъ за самое больное мѣсто. Галицко-польская и познанская печать обозвали его фанатикомъ, стремящимся поглотить поляковъ, передѣлать ихъ въ нѣмцевъ.

„Новая Реформа" съ пафосомъ восклицаетъ: „что сдѣлалъ г. Боссе изъ своей цивилизаторской миссіи, которая ввѣрена ему, какъ министру народнаго просвѣщенія! Онъ затаскалъ ее въ политической грязи и этими лохмотьями махалъ по направленію къ польскимъ скамьямъ". „Польское населеніе должно сосредоточить всѣ свои народныя силы въ семейныхъ кружкахъ и обществахъ: это необходимо сдѣлать, имѣя такое правительство. Семья должна замѣнить дѣтямъ школу, а общество—соединить то, что воспитано польскою семьею". Газета затѣмъ призываетъ къ борьбѣ все польское общество, живущее въ прусскомъ „заборѣ", обѣщая притти къ нему на помощь по первому же зову. (Какова эта помощь, вопросъ остается открытымъ; или слѣпой слѣпаго поведетъ...).

„Польскій Дневникъ" выразилъ пожеланіе, чтобы познанскіе поляки, „поднявъ перчатку, брошенную имъ надменнымъ тевтономъ, не прекращали неравной, правда, но почетной для поляковъ борьбы".

„Новая Реформа" въ новомъ номерѣ выражаетъ удивленіе, какъ могъ прусскій министръ такъ грубо отозваться о полякахъ въ то именно время, когда австро-венгерскій министръ польской національности пріѣзжалъ въ Берлинъ,

---

[1]) С.-Петерб. Вѣд. 1896 г. № 52.

въ качествѣ посредника между Австро-Венгріей и Германіей, чтобы скрѣпить узы, связывающія эти державы, въ виду усиленія русской гегемоніи въ Европѣ. Газетѣ кажется страннымъ, что въ то время, какъ Австрія ищетъ помощи и совѣтовъ въ польской средѣ, въ сосѣдней и даже союзной державѣ воздвигаютъ гоненіе на поляковъ, въ которыхъ Австрія ищетъ точки опоры. Значитъ—какое нибудь изъ этихъ двухъ государствъ ошибается во взглядѣ на основы польскаго вопроса. Въ общемъ тонѣ статьи слышится угроза по адресу Германіи: ты дорожишь де австрійской дружбой; но знай, что въ Австріи правятъ поляки, которыхъ ты такъ угнетаешь у себя и что отъ нихъ зависитъ судьба этой дружбы.

Ближайшимъ результатомъ этой перепалки между г. Боссе и польскимъ клубомъ сейма былъ многочисленный польскій митингъ въ Берлинѣ. Политическія рѣчи на этомъ митингѣ доказали безошибочность обвиненій, высказанныхъ г. Боссе.

„Предсѣдавшій въ собраніи, депутатъ прусскаго сейма, Вавржинякъ, между прочимъ, сказалъ: „Мы должны сознаться, что мѣсто наше не здѣсь, въ чуждой странѣ; мы жаждемъ польской отчизны". Другой ораторъ настаивалъ на необходимости охранять дѣтей отъ онѣмеченія. „Польское дитя, говорилъ онъ, не должно никогда слышать ни одного слова нѣмецкаго изъ устъ своихъ родителей. Оно не должно даже знать, что его родители владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ. Въ нашихъ домахъ не должно быть ни одной нѣмецкой книги, ни одной нѣмецкой газеты. Ничто не должно напоминать намъ, что живемъ въ Берлинѣ (какая болтовня! придется ходить съ закрытыми глазами и ушами!). Слѣдуетъ охранять нашихъ дѣтей не только отъ нѣмецкаго языка, но и отъ нѣмецихъ привычекъ. Они всегда должны помнить, что отчизна ихъ—Польша".

Ораторъ Янишевскій говорилъ, что будетъ еще время, когда Польша сдѣлается для своихъ сыновъ „настоящею матерью", и потому убѣждалъ слушателей заботиться, чтобы польскія дѣти не пропали „для будущей единой отчизны, въ воскресеніе которой долженъ вѣрить и вѣритъ каждый истинный полякъ".

Въ подобномъ же возбудительномъ духѣ ораторствовали и ксендзы, бывшіе въ собраніи. Когда Вавржинякъ объявилъ собравшимся, что въ будущемъ году въ Берлинѣ состоится большое польско-католическое вѣче, то одинъ изъ присутствовавшихъ ксендзовъ добавилъ: „пока въ средѣ сыновъ Польши господствуетъ такой хорошій духъ (революціонный!..), до тѣхъ поръ не пропадетъ польскій народъ, не смотря ни на какія махинаціи!“ [1]).

Такъ воинствуютъ „бѣдные“, „загнанные“, „угнетаемые“, „притѣсняемые“ поляки. Въ дѣйствительности, по ихъ суетному признанію, они оказались даже очень сильными: многимъ обѣщаютъ какую-то помощь, служатъ опорою и совѣтникомъ Австріи, угрожаютъ Пруссіи лишеніемъ своей дружбы, а относительно Россіи давно уже порѣшили перебросить ее... ну хотя бы за Волгу и освободившееся пространство занять для будущаго польскаго королевства. Польско-революціонная партія, какъ мы видѣли, дерзко продолжаетъ предъявлять требованія независимой Польши, и при томъ не иначе, какъ въ границахъ 1772 года. Литва и Русь, т. е. Сѣверо-западный и Юго-западный наши края должны составлять, по ея мнѣнію, неотъемлемую собственность Польши и стремиться къ возсоединенію съ своею прежнею матерью. Православное русское населеніе Забужья—это молъ р.-католики, въ средѣ которыхъ необходимо вести дѣятельную тайную религіозную и политическую пропаганду для поддержанія ревности къ р.-католицизму и преданности польскому владычеству, которое снова тамъ распространится. Польскіе крестьяне въ глазахъ этой партіи ни болѣе, ни менѣе какъ будущіе возстановители Польши; они живо возьмутся за оружіе, какъ только народное самосознаніе проникнетъ въ ихъ среду.

Эта партія, въ свою очередь, при посредствѣ правительства и ксендзовъ, вездѣ въ Австро-Венгріи стѣсняетъ русскій элементъ, обращаетъ православныхъ въ уніатовъ, а этихъ послѣднихъ—въ р.-католиковъ, налагаетъ на православныхъ особые налоги (извѣстное дѣло о процессіи изъ

---

[1]) С.-Петерб. Вѣд. 1896 г. № 67.

села Кутъ въ Галиціи въ день св. Ап. Петра и Павла), рѣшительно противодѣйствуетъ выбору православныхъ депутатовъ въ вѣнскую палату и отдѣльные ландтаги, содѣйствуетъ изъятію изъ православнаго богослуженія славянскаго языка и замѣнѣ его другимъ, хотя бы мадьярскимъ, затрудняетъ, запрещаетъ и конфискуетъ изданія на русскомъ языкѣ и многое другое [1]. При достиженіи своихъ цѣлей она не стѣсняется никакими средствами. Терроръ — вотъ на чемъ до сихъ поръ зиждется вся сила польскихъ революціонеровъ.

„Требуемъ отъ всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности: дѣятельнаго патріотизма, безпредѣльнаго послушанія и непоколебимой вѣрности. Хорошіе люди будутъ выполнять эти добродѣтели, дурные—должны будутъ исправиться или понести надлежащее наказаніе. Начальники округовъ будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи жандармовъ, при помощи которыхъ будутъ чинить расправу надъ отступниками и измѣнниками народному дѣлу“ [2].

Такъ оканчивается одно изъ многихъ польско-революціонныхъ воззваній, которыя изъ за границы черезъ Привислинье контрабанднымъ путемъ проникаютъ въ западнорусскія окраины.

Таковы отношенія къ Россіи польско-революціонной партіи [3]. Гдѣ только можно, она старается создать для Россіи

---

[1]) См. статьи: профессора Филевича „У свѣжей русской могилы„—„Новое Время“ 1896 г. № 7313, доктора Живнаго: „Р.-католическая пропаганда у Словаковъ, Хорватовъ“... „С.-Петерб. Вѣдом.“ и др.

[2]) Русск. Обозрѣніе 1896 г. Іюль, 251

[3]) Въ видимой многолюдности революціонныхъ митинговъ, собраній не слѣдуетъ видѣть сочувствіе всего польскаго народа революціонерамъ. Эти собранія устрояются искусственно и большинство присутствующихъ на нихъ или просто любопытные зрители, или даже не знаютъ, что творятъ и зачѣмъ сюда попали. Вѣдь были же цѣлыя депутаціи къ папѣ крестьянъ изъ русскихъ якобы уніатовъ, между которыми въ дѣйствительности добрую половину составляла переодѣтая польская шляхта и паны. Не удивительно, если подобная депутація могла просить замѣны славянскаго языка въ богослуженіи другимъ какимъ-нибудь на томъ основаніи, что славянскій де языкъ

затрудненія, очернить ея лучшія намѣренія, истолковать въ ложномъ свѣтѣ ея распоряженія, приписать ей невозможныя затѣи; въ то же время для прикрытія своихъ тайныхъ замысловъ она клевещетъ на русское правительство, будто оно силится уничтожить польскую національность, будто оно гнететъ р.-католическую вѣру, при чемъ пускаетъ въ ходъ разсужденія „объ уваженіи совѣсти“, „о свободѣ убѣжденій“, „о разумномъ отношеніи къ окраинамъ“, „о вѣро-

---

имъ непонятенъ. А вотъ какъ описываетъ Юрій Мошинскій устройство подобныхъ собраній и вербовку на нихъ *дѣятелей*. Самъ авторъ былъ всего въ 3 классѣ гимназіи въ Краковѣ одиннадцати-лѣтнимъ мальчикомъ. Дѣло шло о выборѣ депутата къ Австрійскому Императору въ 18:0 году для представленія адреса отъ имени Галиціи и Кракова о содѣйствіи полякамъ въ отбудованіи отчизны. „Поляки, говорилось въ адресѣ между прочимъ, никогда не откажутся отъ своихъ вѣчныхъ, неподлежащихъ давности историческихъ народныхъ правъ; для насъ эта на трое раздѣленная Польша всегда остается одною и тою самою особой давней нашей матери; а съ братьями при рр. Вартѣ и Вислѣ у насъ бьется одно и тоже сердце и въ общихъ жилахъ течетъ одна и таже кровь“. Когда гимназисты около 11 ч. утра во время перемѣны массами толпились во дворѣ гимназіи, вдругъ появился между ними нѣкій панъ Станиславъ Бѣсядецкій, въ чемаркѣ, конфедераткѣ и непремѣнно съ польскимъ орломъ на брюхѣ и по командѣ, „господа! всѣ за мною въ залъ засѣданій“, повелъ съ собою этихъ 11 и 12-тилѣтнихъ господъ. Они, конечно, не понимали, въ чемъ дѣло, говоритъ авторъ, но подозрѣвали, что имъ предстоитъ сдѣлать что то важное для отчизны и толпою двинулись за своимъ предводителемъ, котораго видѣли впервые въ жизни“. Въ залѣ Бѣсядецкій уставилъ ребятъ возлѣ печи и приказалъ имъ, чтобы они, по данному знаку, такъ долго и такъ громко выкрикивали имя „Смолки“, какъ единственнаго депутата для отправленія въ Вѣну съ адресомъ, пока не перекричатъ сторонниковъ другой партіи, желавшей отправить депутацію изъ трехъ лицъ: князя Адама Сапѣги, Александра Дзедушицкаго и Франциска Смолки. „Приказаніе, говоритъ Мошинскій, мы исполнили вполнѣ добросовѣстно: такъ громко кричали: Смолка, Смолка! что заглушили звонокъ председателя и неистовствовали (wrzeszczeliśmy) до той поры, пока наконецъ не охрипли, такъ что отецъ мой (былъ председателемъ) въ высшей степени возмущенный этимъ, приказалъ вытолкать насъ за дверь“. Mysl polityczna - Jerzy Moszynski Krakow. 1895 r. t. II 168—169), Съ такими же цѣлями эту молодежь водили въ костелы, на военныя прогулки за городъ, гдѣ давались примѣрныя сраженія и т. под. И каждый разъ между дѣтьми появлялись какіе то неизвѣстные господа, при чемъ постоянно напоминали, что не задолго поведутъ ихъ въ бой за независимость отчизны (Ibid. 131—132).

терпимости“ и т. под. Мы видѣли уже всю неправду этихъ навѣтовъ на Россію, которые рѣшительно противорѣчатъ духу и складу россійскаго государства, его историческому прошлому и его законодательству. Опровергать эти навѣты — это, по справедливому замѣчанію министра Боссе, „толочь воду въ ступѣ“. Самимъ революціонерамъ дѣло не въ той или другой мѣрѣ относительно обученія польскому языку или р.-католической религіи; это только пути (по ихъ признанію), которыми они хотятъ итти къ созданію будущей отчизны и, владѣя которыми, они надѣются подготовить для нея согражданъ (рѣчи на митингѣ въ Берлинѣ). Эту закулисную сторону всегда нужно имѣть въ виду при обсужденіи заявленій со стороны поляковъ.

Правы, потому, были „Московскія Вѣдомости“, когда по вопросу о „Русско-польскихъ отношеніяхъ“ приглашали [1]) русскую печать стоять на высотѣ своего призванія, быть осторожною какъ въ печатаніи извѣстныхъ фактовъ, такъ и въ ихъ освѣщеніи. а, главное, стараться „знать все, что происходитъ въ краѣ. Надо имѣть на мѣстѣ людей надежныхъ чисто русскихъ и вполнѣ безпристрастныхъ. Тогда обсуждая мѣропріятія, указывая даже на промахи (кто застрахованъ отъ нихъ), но сопоставляя все предшествовавшее, все вызвавшее эти мѣры, а также положеніе разныхъ вѣроисповѣданій, разныхъ общественныхъ группъ, и всѣ улучшенія, сдѣланныя въ краѣ, всѣ жертвы, принесенныя для этой окраины какъ правительствомъ, такъ и вообще русскими людьми, — печать будетъ въ состояніи высказать сужденіе безпристрастное, съ полнымъ сознаніемъ той серіозной отвѣтственности, какая лежитъ на ней передъ Богомъ и людьми“.

Польскаго вопроса для Россіи нѣтъ: онъ рѣшенъ въ ней безповоротно. Но до тѣхъ поръ, пока польскіе патріоты будутъ мечтать о возстановленіи свободной отчизны отъ моря до моря, о воплощеніи идеи „представительнаго шляхетско-республиканскаго государства“ (по гр. Леливѣ), пока школу,

---

[1]) 1896 г. № 150.

религію и племенныя различія будутъ превращать въ орудіе для достиженія этой фантастической цѣли, до тѣхъ поръ невозможно прочное сближеніе русской и польской національностей".

„Но стоитъ только полякамъ отказаться не на словахъ, а на дѣлѣ отъ подобныхъ стремленій и они могутъ сдѣлаться полезнымъ и дѣятельнымъ элементомъ въ государственной жизни... Никакой вражды и никакого предубѣжденія противъ поляковъ въ Россіи не существуетъ; но было бы странно предполагать, что русское правительство и русское общество могутъ сочувствовать полонизму и поддерживать его (какъ элементъ антиправительственный, революціонный" [1]).

Никто не проповѣдуетъ въ Россіи насильственнаго обрусенія и оправославленія нѣмцевъ, поляковъ, армянъ, евреевъ. „И нѣмцы, и евреи, и поляки, и армяне могутъ оставаться при своей религіи и при своемъ языкѣ, но подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ,—условіемъ полнаго усвоенія русской государственной идеи, подъ условіемъ полнаго политическаго сліянія съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Иными словами это выражается такъ: въ интимной жизни оставайся иновѣрцемъ и инородцемъ, но будь всегда, вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ русскимъ гражданиномъ".

„Мы требуемъ отъ инородцевъ одного, чтобы они были истыми, вѣрными, преданными русскими гражданами. Если религія и племенныя особенности мѣшаютъ осуществленію этого идеала, мы поднимаемъ противъ нихъ голосъ, но не во имя религіозной или племенной нетерпимости, а въ защиту единства и цѣлости государства. (Это наша прямая обязанность, священный долгъ). Не очевидно-ли, что тутъ начинается борьба не противъ инородца, или иновѣрца, но противъ измѣнника-гражданина".

„Глубоко вѣримъ, заключаетъ „Свѣтъ", что новая антирусская и новая антигосударственная интрига (Писанія гр. Леливы съ комп.), затѣянная, повидимому, не слишкомъ мудрыми

---

[1]) Моск. Вѣдом. 1896 г. № 100.

людьми, не будетъ имѣть ни малѣйшаго успѣха въ обществѣ. Что касается правительства, то ему хорошо должны быть памятны подобныя же примирительныя рѣчи (и дѣйствія) за которыми вспыхивали смуты и возстанія" [1]).

И какою горькою, обидною для насъ ироніею звучатъ отзывы самихъ поляковъ объ этой политикѣ примиренія!

Извѣстно, что въ 1855 году Литовскій митрополитъ Іосифъ представилъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода обширную записку, въ которой, на основаніи статистическихъ данныхъ, доказывалъ грозящую краю опасность отъ занятія въ немъ поляками почти всѣхъ служебныхъ чиновничьихъ мѣстъ. Благодаря главнымъ образомъ содѣйствію митрополита Московскаго Филарета, которому тоже была сообщена записка, въ томъ же году послѣдовало правительственное распоряженіе, чтобы на чиновничьи мѣста въ Сѣверо-западномъ краѣ назначались лица исключительно русскаго происхожденія.

Къ счастію, по заявленію поляковъ, взгляды митрополита Іосифа далеко не находили себѣ сочувствія въ генералъ-губернаторѣ Назимовѣ, котораго поддерживали какъ Кіевскій генералъ-губернаторъ, такъ и общественное мнѣніе въ Россіи. „Всѣ громко стали заявлять, что пора наконецъ покончить съ политикой ненависти относительно поляковъ, что такая политика производитъ горькіе и ядовитые плоды, что было бы гораздо лучше обратиться къ другимъ средствамъ, средствамъ ласкъ, милостей, уступокъ, заживленія ранъ, стать на либеральный путь одинаковыхъ для всѣхъ правъ и установленій. Изъ Кіева сдѣлано было даже представленіе, что переводъ должностныхъ лицъ (поляковъ) съ одного мѣста на другое очень затруднителенъ, что, при назначеніи на мѣста русскимъ людямъ можно предоставить преимущественное, но не исключительное право, что поляковъ-чиновниковъ слѣдуетъ удалять съ мѣстъ въ случаѣ ихъ нелойяльности или нерадѣнія. Генералъ-губернаторъ Назимовъ твердилъ всѣмъ, что удаленіе поляковъ съ занимаемыхъ ими мѣстъ „можетъ быть очень вреднымъ."

---

[1]) Свѣтъ 1896 № 180.

Въ силу этого правительственное распоряженіе 1855 года было отмѣнено Высочайшимъ указомъ 1856 года, которымъ полякамъ наравнѣ съ русскими людьми предоставлялись служебныя права въ западной Россіи, за исключеніемъ должности учителя исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ, каковая должность предоставлялась исключительно лицамъ русскаго происхожденія. Но и это ограниченіе было уничтожено распоряженіемъ отъ 2-го марта 1857 года при чемъ по заявленію автора „Исторіи двухъ лѣтъ 1861—1862 гг.", правительство наивно откровенно признавалось, что дѣлаетъ это потому, что между русскими не можетъ найти способныхъ кандидатовъ для занятія этихъ мѣстъ, почему эти должности можно поручить и живущимъ въ западныхъ губерніяхъ."

Не удовольствовались поляки этою уступкою, и отъ новаго молодаго Государя (въ 1856 году) Александра II ежеминутно стали ожидать цѣлаго потока ласкъ, милостей, новыхъ уступокъ, а главное—признанія польскою землею Литвы и Бѣлоруссіи. Въ такихъ видахъ гр. Евстафій Тышкевичъ пожертвовалъ 25,000 руб. на раненыхъ въ Крымскую кампанію. Государь приказалъ его благодарить. Пользуясь этимъ, Тышкевичъ выхлопоталъ разрѣшеніе на устройство въ Вильнѣ археологическаго Музея и для его основанія пожертвовалъ собственныя значительныя собранія и пригласилъ къ пожерворваніямъ другихъ. Государь съ своей стороны приказалъ давать 1000 руб. на содержаніе администраціи. „Между тѣмъ говоритъ авторъ „Исторіи двухъ лѣтъ", этотъ музей имѣлъ исключительно польскій характеръ, чтобы ясно и очевидно доказать (всѣмъ), что Литва и Бѣлоруссія—это Польша" Такъ уступки одной стороны усиливали политическіе аппетиты другой.

Еще годъ, и у Государя потребовали возврата Польшѣ Литвы, Бѣлоруссіи и Подоліи. Когда въ 1858 году въ Сентябрѣ Государь прибылъ въ Минскъ, гдѣ было собрано бѣлорусское дворянство (изъ Витебской, Могилевской и Минской губ.), Ему представленъ былъ дворянами адресъ, въ которомъ послѣдніе просили увеличенія р.-католическихъ костеловъ, введенія въ школьное преподаваніе польскаго языка и учрежденія въ Полоцкѣ университета. На адресъ суровымъ,

порицающимъ тономъ Государь отвѣтилъ, что „въ поданной просьбѣ пробивается какое то стремленіе къ сохраненію мнимой польской народности, стремленіе тѣмъ болѣе безосновательное и легкомысленное, что не имѣетъ за собою никакого даже историческаго основанія. Извѣстно, что край этотъ—(Бѣлоруссія—) никогда не былъ самостоятельнымъ и никогда не считался за вновь пріобрѣтенный; онъ только былъ отобранъ отъ Польши, какъ исконная собственность Россіи.

Въ слѣдующемъ 1859 году почти тоже было сказано въ Каменецъ-Подольскѣ, когда тамошнее дворянство хотѣло подать Государю адресъ о притѣсненіи р.-католицизма, о польскомъ языкѣ [1]), о выборномъ правѣ шляхты. Государь, преду-

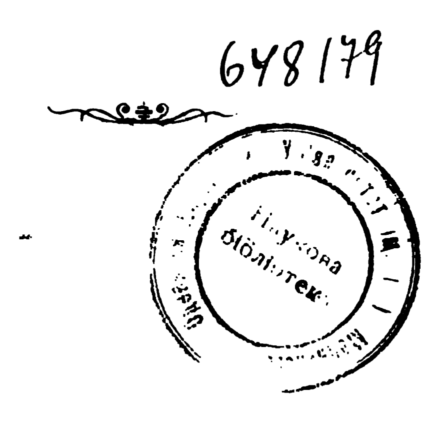
---

[1]) На этотъ предметъ даже попечитель Виленскаго учебнаго округа кн. А. Чарторыйскій смотрѣлъ въ свое время иначе. Когда въ 1804 г. разрѣшено было открыть въ г. Кіевѣ гимназію, визитаторъ Чацкій доносилъ кн. Чарторыйскому, „что онъ находитъ нужнѣйшимъ обучать въ Кіевѣ на польскомъ языкѣ, на томъ основаніи, что 1-е, въ сей губерніи находится шляхты 43595, а мѣщанъ 15427...; 2-е, что тамошнее дворянство въ мѣстахъ судебныхъ употребляетъ природный свой языкъ польскій; 3-е, что юношество одного округа наставляемо будучи не на одномъ своемъ языкѣ, оказало бы не равные успѣхи; 4-е, что вклады на содержаніе училищъ и по Кіевской губерніи наипаче составляются изъ приношеній польскаго дворянства". Сообщая о такомъ мнѣніи Министру Нар. Просвѣщенія, князь Чарторыйскій прибавляетъ, что при всей *видимой* основательности мнѣнія Чацкаго, онъ—попечитель, не можетъ оставить безъ уваженія, съ одной стороны той надобности, которую имѣетъ въ усовершенствованіи себя въ Россійскомъ языкѣ сіе самое польское юношество, приготовляясь къ службѣ своему новому Отечеству, а съ другой стороны, такъ сказать, необходимости въ Россійскомъ же языкѣ для юношества малороссійскихъ вообще, а наипаче за-Днѣпровскихъ жителей, которые изъ давнихъ временъ привыкли посылать дѣтей своихъ въ Кіевъ преимущественно предъ прочими городами, такъ что, не взирая на раздѣленіе округовъ и принадлежность ихъ теперь къ части, подвѣдомой будущему Харьковскому университету, нельзя надѣяться, чтобы они скоро обратили дѣтей своихъ въ другія училища, гдѣ будутъ обучать по Россійски и коихъ даже точное время открытія еще не извѣстно. Сверхъ же того, не обошлось бы безъ неудовольствія и отъ самыхъ Кіевлянъ, если бы они черезъ введеніе въ училища ихъ *неупотребляемаго ими польскаго языка* принуждены были изъ своего губернскаго города посылать въ другую губернію дѣтей, *обыкновенно до сего времени воспитываемыхъ по Россійски...* (Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи—

вѣдомленный объ этомъ, когда вышелъ къ собравшимся дворянамъ, спросилъ: а когда у васъ выборы? На отвѣтъ: завтра, Государь замѣтилъ: „знаю, что у васъ есть намѣреніе подать мнѣ адресъ; но ваши совѣщанія незаконны. Это—замашки! Не забывайте, что этотъ край русскій, а не польскій и помните, что для меня во сто разъ пріятнѣе хвалить и благодарить, чѣмъ дѣлать напоминанія."

Такихъ громадныхъ жертвъ „неосновательно и легкомысленно" требуетъ отъ насъ противная сторона на пути уступокъ и примирительнаго направленія. И гдѣ ихъ предѣлъ и будетъ ли онъ?... Едва ли, отвѣтимъ на основаніи мнѣнія Н. М. Карамзина.

„Слишкомъ многаго за разъ потребовали, наивно замѣчаетъ авторъ „Исторіи двухъ лѣтъ" по поводу адресовъ дворянства, и потому ничего не получили". (Historya dwóch lat 1861—1862. Z. L. S t. 1 211—217 и 308.)

т. 2 стр. 1083—1084). Но Чацкій не обращалъ на это вниманія, продолжалъ свою разрушительную работу и въ письмахъ къ Ив. Снядецкому жаловался что кн. Чарторыйскій, къ глубокому его сожалѣнію, не проникнутъ вполнѣ сознаніемъ пользы введенія *во всемъ* округѣ въ преподаваніе польскаго языка. Pamiętniki o Janie Sniadeckim—Balinski—II—232.

